

ФИЛОЛОГИЯ И ЧЕЛОВЕК

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит четыре раза в год

№ 4

2012

Барнаул

Издательство Алтайского
государственного университета
2012

Учредители

Алтайский государственный университет
Алтайская государственная педагогическая академия
Алтайская государственная академия образования имени В.М. Шукшина
Горно-Алтайский государственный университет

Редакционный совет

О.В. Александрова (Москва), К.В. Анисимов (Красноярск), Л.О. Бутакова (Омск), Т.Д. Венедиктова (Москва), Н.Л. Галеева (Тверь), Л.М. Геллер (Швейцария, Лозанна), О.М. Гончарова (Санкт-Петербург), Т.М. Григорьева (Красноярск), Е.Г. Елина (Саратов), Л.И. Журова (Новосибирск), Г.С. Зайцева (Нижний Новгород), Е.Ю. Иванова (Санкт-Петербург), Ю. Левинг (Канада, Галифакс), П.А. Лекант (Москва), О.Т. Молчанова (Польша, Щецин), В.П. Никишаева (Бийск), В.А. Пищальникова (Москва), О.Г. Ревзина (Москва), В.К. Сигов (Москва), М.Ю. Сидорова (Москва), И.В. Силантьев (Новосибирск), Ф.М. Хисамова (Казань)

Главный редактор

Т.В. Чернышова

Редакционная коллегия

Н.А. Гузь (зам. главного редактора по литературоведению и фольклористике), С.А. Добричев, Н.М. Киндикова, Л.А. Козлова (зам. главного редактора по лингвистике), Г.П. Козубовская, А.И. Куляпин, В.Д. Мансурова, И.В. Рогозина, А.Т. Тыбыкова, А.А. Чувакин, Л.И. Шелепова, М.Г. Шкуропацкая

Секретариат

Т.Н. Василенко, М.П. Чочкина

Адрес редакции: 656049 г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, Алтайский государственный университет, филологический факультет, оф. 405-а.
Тел./Факс: 8 (3852) 366384. E-mail: sovet01@filo.asu.ru

ISSN 1992-7940

© Издательство Алтайского университета, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Ю.В. Даниюшина. Управленческая коммуникология и организационная дискурсивная лингвистика (межкультурный критический анализ управленческого дискурса).....	7
С.Н. Глазкова. Этноспецифика директивной синтаксемы <i>надо+инфинитив</i> в диахроническом аспекте.....	20
Н.А. Дьячкова. Поспешные умозаключения или карикатура?.....	29
Л.М. Готовцева. Вариантность субстантивных фразеологических единиц якутского языка.....	40
К.А. Мякшин. Системный аспект изучения терминосистемы английской фонетики.....	52
Т.С. Медведева. Концептуализация времени в немецкой и русской лингвокультурах.....	64
Л.И. Москалюк. Инфинитив в островных немецких диалектах.....	75
Я.О. Дзыга. И.С. Шмелев и М. Горький как продолжатели традиций : принципы натуральной школы в рассказах «Гражданин Уклеikin» и «Супруги Орловы».....	89
Н.Г. Арефьева. Дионисийство и аполлонизм русских модернистов в рецепции Вячеслава Иванова.....	101

Научные сообщения

А.А. Сидоров. Современный французский язык под влиянием речи иммигрантов.....	115
С.М. Козлова. Интегральная поэтика рассказа А.П. Чехова «В вагоне».....	119
С.А. Губанов. Метонимический эпитет и его функционирование в цветаевском идиолекте.....	125
Е.А. Мызникова. Частные проявления научно-философского эволюционизма в творчестве И. Ефремова.....	131
С.А. Кабакова, С.А. Комаров. Мотив бесстрашия в творчестве М.А. Булгакова и В.М. Шукшина.....	139

Коммуникативная парадигма в современной филологии : человек – язык – текст

А.А. Чувакин. К построению филологической теории коммуникации : статья вторая.....	146
И.В. Rogozina. Лингвистическая модель сетевого компонента языкового сознания.....	157
Д.А. Кожанов. Взаимодействие дискурсов как следствие распространения междисциплинарного знания.....	168
Т.В. Чернышова. Методы исследовательской и практической деятельности в области коммуникации и текста как важнейшая составляющая подготовки бакалавра и магистра филологии.....	174
А.Г. Пастухов. Инфотеймент и эдутеймент : цифровые медиа против бумажных?.....	183

Филология : люди, факты, события

Н.В. Панченко, Т.В. Чернышова. Третья международная научно-практическая конференция «Коммуникативистика в современном мире : эффективность и оптимизация речевого взаимодействия в социуме» (Барнаул, Алтайский государственный университет, 24–29 апреля 2012 г.).....	194
--	-----

Критика и библиография

В.И. Коньков. «Коммуникативистика в современном мире : эффективность и оптимизация речевого взаимодействия в социуме : Материалы Третьей международной научной конференции (Барнаул, 24-29 апреля 2012 г.) / под ред. Н.В. Панченко, Т.В. Чернышовой, А.А. Чувакина. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2012. 327 с.....	197
М.Р. Проскураков. Рецензия на монографию Т.И. Красновой «Другой голос. Анализ газетного дискурса русского зарубежья 1917–1920 (22) гг.».....	201
Резюме	207
Содержание журнала за 2012 год	215
Наши авторы	221

CONTENTS

Articles

Yu.V. Daniushina. Governance communicology and organizational discursive linguistics (an intercultural critical analysis of managerial discourse).....	7
S.N. Glazkova. Ethnospecificity of directive sintakseme <i>nado</i> (<i>it needs to</i>) + <i>infinitive</i> in diachronic aspect.....	20
N.A. Dyachkova. Hastily-made conclusions or caricature?.....	29
L.M. Gotovtseva. The variants of substantive phraseological units of the Sakha language.....	40
K.A. Myakshin. Systemic aspect in the study of the terminological system of English phonetics.....	52
T.S. Medvedeva. The conceptualization of time in German and Russian linguo-cultures.....	64
L.I. Moskalyuk. Infinitive in the insular german dialects.....	75
Y.O. Dzyga. I.S. Shmelev and M. Gorky as successors of the traditions : Principles of the Natural school in the stories «Sir Ukleikin» and «Spouses Orlov».....	89
N.G. Arefieva. Dionysian and Apollonian by Russian modernists in Vyacheslav Ivanov's reception.....	101

Scientific reports

A.A. Sidorov. Modern French language under the immigrants' speech influence.....	115
S.M. Kozlova. The integral poetics of Chekhov's short story «In the Wagon».....	119
S.A. Gubanov. Adjective methonymy in literary text in the idiolect by M. Tsvetayeva.....	125
E.A. Myznikova. Particular cases of scientific and philosophical evolutionism in works by I. Efremov.....	131
S.A. Kabakova, S.A. Komarov. Motive of fearlessness in M.A. Bulgakov and V.M. Shukshin works.....	139

Communicative paradigm in modern philology : person – language – text

A.A. Chuvakin. About construction of philological theory of communication : the second article.....	146
I.V. Rogozina. Linguistic model of internet cognitive structures.....	157
D.A. Kozhanov. Discourses interaction as a result of development of interdisciplinary knowledge.....	168
T.V. Chernyshova. Methods of scientific and practical activities in the field of communication and text as one of the most important element during the training of Bachelor and Master of Philology.....	174
A.G. Pastukhov. Infotainment and Edutainment : Digital Media vs. Print Media?.....	183

Philology: people, facts, events

N.V. Panchenko, T.V. Chernyshova. The Third international research and practice conference «Communication science in contemporary world : efficiency and optimisation of talk exchange in society» (Barnaul, Altai State University, 24–29 April 2012).....	194
--	-----

Critics and bibliography

V.I. Konkov. «Communication science in contemporary world : efficiency and optimization of talk exchange in society : Materials of the Third international research conference» (Barnaul, 24–29 April 2012) / edited by N.V. Panchenko, T.V. Chernyshova, A.A. Chuvakin. Barnaul : Publishing Office of Altai University, 2012. 327 p.....	197
M.R. Proskuryakov. Review of the monograph by T.I. Krasnova “Another voice. Analysis of Russian immigrants newspaper discourse of 1917-1920 (22)”	201
Summary	207
Issues content for 2012	215
Our authors	221

СТАТЬИ

УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ КОММУНИКОЛОГИЯ И ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ДИСКУРСИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА (МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО ДИСКУРСА)

Ю.В. Данюшина

Ключевые слова: управленческая коммуникология, организационная дискурсивная лингвистика, бизнес-лидер, дискурс, корпоративный сайт, публичная речь.

Keywords: Governance Communicology, Organizational Discursive Linguistics, business leader, discourse, corporate web-sites, public speech.

Научно-технологическое и информационное развитие общества ведет к усилению междисциплинарного взаимодействия отдельных областей знаний. В зоне соприкосновения наук возникают новые перспективные исследовательские направления. Так, уже утвердились два прикладных направления, лежащих на стыке лингвистики и соответствующего раздела социальной деятельности: первое из них – это политическая лингвистика, или политологическая филология (например, в исследованиях А.Н. Баранова, В.З. Демьянкова, А.П. Чудинова и др.) – на стыке лингвистики и политики; второе – юрислингвистика (или юридическая лингвистика) и судебное речеведение (в работах Е.И. Галяшиной, Н.Д. Голева и др.) – на стыке лингвистики и права. Активно развиваются и такие прикладные лингвистические дисциплины как медиалингвистика, этнолингвистика. Во многие образовательные программы вузов включена документная лингвистика.

Такое междисциплинарное взаимодействие не могло не коснуться и таких сравнительно новых для отечественной науки сфер как теория управления и организационная коммуникация. В связи с этим представляется особенно актуальным исследовать особенности

функционирования языка в двух чрезвычайно важных взаимосвязанных областях общественной деятельности – в управлении и в работе организации. Управленческий дискурс и организационный дискурс вызывают все больший интерес и у отечественных, и у зарубежных ученых, и мы полагаем, что именно их комплексное изучение – с применением методологий и подходов сразу нескольких наук – было бы наиболее эффективным. Достижению этой обозначенной нами цели (комплексность изучения двух вышеназванных дискурсных областей) и призваны способствовать предлагаемые и разрабатываемые нами инновационные лингво-коммуникативные кросс-дисциплины на стыке лингвистики (лингвистической дискурсологии, дискурс-анализа), коммуникологии, организационной коммуникации, межкультурной коммуникации и теории управления – управленческая коммуникология и организационная дискурсивная лингвистика.

Мы считаем оправданной разработку двух этих дисциплин в их тесной взаимосвязи, во взаимодействии лингвистического и коммуникологического, коммуникативного аспектов (например, в нашей докторской диссертации заложена авторская концепция лингво-коммуникативного обеспечения бизнеса [Данюшина, 2011а], в настоящее время мы разрабатываем реестр лингво-коммуникативных компетенций госслужащего [Данюшина, 2011б]).

Итак, объектами управленческой коммуникологии и организационной дискурсивной лингвистики являются соответственно управленческий и организационный дискурсы, а предметами данных научных субдисциплин видятся особенности функционирования языка соответственно в управленческой и организационной деятельности.

Приведем теперь наш непосредственный авторский опыт предварительного исследования в рамках предлагаемых направлений, а именно покажем, как проявляются особые дискурсивные характеристики руководителей американской, французской и китайской корпораций, то есть рассмотрим их публичную речь с применением методов критического дискурс-анализа и с опорой на признанные антропологические и культурологические теории.

Как известно, современный руководитель должен обладать необходимыми или коммуникативными и межкультурными компетенциями, позволяющими ему работать в условиях возрастающей международной интеграции, однако национальная культурная специфика не может не проявляться в коммуникации и в отношениях. Как указывал Г. Хофштеде, культура, к которой мы принадлежим, воздействует на наши представления о лидерстве [Hofstede, 1993].

Разные культуры имеют разные образы лидера, что неизбежно должно учитываться в дискурсе руководителя, в т.ч. корпоративного. Так, например, C. Derr, S. Rousillon и F. Bournois [Derr, Rousillon, Bournois, 2002] приводят следующие метафоры лидера (leader metaphors) образно показывающие, каким видится лидер в разных культурах, и соответственно, исходя из чего необходимо строить свой стиль и дискурс руководителю при работе с представителями этой культуры: лидер в США – свободный агент, суперзвезда; лидер в Латинской Америке – генерал, сильный руководитель; лидер во Франции – гений, интеллектуальная элита; лидер в Великобритании – дипломат; лидер в Германии – мастер-хозяин, эксперт; лидер в Японии – высший государственный чиновник; лидер в Китае – герой-полководец с местными связями.

В анализе речи бизнес-руководителей необходимо учитывать и антропологические теории Э. Холла и Г. Хофштеде [Hall, 1959; Hall, 1976; Hall, 1990; Hofstede, 1997; Hofstede, 2001]. Согласно Э. Холлу, культуры могут быть высоко- и низко- контекстными, то есть с высокой или низкой степенью имплицитности речи и зависимости от контекста. К низкоконтекстным относятся западные, особенно англо-саксонские культуры, к высококонтекстным – преимущественно восточные. Г. Хофштеде выделял несколько «культурных измерений», среди которых для анализа дискурса корпоративных руководителей наиболее важными представляются индикаторы коллективизма/индивидуализма и дистанции власти (это степень, в которой общество приемлет неравномерное распределение власти между его членами, какое значение придается властным отношениям между людьми: в иерархических обществах с высокой дистанцией власти, например, на Востоке, демонстрируется уважение и послушание по отношению к начальникам; в культурах с низкой дистанцией власти – на Западе – большее значение придается равенству и индивидуальной свободе, здесь коммуникация менее формальна, стиль общения носит более равноправный характер).

Рассмотрим, как особенности разных культур проявляются в организационно-деловом, управленческом общении, а именно, в публичном дискурсе корпоративных лидеров. Этот подвид дискурса, согласно предложенной нами классификации [Данюшина, 2010], является одной из разновидностей управленческого бизнес-дискурса; под бизнес-дискурсом в целом мы понимаем вербализацию коммуникации в бизнес-контексте, реализуемую в форме открытого

множества тематически соотнесенных текстов – устных, письменных и технически-опосредованных.

В качестве материала мы исследовали тексты публикаций (речей, обращений, интервью и т.п.) руководителей трех компаний, вошедших в первую десятку рейтинга крупнейших мировых корпораций, регулярно публикуемого журналом *Fortune* [<http://money.cnn.com>, 2009]. Все исследованные нами материалы находятся в открытом доступе на официальных корпоративных сайтах соответствующих компаний. Это американская корпорация *Exxon Mobil* (ее глава – Rex W.Tillerson), французская *Total* (ее главный исполнительный директор – Christophe de Margerie) и китайская компания *Sinopec* (которой руководит Su Shulin). Все эти компании занимаются нефтегазовым бизнесом, что обеспечивает сопоставимость их деятельности, а значит, и их корпоративной риторики.

Для соотносимости мы взяли англоязычные версии всех сайтов (соответственно, www.exxonmobil.com, www.total.com и www.sinopec.com). Разумеется, определенная часть языковой индивидуальности при переводе теряется, однако английский уже стал международным языком бизнеса и корпоративным языком во многих компаниях: его знают и используют во всем мире, поэтому компании мирового уровня (а именно о таких здесь пойдет речь) должны и могут выражать свои ключевые идеи по-английски.

Таким образом, можно говорить о сопоставительном анализе публичных дискурсов корпоративных руководителей американской, европейской и восточной (китайской) компаний. Безусловно, нужно принять в расчет, что нередко речи руководителей разрабатываются спичрайтерами или целыми PR-отделами и пресс-службами. Однако подразумевается, что официально руководитель принимает на себя личную ответственность за то, что и как сказано или написано, поэтому, с известной мерой допущения, материалы от имени и за подписью главы компании можно и нужно рассматривать как проявление его лингвокультуры и индивидуальности.

Мы проанализировали тексты, наиболее доступные для получения на сайте, именно их находит читатель в первую очередь, поэтому есть основания полагать, что именно они несут в себе основные идеи, которые корпорации и их лидеры хотели бы донести до широкой общественности. Для исследования мы использовали комбинацию методов критического анализа, разработанных западноевропейскими дискурсологами Т. ван Дейком, Р. Водак и другими [Dijk, 2001; Dijk, 2007; Wodak&Chilton, 2005] на материале социо-политического

дискурса; эти методы были модифицированы и экстраполированы нами на управленческий и бизнес-организационный дискурсы, а также на его составной элемент – публичный дискурс корпоративного руководителя. При этом мы основываем нашу технику дискурс-анализа на собственно лингвистической базе, стараясь воздерживаться от повышенной идеологизации исследования, вместо которой ставим акцент на антрополого-культурологические постулаты. Таким образом, мы применили нашу синтезированную комплексную методологию лингвистического критического дискурс-анализа, учитывающую специфику различных национальных деловых и управленческих культур. В результате нашего исследования текстов речей руководителей, помещенных на корпоративных сайтах их компаний, мы обнаружили определенные особенности их дискурсов, которые и описаны ниже.

Публикация главы американской корпорации Рекса Тиллерсона, охарактеризованная на сайте как «заметки» (*Remarks by Rex W. Tillerson*) озаглавлена оптимистично-агентивно, с ориентацией в будущее (*The Future of Energy and the Role of Corporate Citizenship, April 19, 2010*), что не удивительно, ибо американская культура характеризуется направленностью в будущее, в отличие от древних восточных культур, по мнению Э. Холла, Г. Хофштеде и других антропо-культурологов. Активный, динамичный характер американской бизнес-культуры и лингвокультуры, отмечаемый многими исследователями, в сочетании с подчеркнутым демократизмом, также проявляется здесь: в названии подразумевается активная роль компании как в своей отрасли, так и в обществе в целом, ее «корпоративное гражданство», по выражению автора.

Глава Exxon Mobil Corporation, говоря о своем коллективе, подчеркивает гордость своей «демократической нацией», которая «достигает отличных результатов во всем»: *wonderful examples of a cherished American ideal – that citizens of a free and democratic nation can make a difference whether they serve in government, business, or in philanthropy.*

Семантической доминантой всего начала текста является понятие успеха: в первых же предложениях слово «успех» повторяется несколько раз (здесь и далее выделения жирным шрифтом и перевод наши): *Success is measured by the service you render <...> I'd like to talk about <...> success – and how (it) can be applied to corporations and companies such as ExxonMobil. While running a successful business enterprise is our primary obligation, to our shareholders and to society, we*

know our business success is derived not just from our financial results – but by how those results are achieved. Далее понятие успеха разворачивается в его составляющих: это «рост, развитие, прогресс», которые воплощаются в продукте компании, в поставляемых ею энергоносителях, которые, разумеется, «улучшают жизнь людей во всем мире»: <...> *the ongoing investments we make from our earnings are critical to economic growth, economic development, and social progress. Simply put, delivering energy in a safe, secure, and responsible manner improves the lives and opportunities of billions of people the world over.* Очень многие нефтегазовые корпорации именно так увязывают свой бизнес (приносящий огромные прибыли) с «социальным служением»: «наши углеводороды улучшают жизнь людей во все мире». Однако далеко не все согласятся с таким доводом, особенно после печально знаменитой утечки нефти из скважины британской компании BP у побережья США и других экологических катастроф.

Следующей семантической доминантой текста становится величие страны и ее знаменитых «демократических ценностей», воплощающихся в бизнесе в виде принципов «корпоративного гражданства», то есть социальной ответственности бизнеса, которая вновь скорелирована с успехом: *We are proud of our character as a corporate citizen operating in diverse countries and cultures around the world <...> As a company and as individuals, the men and women of ExxonMobil are dedicated to being good corporate citizens wherever we operate... We believe this ideal is so integral to our long-term success that we have built it into our business model and our corporate governance. We know maintaining our commitment to citizenship is fundamental to our year-to-year success as a company.*

Неудивительно, что в условиях глобального финансово-экономического кризиса руководители крупного бизнеса, особенно в США, отводят все большую роль в своем публичном дискурсе вопросам соотношения свободы рынка и социальной ответственности бизнеса: *The answer for some is more private enterprise and less government – while the answer for others is more government and less private enterprise.*

Даже президент США Б.Обама неоднократно выступал с идеями большего государственного контроля за деятельностью крупных национальных и глобальных корпораций и общественного сдерживания сверх-доходов «жирных котлов с Уолл-стрит». Но выбор главы «Эксон Мобил» в пользу традиционного свободного рынка, при котором, как предполагается, частная инициатива ускорит общественный прогресс, а риск и конкуренция приведут к успеху, на чем всегда и основывалась англо-американская модель капитализма (по сравнению, например, со

скандинавской или средиземноморской): *But a close look at U.S. history reminds us that when government promotes the climate for **business success** and innovation, individual citizens and industry itself are **better able** to reach out in the kind of citizenship efforts that can transform communities for the better. By promoting **free markets, free trade, and the rule of law**, the United States fostered an atmosphere in which citizens and businesses could **take risks, innovate, build, and achieve unprecedented success**. The result was a **dynamic, world-leading economy** that delivered prosperity and progress for generations.*

«Свободный рынок», «конкуренция», «риск», «частная инициатива», – вот те понятия, которыми изобилует речь главы американской нефтяной корпорации и которые выражают взгляды крупного американского капитала: *To achieve these goals, we must unleash the extraordinary **power of private citizens** to seize new opportunities in **free markets**. Industry can achieve this by **taking risks**, investing in the future, hiring new workers, expanding operations and making our economy more **competitive**. But we can only achieve this when government creates a level playing field for **competition** and upholds a stable policy framework conducive to long-term investments.* Эти столпы противостоят общественному контролю и государственному регулированию, а последнее в дискурсе главы «Эксон Мобил» даже превращается в «сверх-регулирование»: *If the private sector knows that government will stay the course and resist the temptation to **over regulate**, it can invest with confidence.*

Однако кризис вынуждает слегка модифицировать корпоративную стилистику: ***Good corporate citizenship** – focusing on how we conduct our business and how we interact with the communities where we operate – is critical to building trust in the private sector <...> And just as important, we all can **contribute**. At ExxonMobil, we are proud of our **contributions** in all three of these areas, **contributions** made possible with the cooperation of the governments in the countries in which we operate.* Здесь тройное повторение «вклада» компании призвано, очевидно, придать этому вкладу больший вес, как и дальнейшее акцентирование этого слова, скомбинированного с «помощью», «обеспечением», «надежностью» и «поддержкой». Все это дано в сочетании с использованием перфекта в глагольной форме, подчеркивающего результативность и долгий срок делового успеха:

Contributing to Economic Growth

*ExxonMobil's most important **contribution** has always been to provide reliable, affordable energy in a manner that fuels economic growth and*

*development. Indeed, for more than 150 years, the oil and natural gas industry **has helped** drive the U.S. economy by **providing reliable** energy, well-paying jobs, tax revenues, technological innovation, and shareholder value.*

*<...> the oil and natural gas industry **contributes** more than \$1 trillion a year to the U.S. economy – in the form of jobs, labor income, and the value added within our industry, as well as in other industries, that **provide** goods and services to **support** our activities. Our industry also directly and indirectly **supports** more than nine million jobs in the United States.*

Глагольные формы требуют анализа и с точки зрения их временной отнесенности. Несмотря на то, что текст озаглавлен «Будущее энергетики...», форм будущего времени в нем встречается всего несколько, и то они перемежаются с формами настоящего времени и даже с перфектом, и это подразумевает, во-первых, уверенность, что все будет именно так, как видят руководители компании (тем самым, они демонстрируют *vision* – «видение», качество, необходимое для стратегического топ-менеджера), а во-вторых, использованием перфекта подчеркивается надежность компании, гарантию того, что она сможет обеспечить мир энергоносителями, это видится уже как свершившийся факт, хотя относится к будущему: *And our investments **will underpin** the global growth and prosperity that energy brings. We know the world **will need** more energy in the years ahead. Over the next 25 years – not a very long time – global energy demand **is set to grow** by about one-third over current levels... While continued advancements in renewables and alternative sources of energy **will be** important, the reality is that fossil fuels, and more particularly oil and natural gas, **will continue** to be the dominant source of economic energy for decades to come <...> This is something **we have done** for the last 125 years, and will continue to do.* Вообще, перфект гораздо реже встречается в американском варианте английского языка, нежели в британском, однако в этой публикации он несет важнейшую смысловую нагрузку, передавая идею результативности работы, заслуг компании – и в борьбе с малярией в Африке (*In Africa, long-term prosperity is hampered by malaria. ExxonMobil **has been engaged** in the fight to eradicate this disease, which devastates the lives of millions and accounts for about one million deaths each year, mostly children and infants...*), и в разработке экологичных, энерго-сберегающих технологий (*We are also developing technologies to help consumers save energy. We **have worked** with major tire manufacturers to develop a new tire-lining technology...*).

Разумеется, при анализе англоязычных версий публикаций двух других бизнес-лидеров необходимо делать поправки на переведенность

их текстов, однако при этом сайт не перестает быть корпоративным рупором или публичным голосом компании, поэтому даже в переводных материалах должны быть сохранены основы языковой личности автора.

Интервью с Кристофом де Маржери, директором французской корпорации «Тотал», никак не озаглавлено (просто «интервью» – *Interview with Christophe de Margerie, Chief Executive Officer*), что с одной стороны, дает более широкий простор для дискуссий, не ограничиваясь одной темой, и позволяет избежать упрощенности и «лозунговости», но с другой стороны, затрудняет структурирование и понимание текста. Однако в нем, как и у американского коллеги, сразу ясно чувствуется видение французским бизнесменом будущего развития мировой экономической ситуации, и оно также оптимистично, хотя более осторожно и несет больше негативной лексики («падение цен» «разъедает доходы»), с подразумеванием «альтернативности» или вариативности прогнозов (возрождение придет «рано или поздно»): *Our industry has not been spared by the crisis. The businesses and households that are our customers are consuming less, traveling less and spending less. The drop in the price of oil and gas automatically erodes our earnings. But that doesn't change the fundamental calculus of our strategy: global energy demand will start growing again because emerging economies have enormous needs in the areas of power and transportation. That means that sooner or later prices will rebound from current levels... So the current crisis does not alter our strategic vision – we are still committed to meeting energy demand sustainably.*

Хотя речь идет о настоящем и будущем, неизменно присутствует опора на прошлое, на прошлые традиции и успехи, и в отличие от американцев, нет такой однозначной привязки к сегодняшнему, краткосрочному результату, демонстрируется приверженность многолетним традициям и важен долгосрочный эффект: *Staying in the course despite short-term obstacles is something Total has always done, and our refusal to take a short-term view has led to major successes for us in the past. I'm sticking with it. Our 2009 capital expenditure budget is around \$18 billion, in line with previous years. We also plan to recruit about 8,000 employees in 2009, having hired an average of 9,000 employees annually since 2004. Our industry demands a long-term outlook, because our projects are capital-intensive, our fields and production facilities have life spans of several decades, and it takes years to develop top-tier oil specialists.*

Любопытную функцию принимает на себя специфическое использование видо-временных форм глагола: так, Continuous (даже в нехарактерной позиции с модальным глаголом) упорно используется для

передачи мысли о том, что настоящий момент видится как протяженный период, с будущим же временем длительный вид глагола призван вновь подчеркнуть долгосрочность планов: ...*Total's Refining and petrochemicals businesses in France are having to adapt to structural changes in demand. We will be investing nearly ^1 billion to ensure their long-term viability, which will stimulate local employment... We're exploring second-generation biomass research. And we're innovating to offer our customers more energy-efficient, lower-emission, cleaner products and services. In partnership with a number of research laboratories and industry and university partners, we're working to develop the energy solutions of tomorrow...In 2009, we'll be starting up a commercial carbon capture and storage (CCS) pilot...*

В отличие от США, Франция имеет опыт метрополии, владевшей колониями, и знает, какими острыми могут быть трудовые отношения и региональные проблемы в странах третьего мира, где действуют дочерние структуры или добывающие подразделения французской корпорации, о чем осторожно рассуждает ее директор, подчеркивая необходимость учета настроений местных жителей и их нужды: *Some 80% of the staff of Yemen LNG, scheduled to commission its facility this year, are Yemenis hired and trained by Total. In Angola, we financed four new high schools that opened in early 2009. Creating jobs, supporting local small businesses and helping to expand education and health services are essential to building a mutually beneficial relationship with national governments and our host communities. We are well aware that the tensions in some of our host countries overshadow our efforts. Take Nigeria, where the violence is getting worse, including against oil companies, which are experiencing employee kidnappings and attacks on their facilities. This large country, which is very important for Total, illustrates the challenges facing oil companies.*

В обсуждении несчастных случаев и экологических катастроф французский бизнес-руководитель также демонстрирует меньше оптимистического пафоса в своей речи, хотя именно на этой тяжелой теме и заканчивается материал беседы, оставляя в финале тяжелые чувства у читателей: *Whenever there is an accident, we always try to understand what happened and learn from the experience so that it never happens again. And we do everything we can to repair and compensate any damage caused, as was the case for Donges.*

Пожалуй, единственной страной, почти не сбавившей обороты роста, несмотря на мировой кризис, является Китай, поэтому особенно интересным представляется исследование настроений и корпоративного дискурса руководителей китайских компаний. Рассмотрим обращение к

акционерам (*Chairman's Address. March 26, 2010*) главы нефтяной компании «Синопек» – Су Шулина (*Su Shulin*, согласно китайской традиции сначала пишется фамилия, а затем имя). Начинается оно, как и предписывает восточные традиции вежливости и поддержания «лица», «искренней благодарностью за заботу и поддержку» (*On behalf of the Board of Directors, I would like to express our sincere gratitude to all our shareholders and the public for their care and support*).

Здесь необходимо еще раз вспомнить о том, что китайская лингвокультура относится к «высококонтекстному» типу (согласно классификации Э. Холла), с высоким уровнем коллективизма и дистанции власти (согласно теории Г. Хофштеде); кроме того, необходимо учитывать два основополагающих понятия китайского менталитета – «миан-кси» (лицо, сохранение лица) и «гуан-кси» (взаимоотношения, связи между людьми).

Разумеется, обращение к акционерам начинается с упоминания кризиса, который стал вызовом для компании. Здесь китайский бизнес-руководитель не смягчает негативную семантику, а использует достаточно интенсивные определения – «рухнувшие цены», «резкое сокращение» и т.п.: *In particular, the beginning of the year witnessed plummeting price and demand for petroleum and petrochemical products, and a harsh contraction in E&P segment profits...* Однако, в отличие от западных бизнес-лидеров делает упор не на «борьбе» с кризисом, а на «приспособлении» к нему, корпоративной гибкости; с кризисом он, руководствуясь восточной мудростью, ассоциирует и новые возможности (невольно вспоминается китайский иероглиф «кризис», чей второй элемент означает «возможность»): *Despite the challenges, the Company achieved impressive results by taking a series of proactive measures including vigorous efforts to develop new markets, targeted management for refinement on details, as well as structural adjustments, and so on. <...> the Company's marketing business successfully expanded <...> by adopting innovative marketing approaches, flexible promotional programs...*

Активность работы компании – особенно по контрасту с инертностью рыночных цен – выражена и в сопутствующей лексике, означающей усилия, старания, усиление, движение: *The E&P business maintained crude output volume with reduced costs and expenses while the price of crude remained sluggish... Fully leveraging its capability to accommodate various crude feeds, the refineries endeavoured to expand throughput by running at almost full capacity since the second quarter of 2009... In the chemicals business, the Company made more efforts to expand the market, and enhanced the integration of R&D throughout the production*

*plan. It also continued to improve customer service and **strengthened** strategic alliances with key customers. Despite the **unfavorable** market environment, the majority of chemical plants operated at full capacity since March 2009, delivering **excellent** performance. ...the non-fuel business grew significantly, **driving up** non-fuel business revenue... In addition, continued **efforts** were made in **strengthening** refined management <...> and **push** its corporate governance to a higher level.* Невольно создается метафорический образ живого, сильного организма и его активного физического движения.

Конфуцианская философия предполагает гармонию отношений, и определение «гармоничный» просто не может не фигурировать в отчете: <...> *the Outline of Corporate Culture Development was crafted to establish **harmonious** corporate values to support the continued sustainable development of the Company.* Показательны и остальные определения и наречия – все, связанное с компанией, характеризуется исключительно положительной лексикой («основательный, устойчивый, сильный, успешный» и т.п.), причем результаты очень скромно названы «хорошими», хотя – в отличие от большинства нефтяных компаний других стран – Синопек получил в кризисный год не просто положительные результаты, а фантастические 116,5% прибыли, согласно приводимым здесь же цифрам: *Capitalizing on the **well-established** marketing network, logistics systems and **strong** brand, the Company's marketing business **successfully** expanded its operational scale in an over-supplied domestic market by adopting **innovative** marketing approaches, flexible promotional programs and customer-oriented after-sales service. In addition, the non-fuel business grew significantly, driving up non-fuel business revenue and realized **good** operational results.*

Надежность, крепость и сила компании – вот семантические доминанты речи ее лидера: *The Company...laid a **solid** foundation for standardized operations. Thanks to the **strong** support from its independent shareholders, the Company completed adjustment... continued efforts were made in **strengthening** refined management and internal controls to shape a **unique** management model and push its corporate governance to a higher level.*

Характерный для китайского общественного сознания коллективизм проявляется и в корпоративном дискурсе бизнес-лидера, в данном случае говорится о социально-полезной деятельности предприятия, о роли в развитии национальной экономики и местных производителей, а также о заботе о собственном коллективе и о благотворительных проектах: *In addition to enhancing our business*

position as a supplier of premium clean fuels to the public, the Company also played an important role in domestic industry restructuring and regional economic development by contracting major equipment from and entering into a joint research and development program with domestic manufacturers...

The Company has always attached great importance to social and environmental issues in order to ensure sustainable development... In 2009, the Company carried out a series of employee-focused programs with practical steps taken to improve the quality of the employee canteen and the health check system, as well as a general safety campaign called "I Safe". In addition, we are actively participating in public welfare activities, including poverty relief and Tibet aid programs, sponsorship of "China Lifeline Express Fund," and donations to Hope schools and disaster relief programs to help local communities recover from recent events and raise the living standards in disaster- and poverty-stricken areas.

Все это, как мы полагаем, и является языковым (дискурсивным) проявлением китайских концепций сохранения и поддержания лица – «миан-кси» и формирования отношений – «гуан-кси».

В целом, обобщая основные речевые характеристики бизнес-лидеров из разных культур, можно заключить, что для американцев важен финансовый успех и «демократические ценности», французы более склонны к глубоким, сбалансированным размышлениям и философскому подходу в анализе событий, а китайцы сохраняют приверженность своей конфуцианско-коллективистской идеологии, что и проявляется в публичных дискурсах корпоративных руководителей.

Литература

- Данюшина Ю.В. Бизнес-дискурс : термин, типология, анализ // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2010. № 2 (46).
- Данюшина Ю.В. Многоуровневый анализ англоязычного сетевого бизнес-дискурса : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2011а.
- Данюшина Ю.В. О концепции лингво-коммуникативного обеспечения государственной службы в РФ // Материалы 2-й Всероссийской научно-практической конференции «Государство, власть, управление и право : история и современность». М., 2011б.
- Derr C., Rousillon S., Bournois F. Cross-Cultural Approaches to Leadership Development. Santa Barbara, 2002.
- Dijk T.A. van. The Study of Discourse : An Introduction // Discourse Studies. London, 2007. Vol. 1.
- Dijk T.A. van. Critical Discourse Analysis // The Handbook of Discourse Analysis. Oxford, 2001.
- Hall E.T. Beyond Culture. New York, 1976.

Hall E.T. The Silent Language. Greenwich, 1959.

Hall E.T., Hail M.R. Understanding Cultural Differences : Germans, French and Americans. Yarmouth, 1990.

Hofstede G. Cultural Constraints in Management Theories. Academy of Management Executive, 1993.

Hofstede G. Cultures and organizations: software of the mind. New York, 1997.

Hofstede G. Culture's Consequences : Comparing Values, Behaviours, Institutions and Organizations Across Countries. Sage, 2001.

Wodak R., Chilton P. New Agenda in (Critical) Discourse Analysis. Amsterdam, 2005.

ЭТНОСПЕЦИФИКА ДИРЕКТИВНОЙ СИНТАКСЕМЫ НАДО+ИНФИНИТИВ В ДИАХРОНИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

С.Н. Глазкова

Ключевые слова: этноспецифика, исконность, частотность, употребительность, трансформация, диахрония.

Keywords: ethnospecificity, vernacularity, frequency, common use, transformation, diachrony.

Статья посвящена диахроническому анализу этноспецифичной двухкомпонентной синтаксемы русского языка, состоящей из инфинитива и безличного слова-предиката *надо*. Актуальность изучения данной модели обусловлена ее высокой продуктивностью в современном русском языке. Своей спецификой конструкция прежде всего обязана слову *надо*, которое и обеспечивает национально-культурное маркирование модели. Лексему *надо* мы причисляем к группе ключевых слов русской культуры: выражение предикативного значения с помощью не глагольной, а наречно-глагольно-именной синкретичной формы, безлично-предикативного слова этноспецифично. Коммуникативно-прагматический статус модели связан с особой, «ленивой», как мы ее называем, директивностью, директивностью-процессуальностью. Исследуемая инфинитивно-предикативная синтаксема имеет значение динамического состояния. Семантика модели полифонична: значения необходимости, желания, возможности, долженствования, повторяемости-привычности неоднозначно иерархизированы, зачастую интегративны. Русский коммуникант осознает называемое действие как предполагаемое в неопределенном временном плане, пассивное, незавершенное, не

нацеленное на результат, вынужденное; не реальное, а мыслимое, происходящее само по себе, стихийно, независимо от вмешательства и активности субъекта. Каждая из приведенных ниже фраз имеет различное прагматическое значение в зависимости от того, кому из коммуникантов принадлежит в различных речевых ситуациях: матери, укладывающей ребенка в кроватку, или адресанту, засидевшемуся у компьютера. *Надо спать* (1) ложись, укладывайся, засыпай; 2) пора ложиться). *Надо поспать* (1) ложись спать; 2) мне необходим отдых). *Надо выспаться* (1) ложись пораньше, сейчас же; 2) понадобятся силы, отдых необходим). Аналогично: *Надо высыпаться*. *Надо уснуть*. *Надо заснуть*. *Надо засыпать*. *Надо лечь спать*. *Надо проснуться*. *Надо просыпаться*. *Надо не проспать*.

На наш взгляд, конструкция преломляет в себе ключевые идеи русской языковой картины мира: неопределенность бытия, непредсказуемость мира, необходимость и сложность мобилизации внутренних ресурсов для осуществления действия, бездеятельность, безличность [Зализняк, 2005], неподвластность, непостижимость, неконтролируемость жизни человека [Макшанцева, 2001, с. 130–137], логику незавершенности [Вежицка, 1996, с. 34–36]. Это далеко не полный список составляющих русской языковой картины мира, однако именно эти компоненты ярко отражены в исследуемой модели «пассивного», в нашей терминологии, «ленивого» директива.

Представляется важным рассмотреть диахронические сдвиги в частотности употребления данной конструкции и соотнести полученные данные с трансформациями языковой картины мира русских. В связи с тем, что модальный компонент конструкции претерпел изменения, актуально исследовать не только названную модель, но и синонимические модели типа *надобе*, *надобно*, *надоть* и др. + *инфинитив* с возможным ситуативным или контекстуальным его пропуском.

Материалом для исследования послужили произведения русской литературы и данные словарей за период с XI по XXI век. Отобранные книги являются известными программными произведениями, изучаемыми в средней школе, в университетских курсах литературы, что обеспечивает репрезентативность лингвистического материала.

Безусловно, важнейшей для нас цитатой является этимологическая ссылка на словарь М. Фасмера: «*Надо* диал. *надоть* – то же, с част. -ть из ти, впервые др.-русск. *надо* “должно”, Полоцк. грам. 1264 г. (см. Срезн. II, 277)» [Фасмер, 1971, с. 316].

Как видим, М. Фасмер ссылается на Полоцкие грамоты 1264 года. Однако еще в памятнике древнерусской литературы (1053-1125 годы) XI-XII веков «Поучении Владимира Мономаха» мы находим первое из сохранившихся употребление исследуемой конструкции.

*На посадники не зря, ни на биричи, сам твориль, что **было надобе**, весь нарядъ, и в дому своемъ то я твориль есмь (На посадников не полагаясь, ни на биричей, сам делал, что **было надо**; весь распорядок и в доме у себя также сам устанавливал)* (перевод Д.С. Лихачева).

Следует отметить, что из трех случаев перевода фрагментов текста с помощью анализируемой конструкции Д.С. Лихачевым, тонким знатоком древнерусского языка, два в оригинале представляют собой другие синтаксемы, один – исследуемую модель. Это свидетельствует, во-первых, об исконности модели для русского языка, о ее формировании до возникновения литературы, во-вторых, об исторической тенденции к расширению ее употребительности и архаизации других моделей. Приведем два примера такого сопоставления.

1) *Заутреню отдавшие богови хвалу, и потомъ солнцю въсходящую, и узревше солнце, и **прославити** бога с радостью и рече: «Просвети очи мои, Христе боже, иже далъ ми очи светъ твой красный! (На заутрени воздавши богу хвалу, потом на восходе солнца и увидев солнце, **надо** с радостью **прославить** бога и сказать: «Просвети очи мои, Христе боже, давший мне свет твой дивный!»);*
2) *И **рещи** бляше Давыдскы: «Азь знаю, грех мой предо мною есть воину». (**Надо было бы сказать** тебе словами Давида: «Знаю, грех мой всегда предо мною».)*

При анализе «Задонщины», создание которой ученые относят к XIV-XV векам, найдена одна инфинитивно-модальная конструкция со словом *надобе*:

*А что **будет** тебе **надобе** у меня, и ты ко мне пришли, и яз тебе, своему брату, не борюю.*

«Житие протопопа Аввакума» (1672) обнаруживает достаточно высокую употребительность конструкции – 14 случаев. Эта цифра свидетельствует о тенденции к усилению ее частотности, особенно при учете факта близости языка памятника к естественному разговорному. Из материала очевидно, что безынфинитивное употребление конструкции является речевой нормой. Приведем несколько примеров.

1) На утро прислала нам рыбы да пирогов, а нам то, голодным, **надобе**. 2) Да по писанию и **надобе** так: бог любит тех детей, которые почитают отцов. 3) **Потужить надобно** о них, о бедных. 4) Да нам **надобе помнить** сие: не нас ради, ни нам, но имени своему славу господь дает. 5) Зело **надобно** крепко **молитися** богу, да спасет и помилует нас, яко благ и человеколюбец.

Произведения литературы XVIII века демонстрируют устойчивость конструкции, несмотря на ее невысокую частотность. Конструкция со словом *надо* встречается один раз у комедии Д.И. Фонвизина «Недоросль». Цитата приводится ниже.

Цыфиркин. Лучшие не надо.

Слово *надобе* архаизировалось, заменившись в литературных источниках на лексему *надобно*. Превалируют варианты модели со словом *надобно*.

Единичные употребления модели находим в произведениях Н.И. Новикова и Д.А. Брянчанинова, малочастотны они в прозе Н.И. Карамзина («Бедная Лиза» – 7) и А.Т. Болотова (5), достаточно частотны в комедиях Д.И. Фонвизина («Недоросль» – 25, «Бригадир» – 17), видимо, по причине близости к разговорному языку. Приведем примеры.

Стародум. Да тем не меньше тебе заплатит надобно.

Г-жа Простакова. Вот как надобно тебе на свете жить, Митрофанушка!

Правдин. Я родился в Москве, ежели вам то знать надобно, а деревни мои в здешнем наместничестве.

Стабильность употребления синтаксемы обнаруживают произведения литературы первой трети XIX века. Фиксируются конструкции с лексемой *надобно*, например, в произведениях Н.В. Гоголя («Шинель» – 3, «Мертвые души» – 9). Однако наблюдения показывают, что именно в этот период происходит постепенная архаизация конструкции с модальным компонентом *надобно* и актуализация лексемы *надо*. Практически одновременно созданные А.С. Пушкиным повести «Дубровский» и «Капитанская дочка» (1833-1836) иллюстрируют это явление («Капитанская дочка» – 15 употреблений *надобно*; «Дубровский» – 9 употреблений *надо*). Роман М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» содержит только 4 конструкции с компонентом *надобно* и 37 – с компонентом *надо*. Эти факты свидетельствуют об устойчивости названной синонимической замены. Ниже приведены несколько примеров из повестей

«Капитанская дочка» (1), «Дубровский» (2), романа «Герой нашего времени» (3).

*Но **надобно** подумать о безопасности женщин. Но покамест **надобно** взять терпение... (1).*

*Некогда, бабушка, мне **надо** сбегать еще в одно место (2).*

*А **надо** бы заснуть, чтоб завтра рука не дрожала. Печорина **надо** проучить! (3).*

Литература второй половины XIX века свидетельствует о приоритетности словоупотребления лексемы *надо* в исследуемой синтаксеме. В романах И.С. Тургенева («Отцы и дети» – 40 синтаксем с компонентом *надо* и 6 – с компонентом *надобно*), Ф.М. Достоевского («Преступление и наказание» – 87 употреблений конструкции с компонентом *надо*) они преобладают и стабильно высокочастотны. Примеры ниже иллюстрируют данное положение.

*1) Ведь тут **надо** теперь же что-нибудь **сделать**, понимаешь ты это? 2) Меня **распят** **надо**, **распят** на кресте, а не **жалеть!** 3) Знаю, что **надо** бы в часть **заявить**. (Ф.М. Достоевский)*

Приведем статью из словаря В.И. Даля (1863), касающуюся модального компонента конструкции. Данные словаря касаются лексемы *надо*, однако их можно считать относящимися к самой синтаксеме. Представим аргументы в пользу такого утверждения: во-первых, пропуск инфинитива всегда ситуативно обусловлен и легко восполним; во-вторых, именно слово *надо* формирует специфичность всей конструкции.

НАДО, *надобно, влад. надобе, стар. и сев. надобеть, орл. надобить, перм. надовно, арх. надотка, надоткабы; надоть, надоти, надось нареч. и безличн. глаг. нужно, должно, следует, необходимо, надлежит, требуется, потребно. Мне надо денег, надо достать. Надобно смиряться. Сколько ни живи, а умирать надо. Много бы взял, да не надобно (умирая). Чего нет, того не надо (или то и не годится). Народ иногда употреб. надо (нужно) самостоятельно, подразумевая делать, и так чтобы: надо, не забранили бы; надо так сделать, чтобы не стали бранить. Вместо: тебе что надо или надобить? говорят также: что надобит? что требуется, в чем нуждаешься, обращая тем слово это в безличн. глагол. Надобиться сев. (по образцу: хотеться, видеться) кому, что; нужно, надо. Мне надобится топор, нужно бы топора. Поколе надобился, держали, а не занадобился, прогнали. Не столько сможется (или надобится), сколько хочется. Изнадобился (не нужен более) кочадык – под лавку его. На что это понадобилось? Надобный, пск. надобитый, нужный,*

*полезный, годный, необходимый, потребный. Надобность, надоба ж. нужда, треба, потреба, потребность, необходимость. На разные надобности издержал. Надобности домашние, семейные, путевые, общественные и пр. Надобщик м. надобищца ж. тот, кому что нужно, надобно. Мне надобен топор; подождешь, надобищиков много. Надобник м. надобница ж. нужный человек. Надобье ср. надобность, и | снадобье, лекарство. Надобичный, к надобью относящийся. Надобица ж. аптекарская склянка. Надобень м. надобник, нужный и полезный при деле, доме, человек: необходимая в доме вещь. Сундук или коробка бабий надобень. **Надоби'тый** пск. нужный, надобный. [См. на-бъ, надобно, надобищкъ, надобый, надобье] [Даль, 1998, с. 1053].*

Из словарной статьи видно, что закрепился широкий синонимический ряд у слова (*надо, надобно, надобе, надобет, надобит, надовно, надотка, надоткабы; надоть, надоти, надось*), сформировалось обширное словообразовательное гнездо (*занадобился, надобный, надобитый, надобность, надоба, надобищ, надобищца, надобник, надобница, надобье, надобность, снадобье, надобичный, надобица, надобень, надобитый*), зафиксирована корреляция с глаголом (*надобет, надобит*), хотя приоритет остался на стороне безлично-предикативного оформления конструкции, что весьма показательно в этнокультурном плане. Является неопровержимым фактом семантический синкретизм лексемы и ее сложная семантика (*нужно, должно, следует, необходимо, надлежит, требуется, потребно*). Свободно бытует фонд пословиц и устойчивых выражений (*Поколе надобился, держали, а не занадобился, прогнали. Не столько надобится, сколько хочется. Изнадобился кочадык – под лавку его.*), сложились фразеосхемы в основе которых лежит исследуемая модель (*На что это понадобилось? Что нужно, надобно?*).

Очевидно, что модель исконна. Одним из косвенных показателей ее исконности можно считать грамматическую трансформацию с переходом синтаксемы во вводную конструкцию типа *надобно сказать, надо заметить*. Приведем примеры.

*1) Взбираясь по лестнице, ведшей к Петровичу, которая, **надобно отдать справедливость**, была вся умащена водой, помоями и проникнута насквозь тем спиртуозным запахом, который ест глаза и, как известно, присутствует неотлучно на всех черных лестницах петербургских домов, — взбираясь по лестнице, Акакий Акакиевич уже подумывал о том, сколько запросит Петрович, и*

мысленно положил не давать больше двух рублей. 2) Конечно, мудрена женская половина человеческого рода; но почтенные читатели, **надо признаться**, бывают еще мудренее. 3) В этой партии, **надо заметить к чести дам**, было несравненно более порядка и осмотрительности. (Н.В. Гоголь).

Начало XX века свидетельствует о почти полной архивации компонента *надобно* и усилении употреблений *надо*. Произведения А.П. Чехова («Вишневый сад» – 41 случай употребления *надо*), М.А. Булгакова («Мастер и Маргарита» – 30 случаев употребления *надо* и 1 – *надобно*) и др. подтверждают это. Произведения второй половины века А.И. Солженицына («Один день Ивана Денисовича» – 67, «В круге первом» – 189), Ю.О. Домбровского («Факультет ненужных вещей» – 198), В.П. Катаева («Алмазный мой венец» – 41), В.С. Гроссмана («Все течет» – 34), Ю.В. Трифонова («Дом на набережной» – 44), В.М. Шукшина («Калина красная» – 68, «Печки-лавочки» – 45), С.Д. Довлатова («Заповедник» – 23) иллюстрируют все более широкое употребление конструкции, в том числе и с пропуском инфинитива. Приведем несколько примеров.

1) **Надо** либо **жить**, либо **писать**. 2) **Надо было сделать** логичнее переходы из одного зала в другой. 3) **Надо**, - говорю, - **выбираться** отсюда. 4) **Надо было ехать** в аэропорт. (С.Д. Довлатов).

1) Мне сейчас ведь **ехать надо**. 2) Вы сказали, что **надо смотреть в оба**. (Ю.О. Домбровский).

Тут шуми не шуми, боись не боись, а **помогать надо**. (Ю.В. Трифонов).

1) Молодой еще, **надо** всем **интересоваться**. 2) Вот о том и заспорили: **надо ли везти** детей-то? (В.М. Шукшин).

1) Чтоб иметь много денег — **надо** их много **зарабатывать!** 2) В лагере **надо казаться заурядным**. (А.И. Солженицын).

В современной прозе видно нарастание названных выше тенденций. Так, пьесы В.В. Сигарева («Агасфер» – 24, «Фантомные боли» – 19, «Детектор лжи» – 12, «Семья вурдулака» – 46), романы А.В. Иванова («Блуда и МУДО» – 120 употреблений) и других писателей отражают это.

Интересными кажутся данные современных частотных словарей. Представим их. Словарь под редакцией Л.Н. Засориной фиксирует индекс употребительности слова *надо* – 1462 на 1 млн. слов, что является очень высоким показателем: слово по частотности занимает 77 место [Засорина, 1977, с. 342, 807].

Из выявленных употреблений 247 приходится на газетно-журнальные тексты, 191 – на научную и публицистическую литературу, 396 – на художественную прозу, 628 – на драматические произведения. Последняя цифра говорит о повышенной употребительности слова, следовательно, и всей конструкции, в разговорной, диалогической речи, так как именно она чаще всего является языковым материалом современной драматургии. Таков анализ данных от 1977 года. Другие словари также указывают высокий индекс употребительности данной синтаксемы. Так, по словарю О.Н. Ляшевской и С.А. Шарова лемма *надо* на 87-ом месте (на 20000 слов). Такая частотность подтверждается и нашим лингвистическим материалом. Высокая частотность конструкции в естественной русской речи вскрывает новые возможности в понимании особенностей русской языковой картины мира, особенностей коммуникативного этностиля русских, в частности, специфики выражения побуждения. Однако результаты исследования динамики частотности лексемы *надо*, представленные в словаре, показывают новую тенденцию в употребительности модели [Ляшевская, Шаров, 2008]. Динамика такова: 890,4 (50-е годы); 1036,9 (60-е годы); 1031,4 (70-е годы); 895,6 (80-е годы); 822,6 (90-е годы); 714,2 (2000-е годы). Как видно, изменение идет сначала в сторону увеличения с пиком в 70-е годы, затем постепенное, но устойчивое снижение употребительности, что заставляет задуматься о процессах изменения в периферийных структурах русской ментальности, сдвигах и деформациях в русской языковой картине мира. Различие в данных словарей объяснимо возможной погрешностью при установлении индекса частотности лексемы в связи с зависимостью от взятых для анализа текстов. Мы склонны ориентироваться на данные словаря О.Н. Ляшевской и С.А. Шарова, созданного на материале Национального корпуса русского языка.

Подведем некоторые итоги. Исследуемая модель сформировалась задолго до появления первых литературных памятников, семантика ее вполне сложилась в этому времени и не претерпела изменений на протяжении тысячелетия. Очевидна исконность исследуемой модели и ее синтаксическая и семантическая устойчивость.

Семантика конструкции синкретична. Она сочетает в разных соотношениях семы необходимости, желательности, возможности, долженствования, директивности. Таким образом, семантическая иерархизация модели вариативна. Адекватность понимания

формируется в рамках прагматической ситуации и обусловлена высокой контекстностью русской культуры. Случаи прямого побуждения с помощью исследуемой конструкции единичны, но тем не менее зафиксированы. Узуальное употребление данной конструкции связано с особым рода неакциональностью и характеризуется разной степенью облигаторности каузируемого действия. Чаще всего это пассивная констатация его необходимости, что позволяет определить синтаксему как этноспецифичный директив особого рода – «ленивый», или «пассивный», инфинитивно-предикативную полисемантическую модель с основным значением динамического состояния. В данной конструкции нашли отражение концептуальные идеи русской языковой картины мира: непредсказуемость и неконтролируемость мира, его фатальность и неопределенность, смирение, покорность, неконтролируемость жизни, ее непостижимость. Особенность исследуемой конструкции, как представляется, таит в себе разгадку русской ментальности, а динамика употребительности приоткрывает завесу над изменениями языковой картины мира русских. Исследуемая модель, по всей вероятности, высвечивает сторону русской коммуникации, связанную с процессуальностью, неопределенностью, индифферентностью. При этом традиционная для русской культуры апелляция к чувству долга оборачивается стратегией самодавления и давления на адресата, вынуждения. Семантика особой, процессуальной директивности синтаксемы противопоставлена западноевропейской акциональности.

Из фактов следует, что в разговорном языке исследуемая модель широко использовалась на протяжении всего тысячелетия. Время создания произведений, использованных в статье в качестве лингвистического материала, варьируется от XII до XXI века, что позволяет сделать выводы о трансформациях употребительности модели за достаточно длительный срок. Частотность употребления конструкции всегда была и остается очень высокой. Гипотетически, тенденция ко все более широкому использованию ее в живой речи сохранялась вплоть до 80-х годов XX века, что нашло отражение и в литературе, тогда как, вероятно, перестроечные процессы, процессы глобализации, принудительная европеизация и американизации российского языкового пространства изменили тенденцию. Однако в литературе, медленнее подвергающейся изменениям, чем разговорный язык, тенденция к снижению пока неощутима.

Безусловно, это положение требует дополнительной проверки с помощью более масштабного исследования.

Литература

- Вежбицка А. Язык. Культура. Познание. М., 1996.
- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : В 4-х тт. М., 1998.
- Т. 2.
- Зализняк А.А. Ключевые идеи русской языковой картины мира. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lingvoda.ru>.
- Зализняк А.А. Языковая картина мира. [Электронный ресурс]. URL: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki.
- Ляшевская О.Н., Шаров С.А. Новый частотный словарь русской лексики. [Электронный ресурс]. URL: <http://dict.ruslang.ru/freq.php>.
- Макшанцева Н.В. Русское // Межкультурная коммуникация. Нижний Новгород, 2001.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1971. Т. III.
- Частотный словарь русского языка / под ред. Л.Н. Засориной. М., 1977.

ПОСПЕШНЫЕ УМОЗАКЛЮЧЕНИЯ ИЛИ КАРИКАТУРА?

Н.А. Дьячкова

Ключевые слова: стереотип, коммуникация, православный, медиадискурс.

Keywords: stereotype, communication, Orthodox Christian, media discourse.

Словосочетание «поспешные умозаключения», вынесенное в заглавие статьи, - это выражение Дж. Лакоффа, с помощью которого он характеризует социальные стереотипы, то есть сложившиеся в обществе устойчивые представления о чем-либо. Иллюстрируя это положение, Дж. Лакофф пишет, что в соответствии с американскими стереотипами любой политик, например, - это всегда самовлюбленный и беспечный интриган, любой японец всегда трудолюбив, вежлив и умен [Лакофф, 2004, с. 121]. К этому списку можно добавить всем известные выражения «чопорные англичане», «пунктуальные немцы» и т.п.

По мнению У. Липпмана, предметы окружающей действительности мы воспринимаем через стереотипы нашей

культуры. Стереотипы облегчают жизнь, поскольку позволяют экономить усилия при восприятии сложных социальных объектов. Они защищают наше «я», так как, объединяясь в систему, образуют некую упорядоченную картину мира, к которой мы приспосабливаемся и потому чувствуем себя защищенными. Любое покушение на эту картину, состоящую из стереотипов, мы воспринимаем как покушение на нашу личность [Липпман, 2004].

В самом факте стереотипизации нет ничего плохого, более того: «отказ от всех стереотипов в пользу абсолютно наивного подхода к опыту обеднил бы человеческую жизнь» [Липпман, 2004]. Однако оценочность, всегда присутствующая в стереотипах, является их потенциально опасным свойством, потому что именно она может стать основой оппозиции «свой - чужой».

У социального стереотипа, таким образом, есть еще одна функция, основанная на оценочном сравнении в пользу своей группы, которую Т.Г. Стефаненко называет функцией «межгрупповой дифференциации» [Стефаненко, URL]. Именно эта особенность социального стереотипа может быть использована для создания карикатурного образа «чужого».

Карикатурное же представление кого-либо, по мнению В.И. Карасика, «является одним из целенаправленных способов создания у населения образа врага». Ученый приводит характерный пример: «В результате длительного политического противоборства в языковом сознании многих носителей русского языка, граждан СССР, сложились следующие характеристики типичного американца¹: энергичен, напорист, бесцеремонен, богат, ведет себя как ковбой из фильмов о диком Западе, боготворит деньги, курит дорогие сигары, кладет ноги на стол, навязывает всем американский образ жизни (Дядя Сэм), угрожает нам атомной бомбой, улыбается широкой улыбкой, сидя в роскошном лимузине». Ученый так описывает механизм формирования образа врага: «Берутся некоторые внешние броские признаки стиля жизни определенного класса и типа людей (*богатые люди, занимаются бизнесом, имеют автомобили, курят сигары*), формируются оценочные штампы (*с презрением относится к бедным, связан с политиками*), добавляются заведомо негативные факты (*убийство президента, истязание пленных*). В результате происходит создание оценочных стереотипов, закрепленных в образе врага» [Карасик, 2002, с. 40-41].

¹ Цитируем с купюрами, у автора этот портрет более развернутый.

В современной лингвистике очевиден интерес к средствам и способам концептуализации носителями языка внеязыковой действительности. Внимание исследователей разных областей лингвистики, в частности психолингвистики, когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, привлекают различные ментефакты. Мы исследуем относительно новый ментефакт постсоветской коммуникации – «православный / православные», который до сих пор не описан. По этой причине предпринятое исследование представляется нам актуальным. Объектом исследования являются соответствующие контексты из медиадискурса, под которым подразумевается речевая продукция, создаваемая в современных электронных СМИ. Это статьи, посты, эссе и интервью популярных писателей, журналистов, теле- и радиоведущих; это так называемые комменты, размещенные на форумах сетевых изданий и т.п. Источником материала для исследования послужили: электронное периодическое издание «Эхо Москвы»; электронное периодическое издание «Новая газета»; ежедневная интернет-газета «Грани.ру»; электронная версия журнала «Сноб»; интернет-издание «Русский журнал». Сетевые издания религиозной, националистической, коммунистической и экстремистской направленности на данном этапе исследования не рассматривались.

Картотека текстов, содержащих характеристику *православного / православных* собрана методом сплошной выборки из названных выше сетевых изданий и насчитывает более 400 контекстов. Поскольку объем выборки, скорее всего, нельзя квалифицировать как в полной мере репрезентативный, постольку предлагаемые в статье наблюдения и выводы носят предварительный характер. Теоретические предпосылки настоящего исследования мы находим в работах о социальных стереотипах, с одной стороны, и работах по теории речевой коммуникации (в частности, по проблемам речевых стратегий и тактик), – с другой.

На данном этапе исследования вырисовывается следующая «ментальная картинка»¹ *православного / православных* (далее - ПР).

ПР – это агрессивный, воинствующий человек, гомофоб. Он труслив и суеверен. Вера у него ненастоящая, потому что сегодняшний ПР – это вчерашний комсомолец или коммунист. ПР «православен»

¹ По определению В.В. Красных, «стереотип-представление - это ментальная картинка, устойчивое инвариантное представление о каком-либо предмете или ситуации, обусловленное национально-культурной спецификой, за которым стоит абстрактный собирательный образ» [Красных, 2003, с. 232].

лишь постольку, поскольку сегодня это модно. ПР – это человек психически нездоровый, потому что православие - это болезнь. Он неряшлив, его внешний вид вызывает отвращение.

Примеры:

– оголтелые «православные» громят не понравившиеся им выставки, устраивают походы против сексуальных меньшинств, провоцируют нападения на людей неславянской внешности («Эхо Москвы»);

– православный гомофоб ударил Лену Костюченко по голове («Эхо Москвы»);

– смирение, о котором наши воинствующие «верующие» вообще забыли... («Грани. ру»);

– только трусостью, фатализмом, зыбким болотом в душах можно объяснить тот факт, что россияне все еще ходят в церковь и уважительно отзываются иногда об иерархах <...>. Только этой робостью и пещерным суеверием можно объяснить тот факт, что среднестатистический россиянин боится церкви, чтит ее и ходит туда по праздникам, а заодно опасается сказать правду о подавляющем большинстве священнослужителей («Сноб»);

– Когда рухнула советская власть и в головах растерянных граждан образовался идеологический вакуум, церковь распахнула свои ворота <...> граждане рванули к алтарям, не сдав своих партбилетов и не сняв комсомольских значков <...> лучшие места у алтаря заняли те, кто вчера еще стоял на мавзолее <...> Елоховская церковь заменила собой кремлевский дворец съездов («Эхо Москвы»);

– учтем показную православность наших вождей («Эхо Москвы»);

– есть мода на православие, ношение крестиков, стояние со свечками в церквях <...> Власти эту моду всячески поддерживают («Новая газета»);

– Помимо людей неизлечимо больных православием головного мозга <...> было много молодых людей, которые просто пришли «не дать превратить Москву в Содом» («Эхо Москвы»);

– Отвратительные, гнусные морды из числа «истинно русских православных христиан» <...> руки с грязными, обкусанными ногтями на толстых пальцах <...> За ЧТО вы их [«голубых»] так ненавидите? <...> От них пахнет чистотой вымытого тела и хорошим парфюмом, а не вчерашним перегаром вперемежку с позавчерашним потом («Эхо Москвы»);

– появилась целая когорта медийных батюшек («Новая газета»);

– *отвратительные, гнусные рожи в черных рясах* («Эхо Москвы»);

– *Более темной и закрытой религией является православие. <...> Русская Православная Церковь нанесла колоссальный вред России. <...> [Она] вмешивается в политику <...> в школьное образование. Она чрезвычайно агрессивна* (В. Познер, телеведущий; из интервью журналу «Сher Ami», перепечатка в «Русском журнале»);

– *Реакция РПЦ [на гей-парад] вообще мракобесие* («Эхо Москвы»).

В данных контекстах отрицательная оценочность либо выражается лексически (*мракобесие, гнусные рожи*), либо наводится контекстом (*лучшие места у алтаря заняли те, кто вчера еще стоял на мавзолее*). В речевой коммуникации такое коммуникативное поведение называется стратегией дискредитации оппонента. Для ее реализации используются различные приемы (речевые тактики), которые описаны, в частности, в работах А.Н. Баранова, О.С. Иссерс и других специалистов в области лингвистической экспертизы текста, исследующих приемы речевого воздействия [Баранов, 2007; Иссерс, 1997]. Не останавливаясь на характеристике этих тактик, назовем лишь некоторые из них: «замазывание», «переход на личности», «тень на плетень» и др. [Баранов, 2007, с. 174–186]; прямое оскорбление, навешивание ярлыков, косвенное оскорбление, не соответствующее статусу именованию, использование грубо-оценочной лексики и др. [Иссерс, 1997].

Общая стратегия дискредитации оппонента может реализовываться в частных речевых стратегиях когнитивного, семантического или риторического типа. Когнитивная стратегия состоит в том, чтобы получатель информации принял новое знание как свое, чтобы он «приватизировал знание», которое предложено ему автором. Семантическая — в выборе определенных языковых средств (семантических, стилистических и прагматических). Риторический аспект речевых действий связан с приемами убеждения, привлечения внимания (повторы, гиперболы, метафоры и др.) (см. об этом: [Иссерс, URL]).

Наша выборка иллюстрирует различные типы частных стратегий дискредитации оппонента. Так, ирония и сарказм – приемы, позволяющие реализовать частную стратегию дискредитации риторического типа. Например: *...и святые отцы, и иные рьяные поборники нравственности как только его*

[телевидение] не называли: и исчадием ада, и средоточием греха и разврата. А потом осознали, видать, наместники Бога на земле, что бороться с нечистой силой нужно и на ее территории («Новая газета»); Самые шумные истории, конечно, связаны с патриархом Кириллом. Действительно, позволительно ли монаху иметь такие ценности, как брегет за 30 тысяч евро? Протоиерей Всеволод Чаплин, конечно, принялся убеждать всех, что православные бедняки только о том и мечтают, чтобы высший клир РПЦ купался в роскоши и богатстве, и от созерцания этой роскоши православные бедняки впадают в молитвенное просветление и начинают еще больше любить и уважать этот клир («Русский журнал»).

Однако нередко бывает трудно определить, какой тип стратегии превалирует в том или другом случае. Например, в случаях использования определений с отрицательной оценочностью можно усмотреть стратегию риторического типа, поскольку используются выразительные эпитеты, негативно характеризующие объект: *непроходимое невежество*, *узколобая дремучесть* («Эхо Москвы»), *пещерное суеверие* («Сноб»). Однако в той же мере можно говорить и о речевой стратегии семантического типа, поскольку говорящий избирает единицы, в лексическом значении которых уже содержится отрицательно-оценочная сема. См., например, значение существительных *невежество*, *дремучесть*, *суеверие* или фразеологизма *толоконный лоб* на портале ГРАМОТА.РУ:

невежество – ‘отсутствие знаний, необразованность, неосведомленность в чем-либо’;

дремучесть от *дремучий* – ‘темный, необразованный (о человеке)’;

суеверие – ‘укоренившийся ложный, лишенный разумных оснований взгляд на что-либо’.

толоконный лоб – ‘народн. презр. О глупом, бестолковом человеке’ [<http://www.gramota.ru/slovari/>].

В случаях применения речевой тактики «навешивания ярлыков» на известных людей, которые открыто заявляют о своем православном вероисповедании, стратегия очевидно семантическая: используются предикаты качества с отрицательной оценочностью, как в примерах типа: *Михалков – политический мародер* («Эхо Москвы»); *Полтавченко – православный чекист* («Эхо Москвы»). В последнем примере отрицательная сема наводится словом *чекист*, имеющим отрицательную коннотацию. При рассмотрении контекста в целом нельзя не увидеть и стратегию когнитивного типа, поскольку

автор предлагает читателю некое новое знание, которое последний должен присвоить в результате когнитивного процесса *додумывания* и *развертки* (термины Е.С. Кубряковой). Рассмотрим пример. Под заголовком *Полтавченко — православный чекист* сетевое СМИ «Эхо Москвы» публикует следующую информацию: *«В октябре 2005 года Полтавченко вместе с кинорежиссером Никитой Михалковым возглавил акцию по перезахоронению в России праха белого генерала Антона Деникина и философа Ивана Ильина».*

Какое новое знание должен приватизировать адресат? Чекист Полтавченко и мародер Михалков (оба православные) возглавили некую акцию. Хороша ли после этого сама акция? И так ли уж хороши белый генерал Антон Деникин (тоже православный) и философ Иван Ильин (известный русский философ, апологет православия), если их почитают *такие* люди?

Наведение отрицательно-оценочной семы может осуществляться за счет определенных ассоциаций. Например: *Увлечение пинать тех, кто слабей <...> никакими православием и посконностью <...> оправдано быть не может* («Эхо Москвы»). Существительное «посконность» ассоциируется с поговорками «Куда нам с посконным рылом в суконный ряд!», «С посконной рожей да в красные ряды», а также выражением «посконный мужик», которое в старой России использовалось для выражения презрительного отношения к людям низкого сословия. В этом случае можно говорить о стратегии дискредитации семантического типа, однако в том же контексте мы можем усмотреть стратегию когнитивного типа — читателю предлагается самому присвоить следующее знание: православные пинают слабых (*пинать тех, кто слабей*); пинать слабых им нравится (*увлечение пинать*).

Помимо общей характеристики частных речевых стратегий дискредитации оппонента на данном этапе исследования можно выделить и конкретные речевые тактики, например:

- тактику именованья, не соответствующего статусу именуемого лица;
- тактику навязывания пресуппозиции;
- тактику намека (аллюзии).

Тактика именованья, не соответствующего статусу именуемого лица, может реализовываться, во-первых, в несоблюдении говорящим речевого этикета (в фамильярности), во-вторых, в использовании языковой игры. Например: (1) *Викентий* вместо *владыка / архиепископ Викентий*, *Кирилл* вместо *Святейший*

Патриарх Кирилл или Патриарх Московский и всея Руси Кирилл; Володя, Вова Гундяев («Эхо Москвы»); (2) Гундяй; гундит Гундяев; Господин Чаплин, вы оправдываете вашу фамилию – о протоиерее Всеволоде Чаплине («Эхо Москвы»).

Тактика навязывания пресуппозиции состоит в том, что некий компонент смысла высказывания подается как нечто само собой разумеющееся, как хорошо известное адресату (см. об этом: [Баранов, 2007, с. 191]). Например: *И это не считая скандальных выяснений, в каких отношениях монашествующий патриарх находится с теми самыми загадочными женщинами...* («Русский журнал»). В данном высказывании информация ‘патриарх, являясь монахом, находится в отношениях с женщинами’ и ‘в этом есть нечто скандальное’ предлагается адресату не как новое знание, а как нечто известное, существующее «до текста», наряду со знанием о том, что монах не может находиться в отношениях с женщинами, поскольку при постриге дает обет целомудрия.

Тактику намека (аллюзии) можно проиллюстрировать следующим примером: *Андрей Кураев выступил со специальным разъяснением: монах не может [иметь квартиру – Н.Д.], а вот монах, ставший архиереем, — может, ибо он уже вроде как и не совсем монах. И сослался на Константинопольский собор 1389 года. Чем, безусловно, ввел малых сих в великий соблазн, поелику документов сего собора не сохранилось. Что наводит на мысль об Агасфере, который среди нас* («Русский журнал») (выделено мной – Н.Д.). Агасфер – персонаж средневекового апокрифа, согласно которому во время страдальческого пути Иисуса Христа на Голгофу он отказал Иисусу Христу в кратком отдыхе – не разрешил прислониться к стене своего дома. За это Агасфер был наказан бессмертием: он обречен из века в век в страданиях скитаться по миру. Агасфер – это враг Христа, предатель. Упоминание «об Агасфере, который среди нас» – это намек на якобы недостойное поведение патриарха, который своим образом жизни предает Христа, хотя при монашеском постриге давал обет быть верным Ему.

Совокупность рассмотренных приемов легко укладывается в схему создания образа врага, которую приводит В.И. Карасик: «Берутся некоторые внешние броские признаки стиля жизни определенного класса и типа людей, формируются оценочные штампы, добавляются заведомо негативные факты...» [Карасик, 2002, с. 41].

Обратимся к истории. В СССР о религии писали, как о «религиозном дурмане», Библию называли «выдумкой темного, невежественного дикаря» и говорили о том, что «религия и библия затуманивает сознание рабочего и крестьянина». Священников называли «развращенной поповской братией», писали, что главный «ключ поповской жадности — гони монету!» [Ярославский, 1962, с. 3, 4, 8, 231]. Сходство внешних признаков в описании исследуемого феномена тогда и сейчас позволяет предположить, что «православный / православные» — социальный стереотип, сформировавшийся в эпоху антицерковной и антирелигиозной пропаганды.

На сайте «Ответы mail.ru»¹ на вопрос, «какие мифы и стереотипы о православном христианстве вы знаете?», участники форума отвечают:

Леди М.: «Есть поверье, что все священники толстые донельзя, что они обдирают несчастных бедных бабушек, морочат головы гипнотичным прихожанам, на прибыль от свечей покупают себе роскошные авто, сотрудничают с ФСБ (вот тут я, правда, даже теряюсь в догадках, в каком вопросе), РПЦ приспосабливает Писание под себя, потакает государству в его грязных делишках и позволяет бедным детям умирать. Ну что-то где-то так».

Neta.: «...больше всего мне нравится миф “попы на мерседесах”. При том, что не все мои знакомые батюшки имеют вообще личный транспорт».

Алексей Арефьев: «Миф о сказочных богатствах Церкви <...> о влиянии Церкви на власть и жизнь общества, о, если бы это было правдой. Стереотип отношения к Церкви — как к “комбинату духовных услуг” <...> что Церковь кому-то что-то “должна”. Миф, что батюшки, что узнали на исповеди, докладывают в милицию или в ФСБ, не раз слышал. Миф о том, что все, что кладется в кружку на подаяние, идет батюшке, а он уже решает, что забрать себе, а что выделить на храм».

Религиоведы подтверждают существование в обществе этих штампов. На сайте «Символ веры»² в статье «Религиоведы рассказали о своем восприятии РПЦ» написано: «Независимая исследовательская служба “Среда” провела опрос среди 50 ученых, которые специализируются на изучении религии, — социологов,

¹ URL: <http://otvet.mail.ru/question/25984985/>

² URL: <http://simvol-veri.ru/xp/religiovedi-rasskazali-o-svoem-vospriyatii-rpc.html>

религиоведов, историков и философов. Тема опроса звучала так: кому, как и зачем исследовать православный мир? Вопросы были заданы специалистам не только из Москвы и Петербурга, но и из многих других городов России <...> в ответе на вопрос, какие стереотипы существуют относительно Русской Православной Церкви?, [ученые ответили, что] среди речевых шаблонов, бытующих в отношении РПЦ, — “священники-стяжатели”, “служанка государства”, “архаизм”, “обособленность, безразличие к людям”, “везде лезет, где надо и где не надо”, “механизм для отмывания денег”, “невежество верующих и духовенства”, “стремление остаться единственной религией в России”».

В эссе «Оптина пустынь и губная помада» [Ерофеев, 2005, с. 26–31] создан карикатурный образ православных. Здесь представлены похожие оценочные штампы:

- священники дурят народ;
- священники запугивают народ;
- все православные злобные и нетерпимые;
- все священники холеные;
- верующие и духовенство – невежественные люди;
- православие – агрессивная религия;
- православие – «бесполовая религия», она запрещает все телесные радости жизни и т.д.

Примеры:

- тонко играет священник словами. Филологическое шулерство, на которое ловятся старшеклассники;
- священник с могучей черной бородой. Говорит с напором;
- Победив [в диалоге], священник быстро всех обращает в страх <...> Следует энергичное описание адских мук;
- Тетка – продащица свечек – их [девушек] отчитала за губную помаду <...> Сказала <...> чтобы они не смели припадать губной помадой к иконам, не то им уготованы (опять-таки!) вечные муки;
- у колодца со святой водой меня отчитали за то, что я пролил несколько капель на землю;
- А как же христианская любовь <...> а всепрощение?;
- Вокруг строевым шагом ходили холено-суровые отцы-священники;
- [В православной брошюре] ругали рок, семейство Рерихов, Данила Андреева, телевизор, нирвану, карты, все подряд;

– На протяжении истории православие свирепо билось с сексом;

– Христианство изнурило себя многовековой безуспешной войной с сексом. И т.п.

По-видимому, над паломником довлеет социальный стереотип «православный / православные», поскольку все представляются ему в черном цвете: иеромонахи Оптиной пустыни; злая *тетка* из свечной лавки; гид в местном литературном музее, с *неудовольствием* рассказывающая о Толстом; калужское *церковное начальство*, *перебарщивающее по части строгости*, брошюра в местной книжной лавке с *призванной быть устрашающей черно-красной обложкой*...

По мнению В.В. Красных, стереотипы-представления связаны с речевым поведением, они диктуют **набор ассоциаций** (то есть выполняют предсказующую функцию) и предопределяют выражающую их **языковую форму** (выделено мной – Н.Д.) [Красных, 2003, с. 239].

Оптина пустынь ассоциируется у автора с казармой (*даже ухоженные клумбы с рыжими ноготками мне показались казарменной принадлежностью; строевым шагом ходили отцы-священники*). Что касается выбора языковой формы, то в эссе содержится грубо-оценочная и обценная лексика, а также непристойные рассуждения, процитировать которые не представляется возможным.

Итак, «православный / православные» – это стереотип, не преодоленный со времен атеистической пропаганды? Или намеренно создаваемый карикатурный образ «чужого», реализуемый при помощи речевой стратегии дискредитации оппонента? Дальнейшее исследование, возможно, позволит ответить на этот вопрос.

Литература

- Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста : теория и практика. М., 2007.
 Ерофеев В. Оптиная Пустынь и губная помада. М., 2005.
 Иссерс О.С. «Посмотрите, на кого он похож!» (К вопросу о речевых тактиках дискредитации) // Вестник Омского университета. Омск, 1997. Вып. 3.
 Иссерс О.С. Паша-«Мерседес», или речевая стратегия дискредитации. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bibliofond.ru/view.aspx?id=79654>
 Карасик В.И. Язык социального статуса. М., 2002.
 Красных В.В. «Свой» среди «чужих» : миф или реальность?. М., 2003.
 Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи : Что категории языка говорят нам о мышлении. М., 2004.
 Липпман У. Общественное мнение. М., 2004.

Стефаненко Т. Стереотипы социальные. [Электронный ресурс]. URL: http://www.http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/sociologiya/STEREOTIPI_SOTSIALNIE.html?page=0,0

Ярославский Е. Библия для верующих и неверующих. М.,1962.

ВАРИАНТНОСТЬ СУБСТАНТИВНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ЯКУТСКОГО ЯЗЫКА

Л.М. Готовцева

Ключевые слова: субстантивные фразеологизмы, варьирование, варианты, синонимы, семантическое тождество.

Keywords: substantive phraseologisms, varying, variants, synonyms, semantic identity.

Языковая вариантность определяется как способность языка передавать одни и те же значения разными формами. Языковые варианты – это формальные разновидности одной и той же языковой единицы, которые при тождестве значения различаются частичным несовпадением своего звукового состава [Русский язык, 1997, с. 61].

Способность к варьированию является универсальным свойством языка, проявляющимся как в его структурной организации, так и в процессе его функционирования. «Открытие» данного свойства языка было не революционным, а скорее естественным процессом, и обращение к его всестороннему изучению в лингвистике следует считать вполне закономерным явлением, не требующим специального обоснования. Исследование разных видов языкового варьирования сыграло важную роль в лингвистике XX века, что проявилось в той или иной степени в различных ее направлениях [Бабенко, Володарская и др., 2000, с. 8].

Во фразеологической науке проблема вариантности возникла в связи с изучением синонимии во фразеологии, в связи с исследованием особенностей функционирования ФЕ в языке и впервые была поставлена и разработана на материале английского языка [Кунин, 1955]; позднее появились кандидатские диссертации Э.С. Паулаускене (1956) и Ю.Д. Апресяна (1956).

Разграничению фразеологической синонимии и вариантности способствовала разработка вопроса об образе, как непосредственно

связанном с этими понятиями [Чернышева, 1970; Назарян, 1976]. Наиболее распространенную точку зрения по этому вопросу можно обобщить так: фразеологические синонимы могут выражать одно и то же или близкие понятия при помощи различных образов, а наличие одного образа или близких образов является специфической чертой фразеологических вариантов.

По проблеме вариантности ФЕ существуют четыре основных направления. Ряд ученых считают одним из существенных признаков вариантных ФЕ тождество значений [Кунин, 1970; Мокиенко, 1980; Назарян, 1976]. Возможность стилистических и экспрессивных различий при больших или меньших различиях в составе и структуре допускают Н.М. Шанский [Шанский, 1985] и Л.М. Болдырева [Болдырева, 1969], Э.С. Паулаускене [Паулаускене, 1956], Г.И. Краморенко [Краморенко, 1962]. В.Н. Телия обращает внимание на способность вариантов различаться сигнификативным значением [Телия, 1981]. А.И. Федоров под фразеологическими вариантами понимает ФЕ, различающиеся грамматическими и фонетическими формами варьирования компонентов [Федоров, 1973]. Выявляет и описывает типы вариантов Е.И. Диброва [2008].

Проблема вариантности ФЕ в тюркских языках также привлекала внимание исследователей. В понимании данной проблемы среди лингвистов-тюркологов существуют разные мнения [Кайдаров, 1970, с. 70–81]. В исследованиях ученых выделяются типы вариантов [Рахматуллаев, 1966; Осмонова, 1969; Абдрахманова, 1972; Ураксин, 1975; Хасанова, 2003; Тюттешева, 2006].

Глубоко и детально анализируются проблемы вариантности и нормативности в исследованиях П.А. Слепцова [Слепцов, 1986; Слепцов, 1990].

Лексические варианты глагольных фразеологизмов якутского языка исследовал А.Г. Нелунов. Он выделяет: 1) лексический; 2) морфологический; 3) позиционный (синтаксический); 4) смешанный варианты. Из всех вариантов глагольных ФЕ в якутском языке наиболее развит лексический, осуществляемый заменой компонентов [Нелунов, 1976, с. 68]. Далее он заключает, что лексические варианты «могут охватывать как именной, так и глагольный компоненты...» [Нелунов, 1976, с. 75].

Вариантность ФЕ с соматическим компонентом была рассмотрена Л.М. Готовцевой в диссертационном исследовании «Фразеологические единицы с соматическим компонентом языка саха

как объект сопоставительного исследования» [Готовцева, 1994, с. 9–11].

Основными критериями отнесения ФЕ к вариантам считаем: 1) семантическое тождество (полная предметная и понятийная идентичность) (А.В. Кунин, В.М. Мокиенко, А.Г. Назарян); 2) наличие лексического инварианта при частичном различии компонентного состава (А.В. Кунин, И.А. Федосов); 3) общность образа (В.Г. Гак, А.Г. Назарян).

Высказываются различные мнения по вопросу о количестве вариантов, о типах варьирования. Общепризнанным является выделение следующих типов фразеологических вариантов: фонетический, словообразовательный, морфологический, количественный, лексический и синтаксический.

На материале 670 субстантивных фразеологических единиц, извлеченных из «Якутско-русского фразеологического словаря» А.Г. Нелунова, «Большого толкового словаря якутского языка», нами зафиксированы следующие типы вариантов: лексические, фонетические, морфологические, количественные, синтаксические, смешанные.

Самым распространенным типом вариантов среди анализируемых единиц являются лексические варианты. Под **лексическим варьированием** мы понимаем такую замену компонента другим в составе фразеологизма, при котором не происходит каких-либо изменений во фразеологическом значении. Для многих из них характерна замена одного компонента. Чаще всего варьируются именные компоненты, в отдельных случаях могут замещаться имена прилагательные, числительные.

При анализе взаимозаменяемых именных компонентов обнаруживаются следующие типы семантических отношений: одни взаимозаменяемые компоненты являются синонимами и вне данной ФЕ, другие же составляют вне ФЕ тематический ряд, некоторые компоненты являются словами, ассоциативно близкими или различными по значению.

1) ФЕ допускают лексическую вариантность в результате синонимических замен компонентов: *айыы дойдута (сирэ) фольк.* ‘мир под солнцем, земля, страна, где живут люди, происходящие от айыы (светлых божеств)’; *өлөр атаһым (доһорум)* ‘закадычный друг’ *букв.* умирающий друг; *бастаах (төбөлөөх) киһи* ‘очень умный, толковый человек’ *букв.* человек с головой; *бастакы (маңнайгы) хараҥаччы калыка* ‘первая ласточка’; *түүлээх холбука (хоппо) разг.* ‘голова как

вместилище ума, сознания’ *букв.* волосатый ящик (ящичек); *уһун сордоох (эрэйдээх)* ‘несчастный горемыка’ *букв.* с длинным несчастьем, горем; *уу тэстибэт (тохтубат) добордуулар (атастыылар)* ‘закадычные друзья’ *букв.* между ними вода не просочится; *ококо түспүт оңоруу (оңоһуу)* *букв.* ‘судьба, рок; предопределение’; *ааһар былит албына (албаһа)* ‘мошенник, плут, пройдоха’; *кэбирэх сирэ (миэстэтэ)* ‘наиболее уязвимое, слабое место у кого-л., ахиллесова пята’.

Лексический вариант с синонимической заменой в основном представлена ФЕ с лексемой-синонимом: компонента-существительного: *дойду – сир* ‘страна’, *төбө – бас* ‘голова’, *атас – добор* ‘друг’, *таммах – хааппыла* ‘капля’, *хоппо – холбука* ‘ящик/ящичек’, *сор – муң* ‘несчастье, горе’, *оңоруу – оңоһуу* ‘судьба, рок, предопределение’; *албын – албас* ‘хитрость, коварство’; компонента-прилагательного: *бастаах – төбөлөөх* ‘с головой’; *сордоох – эрэйдээх* ‘несчастный, причиняющий страдания, мучения’; компонента-причастия: *тэстибэт – тохтубат* ‘не протекающий, не просачивающийся’; компонента-числительного: *бастакы – маңнайгы* ‘первый’.

2) Варьирующиеся компоненты могут быть стилистическими синонимами: *ытык киһи ыччата (ыамата)* ‘потомок родовитых славных людей’, *ыччат* ‘потомок’/ *бран. ыама* ‘отродье’; *чэрдээх илии (баппабай)* ‘мозолистые руки’; *илии* ‘рука’/ *баппабай шүтл.* ‘лапа’; *аар акаары (дааргы)* ‘круглый дурак’, *акаары* ‘дурак’/ *дааргы разг.* ‘слабоумный; туповатый’.

3) Взаимозаменяемые компоненты представляют собою тематически родственные слова: *былдьаһыктаах кэм (күн)* ‘горячая пора (день)’; *бэбэһээңци бэдик (бэтэнээски) пренебр.* ‘молокосос, сопляк’ *букв.* вчерашний шалун, *бэдик* ‘баловень, шалун’/ *бэтэнээски пренебр.* ‘молокосос, юнец’; *эмий (эмсэх) куурдар оҕо* ‘последний ребенок, последыш’ *букв.* ребенок, высушивающий (*опустошающий*) грудь (соску), *эмий* ‘грудь’, *эмсэх* ‘соска’; *үүннээх-тэһиннээх (үүннээх-ыңыырдаах)* *үтүө тыл* ‘мотивированное сильное слово, содержащее просьбу’, *миң* ‘узда, уздечка’, *тэһин* ‘повод, поводья’ / *ыңыыр* ‘седло’; *хонобор (хоробор) муостаах* ‘крупный рогатый скот’ *букв.* с приподнятыми кверху, высокими, рогами, *хонобор* ‘приподнятый кверху’ / *хоробор* ‘высокий’; *эрбэх үрдүгэр сэттэтэ (сөмүйэ үрдүгэр үстэ) эргийбит (киһи)* ‘пройдоха, ловкач’ *букв.* на

кончике большого пальца (указательного пальца) семь раз (три раза обернулся).

4) Варьирующиеся компоненты могут быть словами, выражаемые понятия которых относятся друг к другу как целое – часть: *илии* – *ытыс* ‘рука – ладонь’, *бас* – *орой* ‘голова – макушка’, *атах* – *тилэх* ‘нога – пятки’, *чой орой (бас)* ‘медный лоб, дубовая голова’ *букв.* тупая макушка (голова); *тимир илии (ытыс)* *неодобр.* ‘бережливый до жадности; стремящийся любой ценой избежать расходов; чрезвычайно скупой’ *букв.* железная рука (ладонь); *тэхэбэс ытыс (илии)* *разг. неодобр.* ‘человек, безрассудно расходующий деньги, средства; мот, транжира’ *букв.* дырявая ладонь (рука); *эт тилэбинэн (атафынан)* ‘без помощи каких-л. средств передвижения, собственными ногами; пешком’ *букв.* собственными пятками (ногами); *уһун баттахтаах (суһуохтаах)* *разг.* ‘женщина’ *букв.* с длинными волосами (косой).

5) Словами, находящимися в родо-видовых отношениях: *кырдыабас бөрө (ыт)* ‘видавший виды, бывалый; третий калач’ *букв.* старый волк (старая собака); *кэриэс ас (аһылык)* ‘предсмертная пицца; поминальная пицца’ *букв.* памятная пицца, еда; *орой мэник (төбөт)* *разг.* ‘озорник, сорванец’.

6) Словами, в которых взаимозаменяемость построена на ассоциациях по смежности: *айах – тыл: айах (тыл) кэпсээнэ* ‘слухи, устные сообщения, рассказы, достоверность которых сомнительна’ *букв.* рассказ рта (языка), *салыңнаах ытыс (тарбах)* ‘удачливый, везучий охотник, рыбак’ *букв.* скользкая ладонь (палец).

7) Большинство анализируемых единиц с лексическими вариантами возникло вследствие взаимозаменяемости лексем, ассоциативно близких. Такие варьируемые компоненты имеют определенную близость, общность в семантике. Сюда можно отнести такие единицы, как: *суор (саһыл) харафын сиэбит киһи* ‘рано просыпающийся и бодрствующий человек’ *букв.* человек, съевший вороний (лисий) глаз; *кус (куобах) сүрэх* ‘очень боязливый человек; трус’ *букв.* утиное (заячье) сердце; *кус-хаас саңата (тойуга)* ‘непонятная кому-л. речь (например, на чужом языке)’ *букв.* птичий язык (пение); *хара сурук (кумаабы) разг., эвф.* ‘письмо-извещение из действующей армии о гибели кого-л.; похоронка’ *букв.* черное письмо (бумага); *аатын билбэт (умнубут) акаары* ‘круглый дурак’ *букв.* не знающий (забывший) свое имя.

Следует подчеркнуть, что «входя в состав фразеологизмов они (взаимозаменяемые компоненты – Л.Г.) выполняют функцию синонимичных слов» [Кирсанова, 1964, с. 97].

8) Варьирующиеся компоненты представлены разными количественными числительными: *үс (түөрт) саха фольк.* ‘якуты, якутский народ’ *букв.* три (четыре) саха; *икки (сэттэ) сирэй* ‘подхалим, льстец; угодник’ *букв.* два (семь) лица; *абыс (тобус) дойду фольк.* ‘множество стран’ *букв.* восемь (девять) стран.

9) Взаимозаменяемые компоненты некоторых ФЕ не являются синонимами вне ФЕ, между ними нет никаких семантических связей. Таковыми являются ФЕ: *хара (тыыннаах) ыт бран.* ‘негодяй, мерзавец’, *букв.* черная (живая) собака; *аат (бэрт) былдьаһыы* ‘соперничество, борьба за первенство в чем-л.’ *букв.* отнимание друг у друга имени, известности; *уһун кутурук сөрөөһүнэ (оһоһуута, охсуута)* ‘последствие, результат *чьего-л.* дурного влияния’ *букв.* заматывание (изделие, последствие) длинного хвоста.

Под **фонетическим варьированием** подразумеваются изменения звуковой оболочки ФЕ, обусловленные подвижностью орфоэпических норм. Данный тип варьирования малопродуктивен: *тар (дар, даар) акаары* ‘круглый дурак, болван’; *аан холорук (халарык)* ‘разрушительный смерч, опустошительный вихрь (*сопровождающий деяния богатырей*)’ *балай (далай) акаары бран.* ‘обалдуй, оболтус’; *дьээбэ (дьишбэ) хаата* ‘большой шутник’.

Следующий тип варьирования, который обнаруживается в исследуемых фразеологизмах, – **морфологический**. Морфологические варианты появляются в результате формального видоизменения компонентов.

Морфологические изменения словоформ компонентов ФЕ зависят, с одной стороны, от лексико-грамматической характеристики фразеологизмов, степени его семантической слитности, а с другой – от структурного типа языка. В агглютинативных языках возможность изменения словоформ компонентов крайне ограничена. Агглютинативность языка способствует «морфологической немаркированности сочетаемых элементов» [Пюрбеев, 1972, с. 208].

Морфологические изменения компонентов субстантивных ФЕ обычно ограничиваются парадигматическим варьированием опорного грамматического стержня фразеологизмов. Среди вариантов этого типа выделяются:

1) Вариация формы числа именного компонента: существительные, имеющие форму единственного и множественного

числа, выступают взаимозаменяемыми компонентами: *бүтэй туйахтаах (туйахтаахтар) фольк.* ‘лошадь, лошади’ букв. с цельным копытом (цельными копытами); *бэйэ киһитэ (дьоно)* ‘родной или связанный близкими отношениями человек’ букв. свой человек (люди); *дьон (киһи) киһитэ* ‘общительный, ко всем одинаково хорошо относящийся человек’ букв. человек людей (человека); *халлаан киһитэ (дьоно) разг.* ‘неприспособленный к жизни человек’ букв. человек (люди) неба; *көтөр кынатым (кынаппыт)* ‘отважные, ловкие, знающие и верные люди из народа’ букв. мои (наши) летающие крылья.

2) Вариация падежных форм именного компонента: *буору (буор) бааһырдар устар.* ‘конный и рогатый скот’ букв. на земле (земля) след оставляющий.

3) Вариация основной и притяжательной форм имен существительных: *уца илии - уца илиитэ* ‘правая рука’ букв. правая рука – правая его рука.

Под квантитативным варьированием мы понимаем изменение числа компонентов фразеологизма, не нарушающего его семантического тождества.

1) количественно варьируется компонент – существительное: *ытыс таһынар <ыас> хараңа* ‘непроглядная тьма, хоть глаз выколи букв. тьма <как смоль>, что только хлопать в ладоши’; *<иһэ> үөн хаата* ‘каверзник; постоянно делающий пакости’ букв. <живот его> коробка для червя; *айах адаҕата <буоһах бохсуута> неодобр.* ‘лишний рот, дармоед, нахлебник’ букв. пути для рта <путы для глотки>; *миинэр миңэ, <көлүнэр көлө>* ‘средство передвижения’ букв. верховая лошадь <упряжной скот> ; *сүрэҕим ытарҕата, <быарым тулаайаҕа> ласк.* ‘сердце мое, жизнь моя’ (обычно об единственном ребенке) букв. сережки моего сердца, <придаток моей печени>.

2) варьируется компонент - прилагательное: <хааннаах> *хара көлөһүн* 1) ‘то, что добыто или создано потом и кровью’, 2) ‘труд в поте лица’ букв. <кровавый> черный пот; <тоң> *күөс быстыңа* ‘время варения мяса’ <хааннаах> *хара ыт бран.* ‘негодяй, мерзавец’ букв. <кроваяя> черная собака; <уһун> *кутурук сөрөөһүнэ* ‘последствие, результат чьего-л. дурного влияния’, *айыы <хаан> аймаҕа, күн <хаан> улууһа* ‘весь народ; доброе племя якутов’; *нохтолоох <тойон> сүрэх, хайҕахтаах <хара> быар фольк.* ‘эпитет сердца и печени как жизненно важных органов’;

3) варьируется компонент-причастие: *кыларыыйар* (*кыларыыйан туар*) *кырдьык* ‘истинная правда, святая истина, правда-матка’;

4) фразеологизмы проявляют способность сокращать компонент – послелого, частицы, служебные имена : *даң* <курдук> *киһи* ‘вялый, равнодушный ко всему человек’ *букв.* человек <как> даң; *ширбит* <курдук> *элбэх разг.* ‘очень много, бесчисленное множество’ *букв.* много <как> сумасшедший; *аам-ньяам* <курдук> *ас* ‘плохо приготовленная, невкусная пища’ *букв.* пища <как> аам-ньяам; *иһин* <иһин> *курдук хараңа* ‘непроглядная темень, тьма кромешная’ *букв.* темно как <внутри> в яме;

5) наблюдается усечение компонентов парных слов: *окко-маска* (*маска*) *умһаммат мэник* ‘отчаянный шалун’ *букв.* шалун, который не пачкается в траве-дереве (дереве).

Наиболее представленным в количественном отношении является и синтаксический тип варьирования. Под **синтаксическим варьированием** мы понимаем изменения установленного порядка следования компонентов в структуре фразеологизма: *тэһэбэс илии* – *илиитэ тэһэбэс разг.* ‘человек, безрассудно расходующий деньги, средства; мот, транжира’ *букв.* дырявая рука – руки его дырявы; *сааннат сирэй* ‘бесстыжая морда’ – *сирэйэ сааннат* ‘стыда нет у кого-л.’ *букв.* лицо его не стыдится. Для некоторых из них характерно различие в структурной организации, а также в лексико-грамматической характеристике: *көмүс тарбах* – *көмүс тарбахтаах* ‘золотые руки’ *букв.* золотые руки – с золотыми руками ; *иэбэйэр икки атах* – *иэбэйэр икки атахтаах* ‘человек’ *букв.* гнущиеся две ноги – с гнушимися двумя ногами; *икки атах* – *икки атахтаах фольк.* ‘человек; человечество’ *букв.* две ноги – с двумя ногами; *икки сирэй* – *икки сирэйдээх* ‘двуличный, лицемер’ *букв.* два лица – с двумя лицами, *салыңнаах ытыс* – *салыңнаах ытыстаах* ‘удачливый, везучий охотник, рыбак’ *букв.* ладонь со слизью – с ослизлой ладонью; *ааһар албас* – *ааһар албастаах* ‘хитрость, изворотливость, плутовство (чтобы достичь своих корыстных целей)’ *букв.* проходящая хитрость – с проходящей хитростью.

При наличии двух и более разновидностей в составе одной и той же ФЕ возникает новый вид вариантов – **смешанный**. Данный тип варьирования представлен не так широко. В основном совмещаются два типа варьирования. Нами выявлены квантитативно-синтаксические: *сүннэ көнө киһи* – *көнө сүрүннээх* ‘прямой, принципиальный человек’ *букв.* спинной мозг его прямой – с прямым

спинным мозгом; количественно–лексические: <окко түспүт оңоруу (оңоһуу)> *сиргэ түспүт сэрэбиэй* ‘рок, судьба’ букв. <упавшая на траву судьба>, упавший на землю жребий; количественно–лексические: *бургунас ынах муоһа булгу тоңор тымныыта* – *бургунас муоһа булгу барар тымныыта* ‘трескучий мороз’ букв. такой сильный мороз, что рога молодой коровы с треском отпадают; *оһоҕос түгэбэ (түгэбинээби) оҕо (уол, кыыс)* ‘самый младший ребенок в семье, последний’ букв. дитя (мальчик, девочка), находящийся на дне (со дна) живота.

Выше было упомянуто о том, что явление вариантности тесно связано с синонимией.

Нельзя смешивать варьирование и семантическое тождество единиц при разных компонентах, но при определенном компонентном сходстве [Юздова, 2009, с. 167]. Например, в якутском языке имеются субстантивные единицы с одинаковой структурной моделью: *өлөр иһээччи* ‘пьющий до бесчувственности, записной пьяница [Пекарский, Т. 2, стб. 1934]; горький пьяница’ букв. *мертвopьющий* [ТСЯЯ, Т. 3, с. 780] и *буор иһээччи* ‘беспробудный пьяница’ букв. *земляной пьяница* [ТСЯЯ, Т. 2, с. 541]. Они не являются, с нашей точки зрения, вариантами, как это подается во «Фразеологическом словаре якутского языка» Н.С. Григорьева, а синонимами. По Н.С. Григорьеву *өлөр (буор) иһээччи* – арыгыга ылларбыт киһи, олус арыгыһыт (*арыгыны иһэриттэн умайан өлүөн сөн*) букв. ‘человек, попавший в зависимость от вина, сильно пьющий (*от чрезмерного употребления спиртного может сгореть (умереть)*)’ [Григорьев, 1974, с. 64–65]. Значение **өлөр иһээччи** в «Толковом словаре якутского языка» подается: тугу да билбэт буолуор, өйүн сүтэриэр диэри иһэр киһи (*арыгыны иһэриттэн умайан өлүөн сөн*) – человек, пьющий до потери сознания (*от чрезмерного употребления спиртного может сгореть (умереть)*). *Оннообор өлөр иһээччини эмтиллэр. ‘Даже горького пьяницу излечивают’* [ТСЯЯ, Т. 3, с. 780]. Значение **буор иһээччи** в «Толковом словаре якутского языка» толкуется следующим образом ‘арыгыны экирэтэн туран олус элбэхтик иһэр киһи, арыгылаан киһи аатыгтан ааспыт киһи’ букв. человек, гонящийся за спиртным, сильно пьющий, потерявший человеческий облик. Таким образом, в основе этих единиц лежат различные образы, то есть эти единицы являются синонимами. *Быһаас аахпыттара бөһүөлэккэ 33 буор иһээччи баар сурахтааҕа. ‘Когда этой весной считали, оказывается в поселке имеется 33 горьких пьяниц’.* Далан. **Буор иһээччи** билигин ыалы кэрийэн

хонуктуур, көрсүбүт кийитин аайыттан «умналаан» арыгы иһэр. *‘Беспробудный пьяница ночует где попало, выклянчивает деньги у каждого прохожего, так и выпивает’* «КЫЫМ».

ФЕ **өлөр атаһым** имеет лексический вариант **өлөр доборум**, они означают ‘приятель; закадычный друг’. Варианты ФЕ имеют одинаковую сочетаемость и сферу употребления: *Бу дыахтар мин өлөр атаһым. ‘Эта женщина – моя закадычная подруга’*. [Пекарский, Т. 2, стб. 1934]. *Витя биһикки саастыыбыт уонна «өлөр добордуубут»*. *‘Мы с Витей одного возраста и закадычные друзья’*. М. Ефимов. В этих предложениях ФЕ выполняют функцию предиката и относятся к субъекту в основном падеже и имеют однотипное окружение.

Если ФЕ выступает в функции подлежащего, то она сочетается с глаголами, то есть имеет одноместное окружение. *Быйыл сайын хотуттан өлөр атаһым Аня кэлиэхтээх. ‘Этим летом должна приехать из Севера моя закадычная подруга Аня’*. «Хотугу Сулус». *?лөр доборум уолун сыбаайбатыгар ыңырбыт. ‘Мой закадычный друг пригласил меня на свадьбу своего сына’*. «КЫЫМ».

Если данные ФЕ выступают в косвенных падежах и в предложении функционально соответствуют дополнению, они имеют двухместное окружение. В таких случаях ФЕ обладают широкой сочетаемостью со словами. *Бу институтка обо эрдэбиттэн өлөр атаһа Мылаховтыын бииргэ кэлбиттэрэ. ‘В этот институт он пришел вместе с другом детства Мылаховым’*. Н. Лугинов. *Эйигин, өлөр доборбун, Элбэхтэртэн ордорбун. Ытаччаба да ылларан сыттарбын Ымманыйан, эйигин саныыбын. ‘Тебя, моего закадычного друга, считаю лучшим из многих. И хотя я попал в трудную ситуацию, вспоминаю тебя с улыбкой’*. И. Федосеев. Поскольку взаимозаменяемые компоненты **атас** и **дoбор** являются равноценными синонимами, варианты могут заменять друг друга в контекстах, приведенных выше, без какой-либо потери смысла предложения. По частотности вариант **өлөр атаһым** употребляется чаще, чем **өлөр доборум**.

Итак, рассмотрев явление вариантности субстантивных ФЕ якутского языка, мы разделяем мнение А.У. Эшанкулова: «Явление вариантности фразеологизмов особенно в яркой форме обнаруживает тесные связи между всей лексико-грамматической системой языка и системой фразеологии. ... Варианты в своем формировании опираются на существующие в конкретных языках специфические лексико-

грамматические ресурсы, но опираются они на эти ресурсы по-разному» [Эшанкулов, 1981, с. 96].

Анализ фразеологизмов якутского языка показал, что субстантивные ФЕ, также как и глагольные ФЕ, проявляют способность к варьированию.

Самым распространенным типом вариантов среди анализируемых единиц являются лексические варианты. Для многих из них характерна замена одного компонента. Чаще всего варьируются именные компоненты, в отдельных случаях могут замещаться имена прилагательные, причастия, числительные.

Варьируемые компоненты находятся между собой в семантических отношениях: синонимическом, ассоциативно-близком, в отношениях тематического родства и т.д.

Менее продуктивными оказались количественные варианты.

Синтаксический тип варьирования часто встречается в комплексе с другими типами вариантов.

Таким образом, среди субстантивных ФЕ якутского языка обнаруживаются все типы варьирования: фонетический, лексический, морфологический, количественный, синтаксический, смешанный.

Литература

Абдрахманова М. Устойчивые словосочетания с числительными в турецком языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ашхабад, 1972.

Апресян Ю.Д. Фразеологические синонимы типа “глагол+существительное” в современном английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1956.

Бабенко Н.С., Володарская Э.Ф., Селиверстова О.Н. и др. К теории вариантности : современное состояние и некоторые перспективы изучения // Вопросы филологии. 2000. № 2.

Болдырева Л.М. К вопросу о функционально-стилистической характеристике фразеологических единиц // Ученые записки МГПИИЯ, 1969. Т. 42.

Гак В.Г. Сопоставительная лексикология. М., 1977.

Готовцева Л.М. Фразеологические единицы с соматическим компонентом языка саха как объект сопоставительного изучения : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Якутск, 1994.

Григорьев Н.С. Саха тылын сомоҕо домобун тылдыыта. Якутск, 1974.

Диброва Е.И. Лексикология. Фразеология. Синтаксис : избранные работы. М., 2008.

Кайдаров А.Т. О фразеологических вариантах в уйгурском языке // Советская тюркология. 1970. № 2.

Кирсанова Н.А. О некоторых семантических признаках фразеологических единиц (к вопросу о многозначности и синонимике в сфере фразеологии) // Проблемы фразеологии. Исследования и материалы. М., Л., 1964.

- Краморенко Г.И. Фразеологические варианты в идиоматике современного немецкого языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1962.
- Кунин А.В. Некоторые вопросы английской фразеологии // *Англо-русский фразеологический словарь*. М., 1955.
- Мокниенко В.М. *Славянская фразеология*. М., 1980.
- Молотков А.И. *Основы фразеологии русского языка*. Л., 1977.
- Назарян А.Г. *Фразеология современного французского языка*. М., 1976.
- Нелунов А.Г. *Разработка фразеологических единиц в «Толковом словаре якутского языка» // Актуальные вопросы якутской лексикологии и лексикографии*. Якутск, 1980.
- Нелунов А.Г. *Глагольная фразеология якутского языка*. Якутск, 1981.
- Паулаускене Э.С. *Варианты фразеологических единиц в современном английском языке* : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1956.
- Пекарский Э.К. *Словарь якутского языка*. 1959. Т. 2.
- Пюрбеев Г.Ц. *Глагольная фразеология монгольских языков*. М., 1972.
- Рахматуллаев Ш.У. *Некоторые вопросы узбекской фразеологии* : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1966.
- Русский язык : энциклопедия / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. М., 1997.
- Слепцов П.А. *Об основных тенденциях развития лексики современного якутского литературного языка // Актуальные вопросы якутской лексикологии и лексикографии*. Якутск, 1980.
- Слепцов П.А. *Якутский литературный язык. Формирование и развитие общенациональных норм*. Новосибирск, 1990.
- Телия В.Н. *Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке*. М., 1981.
- ТСЯЯ – Толковый словарь якутского языка. Новосибирск, 2004 – 2010. Т. 1–7.
- Тюнтешева Е.В. *Человек и его мир в зеркале фразеологии (на материале тюркских языков Сибири, казахского и киргизского)*. Новосибирск, 2006.
- Ураксин З.Г. *Фразеология башкирского языка*. М., 1977.
- Федоров А.И. *Развитие русской фразеологии в конце XVIII – начале XIX века*. Новосибирск, 1973.
- Федосов И.А. *Вариантность и функционально-стилистическая синонимия фразеологических единиц // Вопросы языкознания*. 1974. № 6.
- Фразеологический словарь русского языка*. М., 1987.
- Хасанова Л.Г. *Турецкие субстантивные фразеологические единицы в сопоставлении с английскими* : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2003.
- Хертек Я.Ш. *Фразеология современного тувинского языка*. Кызыл, 1978.
- Чернышева И.И. *Фразеология современного немецкого языка*. М., 1970.
- Шанский Н.М. *Фразеология современного русского языка*. М., 1985.
- Юздова Л.П. *Варьирование как показатель развития адвербиальных фразеологических единиц // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. Сер. общ. и гуманитарных наук*. 2009. № 110.
- Эшанкулов А.У. *Вариация глагольных фразеологизмов в языках различных структур // Вопросы фразеологии романских и германских языков*. Самарканд, 1981.
- ЯРФС – Якутско–русский фразеологический словарь. Новосибирск, 1998. Т. 1; 2002. Т. 2.

СИСТЕМНЫЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ТЕРМИНОСИСТЕМЫ АНГЛИЙСКОЙ ФОНЕТИКИ

К.А. Мякишин

Ключевые слова: терминологическая система, фонетические термины, системный аспект.

Keywords: terminological system, phonetic terms, systemic aspect.

Системность в фонетической терминологии может устанавливаться с различных позиций в зависимости от того, какие критерии положены в основу систематизации и классификации терминов данной отрасли лингвистики. Учитывая задачи настоящей работы, представляется целесообразным исходить из следующих положений:

1) Системные отношения в фонетической терминологии могут быть выявлены путем вычленения в макротерминосистеме фонетики ряда микротерминосистем с соответствующими организующими центрами. Исходя из этого, терминологический массив фонетики может быть классифицирован и систематизирован в соответствии с критерием лексико-семантической отнесенности терминов к той или иной микротерминосистеме. Данный критерий следует квалифицировать как *семантический* или *логико-семантический*, поскольку в его основе лежит способность терминов входить на правах части в то или иное локальное семантическое поле (микротерминосистему, тематическую группу, лексико-семантическую группу и т.п. в зависимости от того, к какому пласту лексики относится анализируемый языковой материал, и какие критерии применяются в ходе анализа), целостность которого обеспечивается существованием внутри него предметно-логических связей соответствующих понятий, отражающих особенности номинируемых в рамках данного поля объектов.

2) История становления и развития фонетики как науки насчитывает не одно столетие. Отдельные ее разделы со своими объектами и методами исследования возникали и формировались в различные историко-хронологические периоды, поэтому в основу систематизации терминологического массива может быть положен критерий отнесенности исследуемых терминологических единиц к тому или иному разделу, являющемуся составной частью общей фонетики. К этим разделам принято относить *функциональную*

фонетику (фонологию), изучающую звуковые средства языка, их функции и системную организацию, а также правила формирования фонетической структуры речевых сообщений, *артикуляционную фонетику*, предметом изучения которой является анатомо-физиологическая база артикуляции (речевой аппарат) и механизмы речепроизводства, *акустическую фонетику*, изучающую физические характеристики звуковых средств, *перцептивную фонетику*, исследующую способы звукового анализа и идентификации звуковой оболочки речевого высказывания, *типологическую фонетику*, устанавливающую и изучающую сходства и различия в устройстве звуковых систем разных языков, *историческую фонетику*, целью которой является описание исторических изменений звуковых систем, а также *прикладную фонетику*, занимающуюся практическим применением фонетических знаний [Кодзасов, Кривнова, 2001, с. 29–31].

Классификация терминологического массива на базе данного критерия, который, по сути, следует считать *формальным*, позволяет установить количественный и качественный состав терминологии, обслуживающей перечисленные выше разделы фонетики, сопоставить время ее появления в составе фонетических терминосистем с хронологией возникновения того или иного раздела.

3) Сопоставление результатов систематизации на базе двух критериев дает возможность определить, какие микросистемы исследуемой специальной лексики в фонетической макротерминосистеме следует отнести к терминологии общefonетического характера, образующей ядро макротерминосистемы, а какие – к терминологии с более узкой (конкретной) специализацией, отражающей специфику одного или нескольких соответствующих разделов общей фонетики и формирующей центр (промежуточный слой) и периферию исследуемой макротерминосистемы.

Систематизация фонетической терминологии
на базе логико-семантического критерия

Все выбранные для анализа фонетические термины с учетом семантического критерия были сгруппированы в соответствии с их отнесенностью к следующим микротерминосистемам:

I. Общенаучная терминология.

II. Общелингвистическая терминология.

III. Графика. Орфография.

3.1. Графические процессы;

- 3.2. Графические знаки;
- 3.3. Способ записи. Транскрипция;
- 3.4. Номенклатура буквенных и символьных знаков.

IV. Единицы фонетического членения речи (сегментный уровень).

- 4.1. Звукотипы;
- 4.2. Слоги;
- 4.3. Признаки и особенности единиц фонетического членения речи;
- 4.4. Действия, отражающие функциональные признаки и особенности единиц фонетического членения речи.

V. Фонетические модификаторы (супрасегментный уровень).

- 5.1. Мелодические модификаторы (мелодика, движение тона, тембр, процессы и объекты, связанные с мелодикой как компонентом интонации);
- 5.2. Темпо-ритмические модификаторы (темп, ритм, ударение, процессы и объекты, связанные с темпом, ритмом и ударением как компонентами интонации);
- 5.3. Признаки и особенности супрасегментных средств;
- 5.4. Действия, отражающие функциональные признаки и особенности супрасегментных средств.

VI. Фонетические процессы и явления.

- 6.1. Комбинаторные фонетические процессы и явления;
- 6.2. Позиционные фонетические процессы и явления;
- 6.3. Дополнительные (вторичные) артикуляционные процессы;
- 6.4. Прочие фонетические процессы и явления.

VII. Фоностилистика. Фонетическая риторика.

- 7.1. Основные фоностилистические и фонориторические приемы;
- 7.2. Основные фоностилистические и фонориторические фигуры;
- 7.3. Признаки и особенности фоностилистических (фонориторических) средств;
- 7.4. Действия, отражающие функциональные признаки и особенности фоностилистических и фонориторических средств.

VIII. Типы и формы речи.

- 8.1. Прозаическая речь;
- 8.2. Стихотворная речь;
- 8.3. Устная речь;
- 8.4. Письменная речь;
- 8.5. Признаки типов и форм речи;
- 8.6. Способы реализации типов и форм речи;
- 8.7. Действия, отражающие способы реализации типов и форм речи.

IX. Законы, правила, нормы.

- 9.1. Законы;
- 9.2. Правила;
- 9.3. Нормы.

X. Терминология версификации и стихосложения.

XI. Терминология смежных научных отраслей.

11.1. Анатомо-физиологическая база процессов голосообразования, звукопроизводства (фонация) и речевосприятия (перцепция речи);

11.2. Физико-акустическая терминология.

XII. Термины методики обучения произношению.

XIII. Отделы науки (научных отраслей).

Вся отобранная для исследования терминология была систематизирована на базе логико-семантического критерия и распределена по 13 микротерминотерминальным системам. Результаты систематизации отражены в представленной ниже диаграмме.

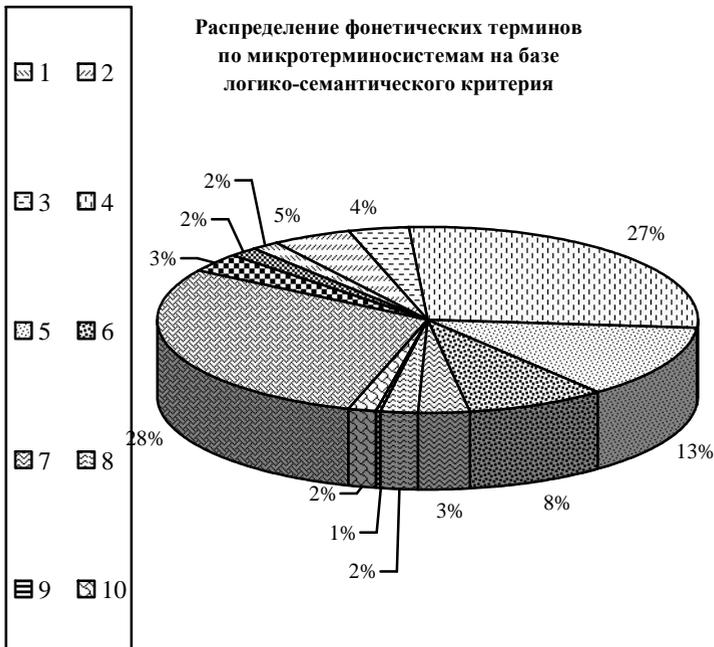

Диаграмма 1

Результаты систематизации на базе логико-семантического критерия свидетельствуют о том, что к наиболее широко представленным в

терминологическом плане являются микротерминосистемы *единиц фонетического членения речи* (около 27% всего терминологического массива исследования), *фонетических модификаторов* (13%), *фонетических процессов и явлений* (8%). В совокупности эти терминосистемы составляют почти половину всех отобранных для исследования терминов (около 48%). Термины, входящие в состав данных микротерминосистем, составляют, по сути, основу макротерминосистемы английской фонетики, так как содержат базовые фонетические термины.

По результатам системного анализа к числу наиболее широко представленных в терминологическом отношении микротерминосистем можно отнести микротерминосистему *терминологии смежных научных отраслей*. Термины, составляющие данную микротерминосистему, составляют почти треть всей отобранной терминологии (28%). Данная микротерминосистема содержит термины различных научных отраслей (анатомия, биология, медицина, физика).

К числу наименее представленных микротерминосистем относятся: *общенаучная терминология* (2%), *общелингвистическая терминология* (5%), *терминология графики и орфографии* (4%), *терминология фонетики и фонетической риторики* (3%), *терминология типов и форм речи* (2%), *терминология законов, правил и норм* (1%), *терминология версификации и стихосложения* (2%), *терминология методики обучения произношению* (3%), *терминология отделов науки (научных отраслей)* (2%). В совокупности данные микротерминосистемы составляют почти четверть всего терминологического массива исследования (24%).

Ниже приведены примеры терминов, входящих в состав микротерминосистем, составляющих макротерминосистему английской фонетики:

1. Примеры общенаучной терминологии: *analysis, classification, component, factor* [Трахтеров, 1962, с. 20, 46, 50, 85], *relation* [Crystal, 2003, p. 394].
2. Примеры общелингвистической терминологии: *archaism, conjunction, linguistic units, morpheme, temporal* [Трахтеров, 1962, с. 24, 50, 152, 283].
3. Примеры терминологии графики и орфографии: *circumflex, diacritical marks, digraph, notation, pitch pattern, transcription* [Трахтеров, 1962, с. 46, 62, 64, 194, 219, 288], *diacritic* [Roach, 2002, p. 20], *grapheme* [Crystal, 2003, p. 210; McMahon, 2002, p. 13].
4. Примеры терминологии фонетического членения речи (сегментный уровень): *fricative, velar* [Трахтеров, 1962, с. 93, 299; McMahon, 2002, p. 29,

33]; *guttural, plosive* [Трахтеров, 1962, с. 106, 221; Crystal, 2003, p. 212, 357], *vocoid* [Crystal, 2003, p. 494].

5. Примеры терминологии фонетических модификаторов (супraseгментный уровень): *intonation, rhyme* [McMahon, 2002, p. 105, 110, 127], *rhythm, rime, stress, tone* [Трахтеров, 1962, с. 246, 247, 269, 286].

6. Примеры терминологии фонетических процессов и явлений: *assimilative shift, devoice, diphthongization, nasal plosion* [Трахтеров, 1962, с. 28, 61, 65, 188], *final lengthening* [Roach, 2002, p. 28], *monophthongization* [Crystal, 2003, p. 298], *umlaut* [Трахтеров, 1962, с. 292; Crystal, 2003, p. 480].

7. Примеры терминологии фоностилистики и фонетической риторики: *alliteration* [McMahon, 2002, p. 113; Трахтеров, 1962, с. 17]; *anaphora, assonance, declamatory style, declarative style, euphonize* [Трахтеров, 1962, с. 20, 28, 57, 80].

8. Примеры терминологии типов и форм речи: *declamation, declaration, deliberate speech, dialogue, literary pronunciation, narration, rhapsody* [Трахтеров, 1962, с. 57, 58, 62, 156, 184, 246].

9. Примеры терминологии законов, правил и норм: *graphical rules* [Трахтеров, 1962, с. 106], *Holtzmann's law* [Smith, 1997, p. 41; Smith, 1997, p. 97; Voyles, 1992, p. 92], *Ingvaeonic nasal spirant law* [Markey, 1976, p. 1976], *rhythm rule* [Crystal, 2003, p. 401], *Sievers' Law* [Edgerton, 1932, p. 32; Fortson, 2004, p. 24].

10. Примеры терминологии версификации и стихосложения: *amphibrach, dactyl, iambic, masculine rhyme, metre, mora, spondaic* [Трахтеров, 1962, с. 19, 55, 122, 165, 171, 180, 265].

11. Примеры терминологии смежных научных отраслей: *convex, mandibular, maxillary, palatogram, resonator, supradental* [Трахтеров, 1962, с. 53, 164, 166, 206, 243, 275].

12. Примеры терминологии методики обучения произношению: *conscious imitation, drilling in pronunciation, mispronunciation, mistranscribe; speech habits* [Трахтеров, 1962, с. 51, 70, 176, 264].

13. Примеры терминологии отделов науки (научных отраслей): *diachronic phonetics, motor phonetics* [Трахтеров, 1962, с. 62, 181], *prosodic phonology, functional phonetics, linear phonology* [Crystal, 2003, p. 193, 270, 378].

Систематизация фонетической терминологии на базе формального критерия

Все выбранные для анализа термины с учетом формального критерия были сгруппированы в соответствии с их принадлежностью к следующим разделам общей фонетики: 1) функциональная фонетика (фонология); 2) артикуляционная фонетика; 3) акустическая фонетика;

4) перцептивная фонетика; 5) типологическая фонетика; 6) историческая фонетика; 7) прикладная фонетика.

Результаты систематизации английской фонетической терминологии на базе формального критерия отражены в представленной ниже диаграмме 2.

**Систематизация фонетической терминологии
на базе формального критерия**

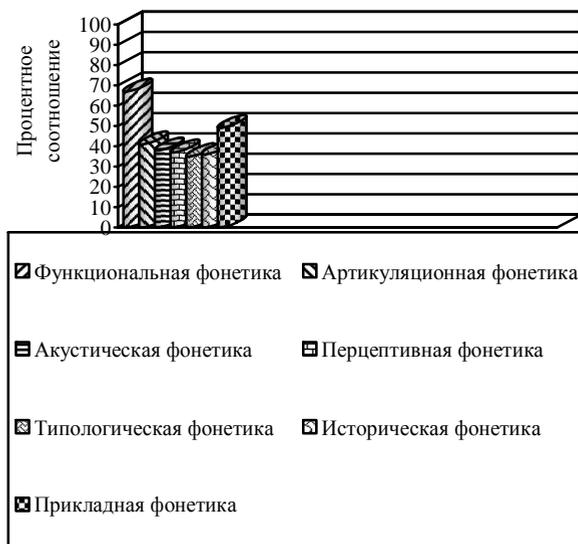

Диаграмма 2

Как видно из диаграммы, объем терминов, обслуживающих различные разделы фонетики, варьирует. Данная диаграмма отображает процентное отношение терминов каждого из перечисленных выше разделов фонетики к общему объему отобранного для данного исследования терминологического массива.

Итак, наиболее широко представленным в терминологическом отношении разделом фонетики является *функциональная фонетика (фонология)*. Объем терминов, обслуживающих данный раздел, составил около 67% от всей терминологической выборки исследования. Разделы *артикуляционной фонетики* (41%), *акустической фонетики* (38%), *перцептивной фонетики* (37%) обслуживаются примерно одинаковым

количеством терминов. Данные четыре раздела составляют ядро *общей фонетики* как науки о звуковой стороне речевой коммуникации [Кодзасов, Кривнова, 2001, с. 30].

К основообразующим разделам общей фонетики также относятся: *типологическая фонетика*, *историческая фонетика* и *прикладная фонетика*. Объем терминологии, обслуживающей *типологическую фонетику* составляет 35%, *историческую фонетику* – 36% и *прикладную фонетику* – 49% от общей терминологической выборки. Большой объем терминологии, составляющей раздел *прикладной фонетики*, можно объяснить, очевидно, тем, что *прикладная фонетика* включает в себя различные дисциплины, отражающие многообразие использования языка в человеческой жизни, от методики преподавания фонетики, фонетической риторики и орфоэпии до автоматического синтеза и распознавания речи.

Необходимо отметить, что между этими тремя более частными фонетиками и разделами, составляющими ядро общей фонетики, существует очень тесная связь, поскольку одни и те же термины могут обслуживать различные разделы фонетики.

Ниже приведены примеры терминов, относящихся к различным разделам общей фонетики:

1. Примеры терминов функциональной фонетики (фонологии): *archiphoneme*, *metrical grid* [Кодзасов, Кривнова, 2001, с. 330, 498; Crystal, 2003, p. 31, 291], *dental*, *epiglottal*, *level tone*, *low-rising tone*, *velar* [Трахтеров, 1962, с. 59, 78, 151, 161, 299].

2. Примеры терминов артикуляционной фонетики: *apical*, *mouth cavity*, *uvular consonant*, *rounding* [Трахтеров, 1962, с. 23, 181, 298, 250], *ejective* [McMahon, 2002, p. 25; Roach, 2002, p. 23; Кодзасов, Кривнова, 2001, с. 49], *laminal*, *spreading* [Crystal, 2003, p. 254, 429].

3. Примеры терминов акустической фонетики: *outward acoustic effect* [Трахтеров, 1962, с. 203], *quantal theory* [Crystal, 2003, p. 383; Кодзасов, Кривнова, 2001, с. 141; Stevens, 1972, p. 12], *resonate*, *voicing* [Crystal, 2003, p. 397, 496], *volume velocity*, *vocal effort* [Кодзасов, Кривнова, 2001, с. 105, 107].

4. Примеры терминов перцептивной фонетики: *boundary markers* [Трахтеров, 1962, с. 35], *motor theory of speech perception* [Roach, 2002, p. 51], *perceptual syllable* [Хэмп, 1964, с. 197], *speech perception* [Crystal, 2003, p. 428].

5. Примеры терминов типологической фонетики: *advanced tongue root*, *voice-onset time* [Crystal, 2003, с. 403, 495; Кодзасов, Кривнова, 2001, с. 427, 440], *constricted pharynx* [Lindau, 1975; Кодзасов, Кривнова, 2001,

с. 427], *fortis, lenis* [Трахтеров, 1962, с. 92, 149; Кодзасов, Кривнова, 2001, с. 440], *retroflexion* [Трахтеров, 1962, с. 245].

6. Примеры терминов исторической фонетики: *devoicing, dynamic stress, fronting, gemination, palatal mutation* [Расторгуева, 2007, с. 86, 75, 76, 87, 80; Трахтеров, 1962, с. 62, 72, 95, 99, 204].

7. Примеры терминов прикладной фонетики: *connected speech* [Трахтеров, 1962, с. 51], *natural language processing* [Кодзасов, Кривнова, 2001, с. 521], *speech recognition* [Atal, 1995; Crystal, 2003, p. 428; Кодзасов, Кривнова, 2001, с. 543], *speech synthesis* [Crystal, 2003, p. 428-429].

Сравнительный анализ результатов систематизации фонетической терминологии

Установление системных отношений между терминологическими единицами является одним из важнейших этапов исследования любой отраслевой терминологии, поскольку данные отношения помогают выявить особенности и принципы ее внутренней организации.

Термин – это «особый тип слова», который не только соотносится с понятиями определенной организованной отрасли знания, но и вступает в системные отношения с другими подобными единицами языка, образуя вместе с ними особую систему – терминологию. По определению О.С. Ахмановой, «терминология конкретной научной области – это не просто совокупность (список) терминов, а семиологическая система, то есть выражение определенной системы понятий, в свою очередь отражающей определенное научное мировоззрение» [Ахманова, 1990, с. 509].

Очевидно, что принцип системности является одним из основных принципов организации терминологической лексики. В нашем понимании терминологическая система является сложным целым, состоящим из обозначений научных и профессиональных понятий одной определенной области знания, организуемых в единое целое благодаря совокупности отношений и зависимостей.

Сравнительный анализ результатов систематизации фонетической терминологии на базе логико-семантического и формального критериев показывает, что для структурной организации английской фонетической терминологии как системного целого свойственно наличие системных комплексов, содержащих разные по объему совокупности терминов. Это наглядно демонстрирует диаграмма 3. В ней каждой микротерминосистеме присвоен свой числовой индекс в соответствии с ее порядковым номером в классификации на базе семантического критерия (см. выше).

Сравнительный анализ результатов систематизации фонетической терминологии на базе применяемых критериев свидетельствует о следующем.

1. Между микротерминосистемами не существует четко очерченных границ. Элементы одной микротерминосистемы (отдельные термины или терминологические ряды) могут являться частью другой микротерминосистемы.

2. Каждый раздел (отрасль) фонетики обслуживается несколькими микротерминосистемами. При этом между разделами фонетики также отсутствуют отчетливо выраженные границы, поскольку та или иная микротерминосистема может участвовать в формировании терминологического пространства сразу нескольких разделов фонетики.

3. Терминологический массив каждого раздела фонетики включает как базовые (основные) микротерминосистемы, так и микротерминосистемы, отражающие узкую (надстроечную) специфику раздела (диаграмма 3).

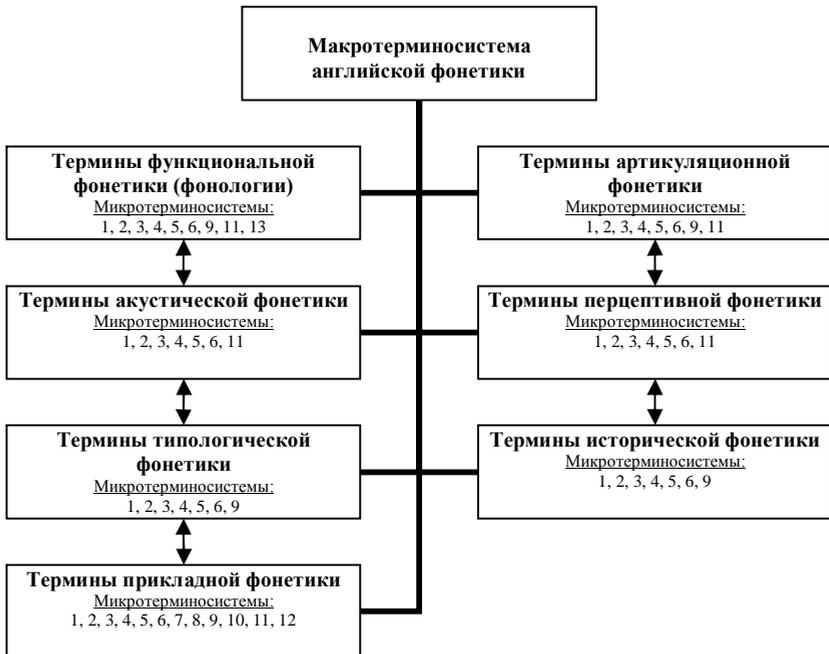

Диаграмма 3

Таким образом, система терминов английской фонетики предстает перед нами как сложное структурное образование, в котором отдельные совокупности терминологических единиц (микротерминосистемы) выступают в роли самостоятельных целостных единств, соотносящихся с фонетической макротерминосистемой по принципу «часть – целое». Каждый элемент (термин) вне зависимости от того, к какому разделу фонетики он относится и к какой микротерминосистеме принадлежит, пребывает в устойчивых связях и отношениях с другими элементами и совокупностями элементов, формирующими макротерминосистему английской фонетики. Отношения между терминологическими элементами внутри макротерминосистемы носят как синтагматический (в рамках отдельных терминологических рядов или микротерминосистем), так и парадигматический характер (в рамках взаимодействия терминов и совокупностей терминов, относящихся к различным терминологическим рядам и микротерминосистемам).

На основе сопоставления результатов систематизации на базе двух указанных выше критериев были выявлены микротерминосистемы, образующие *ядро*, *центр* и *периферию* английской фонетической терминологии. Результаты этого вида анализа представлены на диаграмме 4.

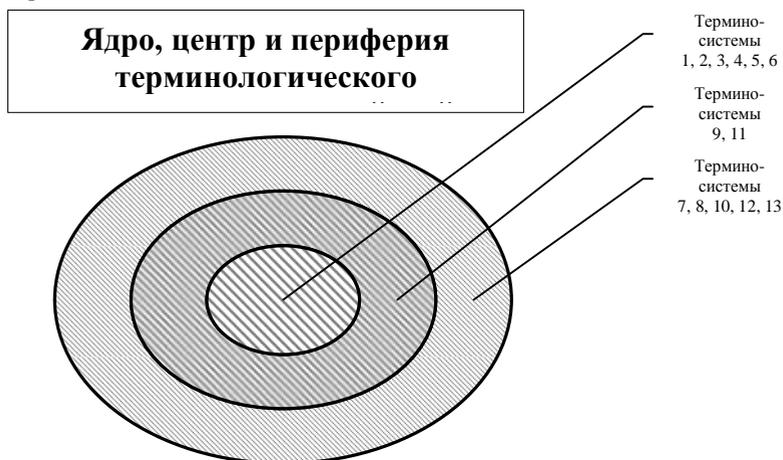

Диаграмма 4

Итак, в ядре английской фонетической терминологии представлены микротерминосистемы обслуживающие максимальное количество отраслей фонетики. К ядру английской фонетической терминологии относятся следующие микротерминосистемы: *общенаучная терминология, общелингвистическая терминология, терминология графики и орфографии, терминология фонетического членения речи (сегментный уровень), терминология фонетических модификаторов (супрасегментный уровень), терминология фонетических процессов и явлений.* Центр английской фонетической терминологии формируют менее частотные микротерминосистемы – *терминология законов, правил и норм, терминология смежных научных отраслей.*

И, наконец, на периферии английской фонетической терминологии расположены еще менее частотные, специфические микротерминосистемы, к которым относятся: *терминология фоностилистики и фонетической риторики, терминология типов и форм речи, терминология версификации и стихосложения, терминология методики обучения произношению, терминология отделов науки (научных отраслей).*

Литература

- Ахманова О.С. Терминология лингвистическая // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Кодзасов С.В., Кривнова О.Ф. Общая фонетика. М., 2001.
- Расторгуева Т.А. История английского языка. М., 2007.
- Трахтеров А.Л. Английская фонетическая терминология. М., 1962.
- Хэмп Э. Словарь американской лингвистической терминологии. М., 1964.
- Atal B. Speech Recognition by Machines // Proc. of the XIII Int. Congress of Phonetic sciences. Stockholm, 1995.
- Crystal D. A Dictionary of Linguistics and Phonetics. Oxford, 2003.
- Edgerton F. Sievers' Law and IE. weak grade vocalism // Language. 1932. № 10.
- Fortson B.W. Indo-European Language and Culture. Oxford, 2004.
- Lindau M. Features for vowels // UCLA WPP. 1975. № 30.
- Markey T.L. Germanic dialect grouping and the position of Ingv? onic. Innsbruck, 1976.
- McMahon A. An Introduction to English Phonology. Edinburg, 2002.
- Roach P. A little encyclopaedia of phonetics. Reading, 2002.
- Smith H.L. Jr. The Verscharfung in Germanic // Language. 1941. № 17.
- Smith L.C. Holtzmann's law: getting to the hart of the Germanic verscharfung. Calgary. University of Calgary, 1997.
- Stevens K.N. The quantal nature of speech: evidence from articulatory-acoustic data // Human communication : a unified view. N.Y., 1972.
- Voyles J.B. Early Germanic Grammar. San Diego, 1992.

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ВРЕМЕНИ В НЕМЕЦКОЙ И РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Т.С. Медведева

Ключевые слова: время, концепт, универсальные признаки, этноспецифические признаки.

Keywords: time, concept, universal features, ethno specific features.

Время является феноменом, изучению которого посвящены многочисленные труды ученых, представляющих разные отрасли научного знания – от эпохи античности и до наших дней. По меткому замечанию А.Д. Шмелева, «изложение различных философских и мифопоэтических концепций времени могло бы занять много томов» [Шмелев, 2002, с. 316]. Обзоры концепций времени, разработанных на протяжении веков в рамках естественных и гуманитарных наук, содержатся в ряде современных работ (см., например: [Яковлева, 1994; Сергиева, 2009; Чугунова, 2009] и др.).

Время в русской языковой картине мира являлось предметом размышлений в фундаментальных трудах исследователей русской ментальности В.В. Колесова, Д.С. Лихачева, А.Д. Шмелева, Ю.С. Степанова. В рамках современной антропоцентрической парадигмы время изучается в качестве концепта, о чем свидетельствуют работы последнего десятилетия. Наибольшее количество исследований базируется главным образом на материале русского языка, либо концепт «время» изучается в сопоставительном аспекте [Мамонова, 2006; Пименова, 2010; Чугунова, 2009 и др.], ряд работ выполнен на материале немецкого языка [Баруздина, 2009; Точилина, 2005; Щербина, 2006]. Данным работам мы уделяем особое внимание, поскольку целью нашего исследования является изучение своеобразия концептуализации времени в немецкой культуре на фоне русской.

В работе С.А. Баруздиной, имеющей диахронический характер, внимание сосредоточено на анализе метафорических моделей времени в немецкой лингвокультуре в разные исторические эпохи [Баруздина, 2009]. В диссертационном исследовании Ю.Н. Точиловой выявлены основные признаки концепта «Zeit», каковыми являются антропоморфные, пространственные, витальные и предметные признаки, к менее частотным автор относит имущественные и ценностные признаки, а также вещественные признаки и признаки стихий

[Точилина, 2005]. По нашему мнению, данные исследования дают глубокое представление о закономерностях формирования и многообразии концептуальных метафор, выражаемых средствами немецкого языка, однако неполное представление о специфике концептуализации времени и значимости концепта «Zeit» в немецкой лингвокультуре.

В сопоставительном исследовании В.Е. Щербиной целью является изучение универсальных и национально-специфических черт в концепте «время» на основе анализа фразеологии немецкого и русского языков. Автор выявляет универсальную метафору: время – движение; универсальной, по мнению В.Е. Щербиной, является также и структура концепта в сопоставляемых лингвокультурах [Щербина, 2006]. Вывод об универсальности структурной организации концептов «время» и «Zeit» нам представляется спорным; в структуре концептов имеются существенные различия, что мы попытаемся показать в результате анализа, представленного в настоящей публикации.

В отличие от имеющихся работ, в нашем исследовании предпринимается комплексный сопоставительный анализ концептов «Zeit» и «время», предполагающий изучение современных лексикографических источников, фразеологии и паремиологии, культурно значимых текстов разных типов, а также проведение экспериментальных исследований языкового сознания носителей немецкого и русского языков, использование методов включенного наблюдения и опроса информантов. Основную задачу мы видим в изучении современного состояния немецкой и русской лингвокультур в аспекте концептуализации времени.

Следует, однако, отметить, что анализ этимологии имен концептов дает ценные сведения о концептуализации времени в архаичном сознании. Согласно изысканиям русистов, имя концепта в русском языке происходит от древнерусской формы *веремя*, древнее значение у этого слова было что-то близкое к «коловращению», «повторному возвращению», «вечному обороту» [Колесов, Пименова, 2011, с. 118]. Немецкое имя концепта образовано от древневерхнемецкого *zīt* «Abgeteiltes, Abschnitt» (нечто разделенное, отрезок), восходящее к индогерманскому корню со значением «teilen, zerschneiden, zerrei?en» (делить, разрезать, разрывать), следовательно, понятие времени в немецком языке исходит из идеи последовательности определенных отрезков. Таким образом, внутренняя форма имен концептов указывает на взаимосвязь с двумя моделями времени – цикличной в русском и линейной в немецком языке. Однако исследователи русской языковой

картины мира придерживаются мнения, что время в русской лингвокультуре – явление сложное, его нельзя описать с единых позиций, оно воспринимается сообразно западной (линейность) и восточной (цикличность) традициям, что заложено в особой русской ментальности [Колесов, Пименова, 2011, с. 118]. Е.С. Яковлева, анализируя семантику русских слов-синонимов *время* и *пора*, отмечает, что *время* способно описывать развитие событий «линейно», т. е. быть неповторимым, «необратимым» [Яковлева с. 149], в то время как *пора* указывает на многократность, цикличность событий, их связь с космогоническим циклом [Яковлева, 1994, с. 144–145]. Следует отметить, что в немецком языке лексема с подобным «специализированным» значением отсутствует, ср. *пора отпусков* – *Urlaubszeit*, *пора сбора урожая* – *die Zeit der Ernte*.

В связи с рассмотрением вопроса об этимологии имени немецкого концепта *Zeit* представляется важным отметить, что время в современной немецкой лингвокультуре действительно подразделяется на четко обозначенные и более детализированные по сравнению с русской лингвокультурой временные отрезки. Так, сутки (24 *Stunden*) делятся на *der Morgen* (утро), *der Vormittag* (время до обеда), *der Nachmittag* (время после обеда), *der Abend* (вечер), *die Nacht* (ночь) с четко определенными временными границами. Так как большинство промышленных предприятий Германии (а также детские сады) работают с 7.00, *der Morgen* начинается в 5–6.00 и продолжается до 10.00. Германия принадлежит к числу «ранних» стран, о чем свидетельствуют многочисленные пословицы и поговорки, которые, по данным опроса немецких информантов, активно используются в наши дни: *Morgenstunde hat Gold im Munde*, *Der fruhe Vogel fangt den Wurm*, в них содержится явно положительное отношение к людям, встающим очень рано. О том, что в немецкой культуре принято рано вставать и заниматься полезной деятельностью в утренний период, свидетельствует также отсутствие в немецком языке устойчивых выражений, аналогичных русским *ни свет, ни заря, в такую рань*, в которых просматривается негативная коннотация; в немецком языке им соответствует нейтральное выражение *fruh morgens* (рано утром). Показательным является также наличие в немецком языке слова с неодобрительной коннотацией *Morgenmuffel*, являющегося номинацией человека, не способного рано вставать и сразу приниматься за работу. С 10.00 начинается *der Vormittag*, этот период суток длится до полудня (12.00), затем следует *der Nachmittag*, продолжающийся до конца рабочего дня (17.00). В немецком языке имеется лексема *Feierabend*,

обозначающая конец рабочего дня с показательной внутренней формой, состоящей из двух слов *Feier* (праздник) и *Abend* (вечер), т. е. после конца рабочего дня начинается вечер, продолжающийся до времени ночного отдыха (от 20–21.00).

Если в русской культуре, по словам А.Д. Шмелева, концептуализация времени суток в большей степени зависит от того, что человек делает в данный период времени, то в западных культурах ситуация выглядит противоположным образом – человек по часам определяет, что ему нужно делать [Зализняк и др., 2005, с. 19]. По нашим наблюдениям, в немецкой культуре существует четкая регламентация времени работы и отдыха, распорядка дня, который напрямую зависит от времени суток. Подтверждением этому служат общественные знаки, где обозначается точное время для полуденного отдыха *Mittagsruhe* (от 13.00 до 14–15.00), а также время ночного отдыха граждан (от 20.00 до 7.00). В указанные периоды суток запрещается шуметь, например, стричь лужайки перед домом, детям – играть в шумные игры. Приведем примеры, заимствованные из специального исследования немецких общественных знаков: *Spielplatz für Kinder und Jugendliche ab 10 Jahre / Spielzeiten täglich: 08-13.00 Uhr, 14.30–20.00 Uhr / Benutzung unter Verantwortung und Haftung der Eltern!* (Игровая площадка для детей и подростков от 10 лет / Время для игр ежедневно: 08–13.00, 14.30–20.00 часов / Пользование под ответственность и поручительство родителей!). Аналогичным образом регулируется точное время для выброса отходов в контейнеры: *Einwurfszeiten von 7 bis 13 Uhr und 15 bis 20 Uhr / Kein Einwurf an Sonn- und Feiertagen* (Время выброса от 7 до 13 и от 15 до 20 часов / Никакого выброса в воскресные и праздничные дни) [Медведева, 2008, с. 136–149]. Данные примеры представляются весьма показательными для нашего исследования, так как в русской культуре такая точность и детализация при делении времени на определенные отрезки отсутствует.

Детализация при обозначении времени касается не только членения суток на периоды. По данным информантов, временной период *месяц* в немецкой культуре обозначается как *4 Wochen* (4 недели), ср.: *Она ушла в отпуск на месяц – Sie hat 4 Wochen Urlaub*, или «медовый месяц» – *Flitterwochen* (букв. блестящие недели).

В русском языке имеется большое количество устойчивых выражений со значением «период либо отрезок времени с неопределенной продолжительностью», например: *до поры до времени, в свое время, одно время, на днях, со временем, через некоторое время* и т. п. Материал немецкого языка показывает, что в нем практически

отсутствуют устойчивые выражения, содержащие сему «неопределенность». Следует, однако, отметить наличие специализированной лексемы *die Weile* – [*kurzere*] *Zeitspanne von unbestimmter Dauer*, в дефиниции которой наряду с семой «неопределенность» просматривается также сема «краткость», т. е. данная лексема является номинацией отрезка времени с незначительной продолжительностью. В отличие от русского языка, в немецком языке весьма многочисленны устойчивые аналитические конструкции с общим значением «определить точное время для чего-либо»: *die Zeit festsetzen*, *die Zeit bestimmen*, *die Zeit ausmachen*, *die Zeit vereinbaren* и т. п. В качестве синонима имени концепта *Zeit* в данных словосочетаниях выступает лексема *der Termin*: *einen Termin festsetzen*, *einen Termin vereinbaren*, *einen Termin einhalten*. Как уже отмечалось в работах, посвященных особенностям концептуализации времени в немецкой культуре [Медведева, 2005; Приходько, 2011], данное понятие обладает особой значимостью для немецкого общества. Лексема *Termin*, не имеющая точного эквивалента в русском языке, может рассматриваться в качестве имени специфического немецкого концепта, в соответствии с которым время в немецкой культуре планируется и подразделяется на определенные отрезки. Согласно словарным дефинициям, *der Termin* – *festgelegter Zeitpunkt, Tag, an dem etwas geschehen soll* (приблизительно: временная точка, точная дата, в отношении которой имеется договоренность о каком-либо событии или совместной деятельности). *Terminkalender* (приблизительно: ежедневник), где, как правило, фиксируются все *Termine* на многие месяцы вперед, является материальным воплощением идеи долгосрочного планирования любой деятельности, пунктуальности, ценности времени. По нашим наблюдениям, в него вносятся мероприятия, связанные не только с профессиональной деятельностью, но и с частной жизнью (встречи с друзьями, родственниками, дела по домашнему хозяйству, планы на свободное время). А.Н. Приходько обозначает этот феномен как «тотальная завязанность бытия на TERMIN» [Приходько, 2011, с. 85], а А.Б. Томчин полагает, что *Termin* является вторым важнейшим словом в Германии (после слова *Ordnung*), и отмечает, что наши соотечественники в шутку называют немцев терминаторами [Томчин, 2011, с. 206]. Показательным является тот факт, что в немецких ежедневниках (*Terminkalender*) недели нумеруются, и в начале года мероприятия и события планируется на месяцы вперед с опорой на номер недели; ср., например, высказывание немецкого информанта,

который в январе при планировании деловой встречи сообщил: *Ich habe Zeit in der 27. Woche* (букв. У меня есть время на 27-й неделе).

В том случае, если по каким-либо причинам не соблюдается строгое соответствие между запланированным и фактическим состоянием дел во временной последовательности, нарушается четкий ритм жизни, *deutsche Ordnung* (немецкий порядок), являющийся особенностью немецкой монохронной культуры. Долгосрочное планирование деятельности с неизбежностью влечет за собой необходимость пунктуальности, т. е. временной точности относительно соблюдения договоренностей. Словосочетание *deutsche Pünktlichkeit* (немецкая пунктуальность) является прецедентным словосочетанием, а возможность и частотность употребления прилагательного-этнонима в сочетании с именем концепта и образования своего рода прецедентных словосочетаний, как мы уже отмечали, является отличительной чертой этноспецифических концептов. При замене прилагательного-этнонима на другой этноним образуется словосочетание, содержащее внутреннее противоречие, граничащее с оксюмороном, ср.: **русская пунктуальность* [Медведева и др., 2011, с. 21].

По данным специального исследования Я.В. Зубковой, слово «пунктуальность» заимствовано из немецкого языка и используется со времен Петра I [Зубкова, 2003, с. 80]. Пунктуальность является важнейшим регулятором поведения человека, определяющим этикетные нормы поведения, регламентирующим или запрещающим действия, так или иначе связанные с точностью во времени [Там же, с. 78]. Выводы по работе являются значимыми для нашего исследования: в немецкой монохронной культуре нормы поведения, связанные с пунктуальностью, регламентированы в большей степени; полихронное отношение ко времени в русской культуре допускает меньшую степень пунктуальности; нарушения в соблюдении пунктуальности в немецкой культуре связаны с недостаточной ответственностью человека, а в русской лингвокультуре с недостаточной ответственностью человека и препятствующими обстоятельствами; нарушения пунктуальности в немецкой лингвокультуре более детально охарактеризованы. Однако спорным нам представляется вывод автора о том, что «о немецкой нации можно говорить как о более терпимой к нарушениям пунктуальности по сравнению с русской» [Зубкова, 2003, с. 151]. Думается, что данный вывод противоречит как глубоко проанализированному материалу указанной работы, так и нашему исследованию концептов «Zeit» и «время». В анализируемой работе отмечается, что количество лексем, содержащих признак временной точности, в русском языке на 44%

меньше, чем в немецком языке [Зубкова, 2003, с. 152]. Показательным является также тот факт, что в немецком языке отсутствует понятие «задерживаться», которое в русской культуре употребляется с целью преуменьшить вину опоздавшего, выразить снисходительное отношение к опозданию [Зубкова, 2003, с. 102]. В немецком языке данной лексеме соответствует *sich verspaten, zu spat kommen* (опоздать, прийти слишком поздно), таким образом, распространенная русская устойчивая фраза «Начальство не опаздывает, а задерживается» не имеет на немецком языке смысла. По данным немецких информантов и по нашим наблюдениям, в немецком культурном пространстве нарушения пунктуальности влекут за собой строгие санкции. Например, в деловой сфере опоздания связаны с финансовыми убытками; опоздание на консультацию к профессору университета – с невозможностью ее получения, так как время профессора посвящено следующему по очереди студенту; в сфере здравоохранения строго регламентирован даже период ожидания приема у врача: больной вправе пожаловаться руководству, если врач затягивает прием предыдущего пациента; само собой разумеется, что на прием нужно прибыть к точно назначенному времени – это *Termin*. По мнению А.Н. Приходько, пунктуальность для немцев – это мерило межличностных отношений, уважение одного человека к другому, взятая на себя обязанность ценить свое и чужое время [Приходько, 2011, с. 83].

В двух сопоставляемых языках *время* является ценным ресурсом, в связи с чем в русском языке время можно *иметь, терять, трать, использовать, найти, выиграть, экономить*, в немецком *die Zeit haben, verlieren, verschwenden, nutzen, finden, gewinnen, sparen*. Однако лишь в немецком языке весьма распространенным является выражение: *Das hat mir viel Zeit gekostet* (букв. это стоило мне много времени), которое свидетельствует о том, что *время* имеет стоимость, сопоставимую с денежной; имеются и устойчивые выражения с семантикой «красть, похищать время»: *die Zeit stehlen, die Zeit rauben*. По сравнению с русским словосочетанием *отнимать время* данные выражения имплицитно более ярко выраженную негативную коннотацию. Фразеологизм *dem lieben Gott die Zeit stehlen* (букв. красть время у Господа) интерпретируется в лексикографических источниках немецкого языка как «тратить время зря, лентяйничать».

Как уже отмечалось [Медведева, 2005], как в немецком, так и в русском языках *время* персонифицируется: оно может *идти, бежать, лететь, показывать, требовать, лечить, работать на кого-либо*; аналогичные образы выявлены и в немецком языке: *die Zeit flieht, rennt*,

verläuft, geht schnell vorbei, zeigt, fordert, heilt, arbeitet für jmdn. Однако лишь для русского языка характерно устойчивое словосочетание *время терпит*, в немецком, напротив, весьма частотным является антонимичное выражение *die Zeit drängt* (букв. время напирает). Показательно также, что имя концепта *Zeit* является компонентом узуального выражения [*Ach*] *du liebe Zeit!* (букв. Ах ты милое время! – возглас удивления, сожаления, приблизительно: Господи Боже мой! Бог ты мой!), что указывает на значимость изучаемого концепта для немецкой культуры.

Несмотря на то, что изучение лексикографических источников предоставляет обширные возможности для анализа языковой репрезентации концептов в том или ином языке, наиболее «свежие», современные данные о роли концепта в языковом сознании носителей определенного языка и культуры выявляются в ходе экспериментальных исследований. Как известно, методами изучения языкового сознания являются ассоциативный и рецептивный эксперименты. В результате проведенного ассоциативного эксперимента среди 50 носителей немецкого и 50 носителей русского языков было получено 185 и 107 ассоциаций соответственно. Показательно, что количество ассоциаций, данных немецкими респондентами, существенно превышает количество ассоциаций носителей русского языка. При обобщении сходных реакций нами были выявлены следующие концептуальные признаки, которые представлены ниже в порядке убывания в виде семантических групп: 1) «планирование времени»: *Planung, Tagesplan, Lebensplanung, Zeit gestalten, Zeit einteilen, Termine, Pünktlichkeit, Genauigkeit, Verabredungen, Zeitrahmen, zeitgemäß?*; 2) «недостаток времени»: *immer zu knapp (zu wenig), keine Zeit, nie genug, fehlt, Mangel, Stress*; 3) «ценность времени»: *Luxus, kostbar, Wahrung, Geschenk, Mangelware, Zeit haben ist schon*; 4) «быстротечность времени, погоня за временем»: *verrinnt, vergeht sehr schnell, vergehen, Vergänglichkeit, Hektik, Eile, Hetze, Beeilung*; 5) «свободное время и возможности его проведения»: *Freizeit, Muße, Rast, Nichtstun, Entspannung, Urlaub, Hobbys, Sport, Lesen, Gespräche führen, Gemütlichkeit*; 6) «измеримость времени»: *messbar in Einheiten, messen, Einteilung in Tage, Monate, Jahre, Tagesabschnitte, Uhr, Sanduhr, Ticken*.

По результатам ассоциативного эксперимента среди русских респондентов наиболее значительной является группа ассоциаций абстрактного характера: 1) «абстракции и философские понятия»: *вечность, бесконечность, эфемерность, вселенная, непознаваемость, сознание, пространство*. Далее следуют группы ассоциаций, объединенных на основе следующих концептуальных признаков: 2) «быстротечность»: *быстротечность, очень быстро уходит, бежит*,

летит, скорость; 3) «измеримость времени»: *час, минуты, день, часы, стрелки часов, циферблат, песочные часы*. Ассоциации, которые в немецком материале являются частотными, в русском материале являются единичными: *ценное, ценный ресурс, деньги, его безумно мало, всегда не хватает, все успеть*. Показательными представляются образные ассоциации носителей русской культуры: *вода, поток, кукушка, птица, Плутон*.

Сопоставительный анализ ассоциаций показывает, что обнаруживаются отдельные сходства, связанные с общечеловеческим представлением о времени (ассоциации с признаками «быстротечность», «измеримость» времени). Однако ассоциативный ряд, представленный носителями немецкой культуры, отличается высокой степенью конкретизации способов использования времени и повышенной значимостью распределения, планирования времени; весьма частотны ассоциации с признаком «ценность времени».

В результате рецептивного эксперимента информанты дали субъективные дефиниции имен концептов. Приведенные ниже концептуальные признаки выделены в результате анализа и объединения в группы сходных дефиниций и приводятся в порядке убывающей частотности: 1) дефиниции, содержащие признак «ценность, экзистенциальная значимость»: *ein sehr kostbares Gut; etwas, was kostbar und begrenzt ist; ein wichtiges Gut; einziger wirklicher Besitz, etwas wertvolles, was man sinnvoll verbringen muss, ein wichtiges Gut, mit dem die Menschen bewusster umgehen sollten, ein Faktor, der mein Leben bestimmt, ein Begriff, der das gesamte Leben organisiert*; 2) дефиниции с признаком «измерение, деление на единицы, отрезки»: *Etwas, was in Einheiten messbar ist, Etwas, was in Stunden, Tagen, Jahren gemessen wird, Hilfsmittel zur Terminierung, Messeinheit*; 3) дефиниции, интерпретирующие время как физическую величину либо научное понятие: *physikalische Größe, vierte Dimension in der Physik, etwas, was dem Menschen ermöglicht, die Welt in fassbaren Kategorien zu begreifen*.

В результате анализа дефиниций русских респондентов нами были выявлены следующие группы, также приводимые в порядке убывающей частотности сходных признаков: 1) определения, содержащие признак измерения: *измеритель жизни и бесконечности; счетчик, которым измеряется жизнь; отрезок, промежуток, измеряемый секундами, минутами; универсальный измеритель всех процессов*; 2) «философские» определения, содержащие признаки движения, развития вселенной: *не останавливающееся течение, внутри которого происходит жизнь; течение жизни во вселенной; развитие в движении; постоянное*

движение в мире; то, что объединяет вечность и бесконечность; движение космического масштаба; четвертое измерение; 3) определения, содержащие признаки ценности и недостаточности: то, что мы не видим и до определенного момента не ценим; один из самых ценных человеческих ресурсов, который часто трапят впустую; незаметная вещь, которая лучше чтобы была, чем не было, ценный ресурс, которого постоянно не хватает. Как можно заметить, определения времени немецкими и русскими респондентами позволяют выявить сходные концептуальные признаки; различия наблюдаются в отношении приоритетности тех или иных признаков.

С целью получения актуальных данных об активно употребляемых носителями немецкого и русского языков пословицах, поговорках и фразеологизмах респондентам было предложено назвать устойчивые выражения, связанные с изучаемыми концептами. В результате было получено 160 реакций немецких и 76 реакций русских респондентов. Приведем наиболее частотные устойчивые выражения, многократно повторяющиеся в анкетах, в порядке убывания частотности: *Zeit ist Geld; time is money; kommt Zeit, kommt Rat; Zeit heilt alle Wunden; sich die Zeit nehmen; alles zu seiner Zeit; jemandem die Zeit stehlen, rauben; Morgenstunde hat Gold im Munde; keine Zeit!* Следует отметить большое разнообразие приведенных немецкими респондентами единичных устойчивых выражений, в которых отражается отношение немецкого народа к пунктуальности (*5 Minuten vor der Zeit ist die deutsche Punctlichkeit, Punctlichkeit ist die Hoflichkeit der Konige*), рациональному использованию времени (*Zeit nutzen, die Zeit einteilen, dafur ist die Zeit zu schade*), нерациональности спешки (*Eile mit Weile; Gott gab uns die Zeit, von der Eile hat er nichts gesagt*).

Реакции русских респондентов отличаются меньшим разнообразием – в 50% реакций повторяется пословица *делу время, потехе час*, далее в порядке убывающей частотности следуют *время – деньги, время лечит, всему свое время, лучше поздно, чем никогда*. Среди индивидуальных реакций следует отметить противоположные установки в отношении времени: *время не ждет, время не дремлет* и *время терпит, вагон времени*.

Как представляется, значительное преобладание в количественном отношении и разнообразие немецких устойчивых выражений, объективирующих концепт *Zeit*, приведенных респондентами, является еще одним свидетельством о значимости концепта для немецкой лингвокультуры.

В целом итоги нашего исследования позволяют заключить, что, наряду с наличием универсальных признаков в структуре концептов «Zeit» и «время», наблюдаются значительные различия, обусловленные своеобразием сопоставляемых культур. Универсальным является понимание времени как ценного ресурса, которым можно распоряжаться, измеримого в определенных единицах, а также восприятие времени как движения. В сопоставляемых лингвокультурах время персонифицируется и приобретает антропоморфные признаки. Однако языковые факты позволяют сделать вывод о том, что время представляет особую ценность в немецкой культуре, а в структуре концепта выделяются концептуальные признаки *Planmäßigkeit* (планомерность) и *Genauigkeit* (точность), не являющиеся значимыми признаками соответствующего концепта в русской концептосфере. По нашему предположению, значимость концепта «Zeit» связана с доминирующей ролью базового немецкого концепта «Ordnung» в немецкой концептосфере. По данным специального исследования данного концепта [Опарин, 2010, с. 81], синонимами имени концепта *Ordnung*, входящими в его понятийное ядро, являются *Genauigkeit* и *Planmäßigkeit*, которые мы выделили в качестве концептуальных признаков концепта «Zeit». Таким образом, концепт «Zeit» системно связан с концептом «Ordnung». Наличие «немецкого порядка» предопределяет «немецкую точность», «немецкую пунктуальность», а также значимость планирования времени и его большую ценность. Таким образом, в зависимости от доминирующей роли тех или иных концептов в концептосферах отдельных национально-культурных общностей различается и концептуализация таких универсальных концептов, как время.

Литература

- Баруздина С.А. Лингвокультурный концепт «Время» в метафорических репрезентациях (на материале немецкого языка): дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2009.
- Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М., 2005.
- Зубкова Я.В. Концепт «пунктуальность» в немецкой и русской лингвокультурах: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2003.
- Колесов В.В., Пименова М.В. Языковые основы русской ментальности. Кемерово, 2011.
- Мамонова Ю.А. Имя *время* и *cas* в аспекте теории концепта (на материале русского и чешского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2006.
- Медведева Д.И. Языковая репрезентация концепта «запрет» в общественных знаках: дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2008.

Медведева Т.С. Опыт лингвокультурологического анализа концептов «время» и «Zeit» // Материалы VII научно-практической конференции. Ижевск, 2005. Ч. 1.

Медведева Т.С., Опарин М.В., Медведева Д.И. Ключевые концепты немецкой лингвокультуры. Ижевск, 2011.

Опарин М.В. Языковая репрезентация базового этноспецифического концепта: синхронно-диахронный аспект: дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2010.

Пименова М.В. Специфика вербализации концепта *время* в русской языковой картине мира // Актуальные проблемы лингводидактики и лингвистики: сущность, концепции, перспективы. Волгоград, 2010. Т. 2.

Приходько А.Н. Регулятивно-валоративный концепт PUNKTLICHKEIT в немецкой лингвокультуре // Когнитивная лингвистика: новые парадигмы и новые решения. М., 2011.

Сергиева Н.С. Пространство и время жизненного пути в русском языковом сознании. СПб, 2009.

Томчин А.Б. Наблюдая за немцами. Скрытые правила поведения. М., 2011.

Точилина Ю.Н. Концепт Zeit в немецкой языковой картине мира: дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2005.

Чугунова С.А. Концептуализация времени в разных культурах: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Тверь, 2009.

Щербина В.Е. Концепт «время» во фразеологии немецкого и русского языков: дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2006.

Яковлева Е.С. Фрагменты языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М., 1994.

ИНФИНИТИВ В ОСТРОВНЫХ НЕМЕЦКИХ ДИАЛЕКТАХ¹

Л.И. Москалюк

Ключевые слова: островные немецкие диалекты, инфинитив, инфинитивные конструкции.

Keywords: insular German dialects, infinitive, infinitive constructions.

Важную роль в жизни российских немцев играет язык, который их предки привезли с собой при переселении в Россию и который они сохраняют уже более 200 лет в иноязычном окружении. Это относится и к регионам компактного проживания российских немцев в Алтайском крае. Несмотря на длительные и с течением времени все более интенсивные контакты с русскоязычным населением особое значение в

¹ Работа выполнена при поддержке Минобрнауки в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ, проект № 6.4280.2011

немецких селах придавалось сохранению родного языка, различных немецких диалектов, владение которыми и до настоящего времени продолжает оставаться одним из основных признаков идентификации немецкого этноса в России.

Немецкие острова в Алтайском крае представляют собой относительно стабильные в этническом отношении старые дочерние колонии, которые были основаны в конце XIX – начале XX века переселенцами из Южной Украины и Поволжья и в которых до настоящего времени проживают потомки их основателей. В этих селах представлены многочисленные, значительно отличающиеся в языковом отношении немецкоязычные коллективы, одним из средств коммуникации для которых служат ниже- и верхненемецкие диалекты. На верхненемецких диалектах говорят жители следующих сел: Подсосново (P), Камыши (Km), Красноармейское (Kr) и жители бывших сел Константиновка (K), Отрадное (O), Колчановка (KI), Малышевка (M), Новенькое (N), Кругленькое (Kg), Малинское (MI), Желтенькое (Z), Самсоновка (S) Немецкого национального района, сел Ямбург (J), Граничное (G), Камышенка (Ks), Канна (Kn), Бославино (B), Удальное (U), Забавное (Sb), Елизаветград (E) Табунского района, Тельманский (T) Благовещенского района, Цветополь (Zv) Бурлинского района.

К нижненемецкому диалекту относятся говоры сел: Гальбштадт (H), Орлово (Or), Гришковка (Gr), Полевое (Pl), Протасово (Pr), Лесное (L), Дворское (D), Александровка (A), Дегтярка (Dr), Кусак (Ku), Редкая Дубрава (RD), Шумановка (Sch) Немецкого национального района, Сереброполь (Se), Хорошее (Ch), Саратовка (Sa), Николаевка (Nk) Табунского района, Ананьевка (A) и Екатериновка (Ek) Кулундинского района, Боронск (Bo), Глядень /1-3/ (Gl), Долинка (DI), Татьянаовка (T) Баговещенского района и Черновка (Tsch) Бурлинского района.

Анализ диалектного материала, диалектных текстов, а также лингвистических анкет, в том числе переводов на диалект 42 предложений анкеты Г. Венкера [Жирмунский, 1956, с. 75], показывает, что за время существования в России немецкие диалекты приобрели новые черты, которые существенно отличают их сегодня от базовых «внутринемецких» диалектов, сохраняя вместе с тем с ними много общего [Москалюк, 2002]. Особенности употребления инфинитива являются одним из отличительных признаков островных немецких диалектов, они показывают яркую картину диалектного синтаксического варьирования.

В германских языках параллельно развивались две формы инфинитива, неизменяемый инфинитив, исконно возникший из формы

винительного падежа, и инфинитив в форме датива, выступающий в сопровождении предлога (частицы) «zu», выражающего значение цели. В готском эта частица выражалась предлогом «du», в древневерхненемецком «zi», но ее употребление не всегда было необходимым, оно зависело от внутренней структуры инфинитива и связанной с ним изменяемой формы глагола. Вероятность употребления инфинитива без «zu» больше в тех сочетаниях, где изменяемая форма глагола и инфинитив тесно связаны между собой. Эта форма инфинитива, являясь более древней формой, употреблялась на более ранних этапах развития немецкого языка чаще, чем инфинитив, сопровождаемый частицей «zu».

Участие инфинитива в образовании глагольных форм

В исследуемых диалектах инфинитив может участвовать в образовании глагольных форм – это конструкция «tun + инфинитив», аналитическая форма презенса и претерита индикатива, претерита конъюнктива, аналитическая форма императива и конструкция werden + инфинитив, выражающая будущее время.

Сочетание «tun + инфинитив»

Описывая инфинитив в немецких диалектах, необходимо упомянуть о сочетании «tun + инфинитив», выступающем в качестве простого глагольного сказуемого. Эта конструкция встречается во всех островных немецких диалектах [Москалюк, Трубавина, 2011], как и в диалектах прародины российских немцев [Elspe?, 2005, с. 254–267].

В анкете Г. Венкера глагол «tun» употребляется в указанной конструкции с инфинитивом, выражая условное наклонение в предложении № 18 *Hattest du ihn gekannt, dann ware es anders gekommen und es tate besser um ihn stehen*. Конструкция «tun + инфинитив», заменяющая в предложении № 18 синтетический претерит конъюнктива, повторяется в ряде переводов:

dot doid veel bita om dem stune (Gl)
un tes tat beser um ihn stehe (Z)
un tes tet pesa fa en saie (Kr Ml N O Zv)
un tann tat es beser um ihn stehn (S)
un tes tet pesa um i stene (J)

В большом числе случаев предложенная форма заменяется синонимичной формой глагола «sein» в претерите конъюнктива:

en dot we olles beta medem (Gr),
un tem wea fil pesa stehe (Sb),
un fa en w'eas oa pesa (Kn E),
un tem war aach pesr kween (Km Mr).

Обе формы выражения конъюнктива используются во всех говорах параллельно.

Во всех рассматриваемых верхненемецких диалектах Алтая сохранились только претеритальные формы конъюнктива. Флективную форму претерита сослагательного наклонения сохранили только вспомогательные глаголы *haben*, *sein*, *tun*, претерито-презентные глаголы и глагол *brauchen* как наиболее устойчивые фонетически и употребительные. В средненемецких говорах встречаются формы претерита конъюнктива полнозначных глаголов *kommen*, *gehen*, *geben*, *brauchen*, но последние практически вытеснены аналитическими формами. Для обозначения ирреального действия в настоящем и будущем всех остальных глаголов в говорах употребляется аналитическая конструкция с глаголом «*tun*» в претерите конъюнктива и инфинитивом основного глагола. Например:

Mama, wann ihr nix dageje hatt, tat ich hairate (Kn).

Wannschte a klaa pi?l tenke tast, warschte schun langschd selwa dhinnekkumme (J).

Аналитическая конструкция заняла место синтетических форм конъюнктива, утраченных в верхненемецких говорах, и приобрела все основные признаки данной категории.

В нижненемецких говорах формы претерита индикатива и конъюнктива совпали. Нереальное действие, относящееся к настоящему и будущему, передается формами претерита, общими для индикатива и конъюнктива, и конструкцией *doune* «*tun*» в претерите и инфинитивом основного глагола. Так же, как и в верхненемецких диалектах, происходит вытеснение синтетической формы претерита конъюнктива аналитической конструкцией.

Несмотря на преобладание других вариантов перевода в предложении Г. Венкера № 18, информанты широко используют сочетание с «*tun*» в других случаях при переводе предложений № 1, 3, 14, 38, 39. Например, оно может выражать настоящее время, внося в ряде случаев видовые оттенки, выдвигая на передний план процесс деятельности, а не ее содержание:

а) длительность, постоянство действия: (1) *Te Winder tue ti trukle Plader in ti Luft rom flijje (Kn)*, *Im Winter fliegen die trockenen Blatter in der Luft herum*'

б) начало действия: (3) *dot de Malt' hostja koke doid (Gl)* *dot de Malt' hostja koke deid (Tsch)* *tas ti Milich scherwer koghe tut (Gr P)* *schtot tas t Milich scherfa koche tut (Sb)*, *...dass die Milch bald anzukochen fangt*'

с) завершенность, предельность: (14) *de dole Jans done di doat bite (H). oda tue tich ti peze Kens paise pis zum Tod (Sh) ,...die bosen Ganse bei?en dich tot'*

д) сиюминутность действия, деятельность в настоящий момент: (38) *De Liid sene ole bute ope Staap en doi doine hawe (Gl Tsch) en done hewe(Gr). en done haue (O) un tu mahe (Gr) en done haue (RD) un tune hoaghe (Ml) ,Die Leute sind heute alle drau?en auf dem Felde und mahen'.*

Замена флективного глагола сочетанием с «*tun*» встречается при переводе предложений Г. Венкера в нижненемецких и в средненемецких островных говорах. Но анализ текстов показывает, что это явление также распространено и в южнонемецких говорах. Эта конструкция часто используется в речи российских немцев и зафиксирована в диалектных текстах:

Schawe tut die Olga Vosпитatel' in Detsadik (P)'Schaffen tut die Olga воспитатель in детсадик'

Di tut lawe in di zehnt Klass (P) ,Die tut laufen in die 10.Klasse'

Tue sich mit Kede pinne un tue se ti Lait mit Zwiewel fidere (P)'Tun sie sich mit Ketten binden und tun sie die Leute mit Zwiebeln futtern'

No tut se ehn eloi eisp'are (Kr) ,Na tut sie ihn allein einsperren'

Warom tut t Irma net riwa ziehe?(Kr) ,Warum tut die Irma nicht ruber ziehen?'

Таким образом, для выражения действия в настоящем времени в исследуемых говорах, как и во многих немецких диалектах, но в отличие от литературного немецкого языка, употребляется настоящее перифрастическое, которое является аналитической конструкцией, состоящей из вспомогательного глагола «*tun*» в презенсе и инфинитива полнозначного глагола.

Перифразы с глаголом «*tun*» + инфинитив для выражения настоящего времени можно включить в расширенную диалектную парадигму, так как они в значительной степени дублируют флективные глаголы. В этих перифразах значимый элемент представляет собой неизменяемую форму глагола, а десемантизированный компонент, выполняющий служебную функцию, имеет флексию. Расширению использования подобных аналитических конструкций способствует заимствование в островные говоры лексики из русского языка. Русские глаголы заимствуются в форме инфинитива и в сочетании с глаголом *tun* получают все необходимые глагольные характеристики. Например: *tea tut hulae ,er geht spazieren'*.

Конкуренция синтетических и аналитических форм глагола явление довольно широко распространенное во многих языках

[Фалилеев, 1990, с. 256–263]. Но в данном случае форму настоящего перифрастического нельзя рассматривать как полный синоним синтетической формы презенса, так как она не обладает всем набором маркеров последней и по сравнению с синтетической формой слабее функционально нагружена.

В нижненемецких говорах «*tun*+инфинитив» используется не только для выражения настоящего времени, но и как аналитическая форма претерита:

Sou doid wi ollet selst nahe (O) 'So taten wir alles selbst nahen'

Во всех верхне- и нижненемецких говорах представлена аналитическая форма императива – изменяемая форма глагола «*tun*» и инфинитив основного глагола:

Tu singe (Km) 'Tue singen';

Tu mool em Peta was vazahla (E) ,Tue mal dem Peter was erzahlen';

Dou obeide (Pr) ,Tut arbeiten'.

В исследуемых диалектах футуральная конструкция «*Modalverb*+инфинитив» не получила развития, хотя эта конструкция может иметь во всех российско-немецких диалектах не только модальное, но и футуральное значение с оттенком внешней необходимости или с ослабленным значением внутреннего побуждения. Конструкция «*wollen*+инфинитив» дольше, чем все другие конструкции «*Modalverb*+инфинитив» использовалась в немецком языке для передачи будущего времени. До середины XVII века эта конструкция сохранилась в качестве конкурирующей формы, передавая значение следования действия моменту речи. Исследователи отмечают, что еще до конца XVII века она встречается в этом значении в эльзасском, швабском, гессенском и других диалектных ареалах [Bogner, 1996, с. 93].

Анализ предложений Г. Венкера показывает, что в островных немецких диалектах эта конструкция может использоваться как футуральная конструкция, синонимичная конструкции «*werden*+инфинитив». Ряд информантов заменили конструкцию «*wollen*+инфинитив» в предложении № 10: *Ich will es auch nicht mehr wieder tun!* на форму футурума (*werden*+инфинитив) или назвали оба варианта. В качестве синонимичных конструкций они встречаются в поволжских говорах, ориентированных на средненемецкий диалектный ареал, а также в украинских говорах, ориентированных на южнонемецкий диалектный ареал: *will...nimma mache (tue), w'ar... nimmi tue.*

Сочетание «*wollen*+инфинитив» с темпоральным значением не получило в островных немецких диалектах широкого распространения,

в этом значении может употребляться сочетание «werden+инфинитив», выражая модальный оттенок будущего сомнительного, предполагаемого или возможного. Но наиболее широко распространен в диалектах, как и в разговорном немецком языке, футуральный презенс, который уточняется соответствующими наречиями времени. Анализ исследуемого корпуса показывает, что в подавляющем большинстве случаев временная функция сочетаний инфинитива с «wollen» надстраивается над модальной.

Глагол brauchen+инфинитив

Без «zu» инфинитив употребляется во всех российско-немецких диалектах не только после модальных глаголов, но и после глагола «brauchen», который приближается по своему значению к модальным глаголам, образуя вместе с инфинитивом сложное глагольное сказуемое:

No, te prouche net heile (Kr) ,Nein, die brauchen nicht (zu) heilen‘

Ach, na ja, iascht het ma preiche net so viel preiche hitze (N) ,erst brauchte man nicht so viel (zu) heizen‘

Pruchte man net kehe ,brauchte man nicht gehen‘

Um Bileder prishe sich unse Kest koon Koppwei meje, ti kawe mer (P) ,Um Fahrkarten brauchten sich unsere Gaste keinen Kopfweh (zu)machen, die kaufen wir‘

Proach ich oa net arp‘aita (K) ,Brauch ich auch nicht (zu) arbeiten‘

Tes Keld tes procha mia kroat zu Koal‘a, zu t‘ Kot‘el‘naja hitza (N) ,Das Geld das brauchen wir gerade fur Kohle, zum котельная hitzen‘

Фазовые глаголы +инфинитив

Фазовые глаголы вплоть до средневерхненемецкого периода употреблялись в сочетании с инфинитивом без «zu» [Behaghel, 1924, s. 311; Paul, 1954, s. 100–111]. Как пишет В.М. Жирмунский, «предлог «zu», утративший свое первоначальное значение, становится формальным признаком глагольного инфинитива и в этом значении распространяется и на такие случаи, где исходное целевое значение совершенно отсутствует» [Жирмунский, 1948, с. 240]. При употреблении инфинитива с фазовыми глаголами в немецких диалектах параллельно существуют обе формы, инфинитив с «zu» и инфинитив без «zu». В островных российско-немецких диалектах после фазового глагола в анкете Г. Венкера (предложение № 3 *Tu Kohlen in den Ofen, dass die Milch bald an zu kochen fangt*) все информанты употребляют инфинитив с «zu». В качестве фазового глагола, обозначающего начало действия, в островных немецких диалектах используется только глагол «anfängen», реализующийся в диалектных вариантах:

dot de Malt‘ bould (schwenda) onfangt te koke(Or)

dot de Malt' bal' fangt on te kouke (H)

dot de Malt' bal' te koke ofange sol (Ku)

dot de Malt' bold te koke onfangt (Pl)

tas ti Milich scherwer(kreller) onfongt (anfangt) zu koche (Gr Km)

tas ti Milich triller an zu koche fangt (Z Ks)

tas t Milich pal(ehna) oofangt zu kocha / scharfa zu kocha anfangt (K KrTN)

tas ti Milch pal (scherwer)on zu koche fongt /koghe tut (P)

Использование этой конструкции подтверждает и анализ ниже- и средне немецких диалектных текстов:

Doi fonge on ene Schoul te gune (O) ‚Sie fangen an in die Schule zu gehen‘

Os wi ischt onfange Jelt te t'rije en wot dann te t'oipe, dot ha wi ons dann jekopt... (O) ‚Als wir erst anfangen, Geld zu kriegen und etwas dann zu kaufen, das haben wir uns dann gekauft‘

Im siweunzwanzigste Jour hewe se ongefonge ti iaschte TOSe zu maghe (Km) ‚Im Jahre (19)27 haben sie angefangen, TOS zu machen‘

В диалектных текстах после глагола *anfangen* встречаются случаи употребления инфинитива без «zu» в островных говорах, ориентированных на южнонемецкий диалектный ареал:

Oi, Tanja, ona fangt iascht an lewe, te anre hat schon pal abklebt, kama niks mache (Kr) ‚Oi, Tanja, einer fangt erst an (zu) leben, der andere hat schon bald abgelebt, kann man nichts machen‘

No, hense anfkange so wie ausschnaide, austreksle (Kr) ‚Na, haben sie angefangen aus(zu)schneiden, aus(zu)drekseln‘

В ряде случаев вариант употребления инфинитива с частицей «zu» в предложении № 3 анкеты Г. Венкера указан вместе с альтернативными конструкциями, причем в качестве основного варианта, при переосмыслении предложения информантами. Под альтернативными конструкциями подразумевается замена употребления инфинитива с фазовым глаголом, обозначающим начало действия,

одиночным финитным глаголом:

tas t Milich flinke kocht (J),

сочетанием предлога *in* с субстантивированным инфинитивом и глаголом *kommen*:

tas t Milich palt (ehna) ins koche kommt (Zv) / zukummt (Z),

сочетанием изменяемой формы глагола *tun* и инфинитивом глагола *kochen*:

dot de Malt' hostjak koke doid (Gl) / daid (D Tsch)

tas ti Milich scherwer koghe tut (Gr)

tas ti Milich scherfa koche tut (U O)
schtot tas t Milich scherfa koche tut (Sb),
 будущим временем глагола «kochen»:
schtot tas t Milich pal kocha weat (O).

Предложение № 2 *Es hort gleich auf zu schneien, dann wird das Wetter wieder besser* с фазовым глаголом, обозначающим конец действия, также не предлагает широкий диапазон средств выражения, в российско-немецких диалектах используется глагол *aufhoren*. Как и в случае с глаголом *anfangen*, все информанты используют в анкете инфинитив с частицей «zu»:

Det hiat futs op te schnije;
S h'ert klaich uf tsu schneje.

В нескольких анкетах представлена альтернативная конструкция, выраженная сочетанием предлога «mit» с субстантивированным инфинитивом:

Tes h'eat kl'ai uf mit schnea (Kg B).

Одна анкета представляет собой распространенную конструкцию с инфинитивом глагола с «zu» и глагола обозначающего конец действия, заимствованного из русского языка:

S hat perestaje tsu schnaje (Sb).

Таким образом, согласно данным анализа анкет Г. Вернера в российско-немецких диалектах инфинитив в сочетании с фазовыми глаголами, обозначающими начало и конец действия, употребляется в нескольких вариантах, самым распространенным из которых является вариант с частицей «zu». Данная конструкция встречается во всех исследуемых диалектах. Анализ диалектных текстов показывает, что в качестве возможного варианта после глагола, обозначающего начало действие, в южнонемецких диалектах используется инфинитив без «zu».

Другой конструкцией является замена сочетания фазового глагола, обозначающего начало действия, с инфинитивом глагольным сказуемым, выраженным инфинитивом глагола с изменяемой формой глагола «tun». Наряду с фазовыми глаголами этот вариант встречается в большинстве исследуемых диалектов, а в говорах Поволжья является наиболее употребительным.

На третьем по частотности месте находится субстантивированный инфинитив с предлогом. Данный вариант встречается, в основном, в верхненемецких диалектах.

Прогрессив (am+инфинитив+sein)

Еще одной особенностью диалектов является прогрессив, то есть сочетание предлога «am» с субстантивированным инфинитивом и

финитной формой глагола *sein*, обозначающее действие в момент его совершения. Эта форма, как отмечает А. Вебер, выражающая продолжительность какого-либо действия, служит для индикации того, что какая-либо деятельность совершается в данный момент и достигает точки перехода в состояние [Weber, 1948, s. 245]. Конструкция «*am*+инфинитив+*sein*» задана Г. Венкером в предложении № 24 *Als wir gestern abend zuruckkamen, da lagen die anderen schon im Bett und waren fest am Schlafen*. Данная конструкция не распространена широко в островных немецких диалектах, но она использовалась в переводах предложения Г. Венкера на нижненемецкий диалект: *en wire foust am Schlupe (An Gl Pl)*.

В диалектных текстах она встретилась в составе фразеологического выражения *am Leben bleiben*:

Haude se sech aule jefrait daut se aula were om Lewe jebblewe (Gr), hatten sich alle gefreut, dass sie alle am Leben geblieben waren'

Помимо традиционного сочетания предлога «*am*» с инфинитивом смыслового глагола и глагола «*sein*» используется альтернативная прогрессиву конструкция с предлогом «*in*»: *ware im Schlowe (Mr), im Schlof (Kr O), em Schloop (Dr H Ku RD Tsch)*. Эта конструкция встречается во всех трех основных группах говоров. Большинство информантов отдают предпочтение другим конструкциям, наиболее частотной из них является простое глагольное сказуемое, выраженное претеритом в нижненемецких или перфектом во всех трех основных группах говоров: *schlope (Gr Dv Ch), schloipe (Jk Pr), schlupe (Pl), were enjeschlope (Ku Or), hen keschlouwe (Gr Z Ks Kn Dl), kschlofe (Kn Ml N Zv), kschlofn (Sm), sin kschlofe (Sb), hew kschlouwe (Km), woare ikschlofe (E), hon kschloufa (J)*.

Удвоение глагола с инфинитивом в начале предложения

Анализируя особенности употребления инфинитива и инфинитивных конструкций в островных российско-немецких диалектах, нельзя не упомянуть еще одно явление, характерное для немецкого языка этого региона – удвоение глаголов. Речь идет о стоящем в начале предложения инфинитиве, повторяющем тот же самый глагол в изменяемой форме.

Это явление иллюстрирует пример, взятый из текста информанта, проживающего в с. Ямбург Алтайского края, основанном переселенцами из Южной Украины, родным языком которого является севернобаварский диалект:

Singe sing i ni ma, kon i a ni ma (J).

Эквивалентом этого предложения в русском языке является: ‚Петь я больше не пою, я уже больше не могу‘ [Москалюк, 2002, с. 225]

Такая же конструкция встречается при переводе на диалект русского предложения из анкеты «Работать-то он работает, но все это никуда не годится»:

Obeide obeit he, oba dout es oules nuscht weat (Ku).

Подобный последнему пример приводит Г. Винс, описывая островной нижненемецкий говор Южной Украины, служивший средством коммуникации в меннонитском поселении на р. Молочной, полагая, что эта конструкция используется под влиянием русского языка, где она широко распространена [Wiens, 1957, s. 99].

Ю. Флайшер, исследуя конструкцию с инфинитивом в удвоении, устанавливает ее распространение на территории Пруссии, причем не только в разговорном немецком языке, но и в литературных источниках. Он отмечает, что в большинстве примеров используются модальные глаголы и глагол «tun»:

Ja kina ko ma scho, aba derfa derf ma net ,Konnen kann man schon, aber dürfen darf man nicht‘ [Fleischer, 2008, s. 250].

Изучая употребление данной конструкции, можно отметить, что основной ее функцией является усиление, вынесение действия на передний план при противопоставлении его другому действию, что подтверждают приведенные примеры. В качестве синонима для усиления действия может употребляться конструкция с «tun», эта конструкция в большей степени распространена в исследуемых островных диалектах:

Hairate tat ich awer toch (Kn)‘Heiraten tate ich aber doch‘;

Un schawe tutr wahrhaftich wie n Ocha (G)‘Und schaffen tut er wahrhaftig wie ein Ochs‘.

Таким образом, для усиления действия глагол в главном предложении может передаваться в форме инфинитива в начале предложения, при этом он тесно связан со вспомогательным глаголом в соответствующей изменяемой форме. В качестве вспомогательного глагола в этом случае часто используется глагол «tun» или глагол может быть употреблен в удвоении в начале предложения для создания эффекта усиления, сначала в форме инфинитива, а затем в изменяемой форме. Аналогичные конструкции с инфинитивом в удвоении представлены во многих других языках, некоторые из них выступают контактными языками по отношению к немецкому, в ретороманском, итальянском и других романских, балтийских и

славянских языках [Fleischer, 2008, s. 250]. Эта конструкция широко распространена и в разговорном русском языке.

Являющаяся реликтом в нижнепрусском диалекте, эта конструкция могла в качестве реликта сохраниться в нижнемецких диалектах российских немцев и при поддержке соответствующих конструкций в польском, украинском и русском языках использоваться до настоящего времени. Функционирование ее в островном севернобаварском диалекте можно объяснить только возникновением под влиянием украинского и русского языка, так как в севернобаварском диалекте на территории Германии эта конструкция не представлена.

Инфинитивные обороты

Исторически предлог «zu», сопровождавший инфинитив в дательном падеже, постепенно утратил свое первоначальное значение и перешел в разряд частиц, сохранив целевой оттенок своего значения. Как отмечает В.М.Жирмунский, «для выражения цели возникает новая расширенная форма *im – zu*» [Жирмунский, 1956, с. 266]. Эта конструкция зарождается в немецком языке в ранненововерхнемецкой период [Paul, 1955, s. 120]. Причину развития данного инфинитивного оборота Г. Пауль видит в смещении значения сочтения – первоначально непосредственный объект был зависим от предлога «*im*», а за счет инфинитива с «*zu*» к нему добавлялось еще одно определение. Это соотношение изменилось в дальнейшем таким образом, что объект стал зависеть непосредственно от инфинитива, что повлекло за собой образование тесной связи между «*im*» и «*zu*» [Paul, 1955, s. 121]. После сближения этих двух компонентов инфинитив мог употребляться без дополнительного объекта. Наряду с этой конструкцией возникают инфинитивные обороты «*ohne ... zu*» и «*für ... zu*», которые О. Бехагель датирует XVIII веком [Behaghel, 1924, s. 337]. Он объясняет их возникновение возможностью соединения в южнонемецких диалектах номинальных адвербиальных конструкций с предлогом. Новейшим образованием такого рода является оборот «*anstatt ... zu*». Из перечисленных оборотов О. Бехагель относит «*im ... zu*» к наиболее значимым, хотя его распространение в немецком языке представляет собой достаточно медленный процесс. В большинстве случаев он употребляется в том случае, если инфинитив присоединяется к полноценным понятиям, обозначает намеренное воздействие, передавая значение целевого предлога «*umbe*», от которого он и произошел [Behaghel, 1924, s. 337].

Инфинитивные обороты с «statt zu» и «ohne zu» чужды диалекту. Инфинитивный оборот с «um zu» используется в островных немецких диалектах под влиянием литературного немецкого языка. Но чаще вместо инфинитивных оборотов употребляется субстантивированный инфинитив, который присоединяет более объемные, чем в литературном немецком языке дополнения.

В анкетах Г. Венкера инфинитивный оборот с «um zu» представлен в предложении № 16 *Du bist noch nicht gross genug, um eine Flasche Wein auszutrinken, ...* Обобщая данные, полученные при анализе анкет, можно сказать, что инфинитивный оборот реализуется в островных диалектах следующими способами:

- 1) Оборотом «um zu», присущим литературному немецкому языку:
om ne Bodl Win uttedrent'e (RD H Pl);
- 2) Инфинитивом с частицей «zu»:
ne Bodl Win uttedrent'e (Gr A Dr)/ e Putel Wain/Woi zu tringe (P K);
- 3) Инфинитивом без частицы «zu»:
e Flasch Wein austrinke (Ml);
- 4) Конструкцией zum + инфинитив:
 - a) zum + дополнение с неопределенным артиклем в аккузатив + zu + инфинитив:
tem ne Bodl Win uttedrant'e Pol (Tsch);
 - b) zum + дополнение с неопределенным артиклем в аккузатив + инфинитив:
tem ne Bodl Win utdrent'e (Gl Jk)/ zum ne Flasch Wain austrinken (Sm)/Wei (E);
 - c) zum + инфинитив:
zum Wain austrinka (Zv);
 - d) zum + zu + инфинитив:
zum Wai auszutrinka (Km);
- 5) zu + дополнение с неопределенным артиклем в аккузатив + инфинитив:
tsu i Flasch Wea/Wai austrinka (K O);
- 6) zu + дополнение с неопределенным артиклем в аккузатив + zu + инфинитив:
tsu ei Flasch Wai austsutrinke (N);
- 7) zu + дополнение с определенным артиклем в аккузатив + инфинитив: *zu ti Flasch Wei trinka (E);*

- 8) альтернативными структурами, заменяющими инфинитивные обороты при переводе на диалект, выраженные придаточными предложениями с союзом *dass*:

tas tu terfst e Putel Wai austringe (Gran Km)/ tas tu kanst e Putel Wa(o)i tringe (Kn)/dot du konst ne Bodl Win drent'e (Gr RD) /utdrant'e konnst (Ch);

tas tu e Flasch Wain austrinke kanscht (Z Kr)/ tas tu e Flasch Wai trinke tarfscht (Sb)/ tas tu e Putel Wai tringe konnst (Km)/tas koste e Putel ful Wai astrinke (J).

Наиболее употребительными являются конструкции с «zum», что подтверждает и анализ текстов, менее распространена конструкция с «zu + инфинитив». Литературная конструкция «um + zu + инфинитив» известна в диалектах как второстепенный вариант, но она не является употребительной, редко встречается в речи российских немцев.

Литература

- Жирмунский В.М. Немецкая диалектология. М.-Л.,1956.
Жирмунский В.М. История немецкого языка. М.,1948.
Москалюк Л.И. Современное состояние островных немецких диалектов. Барнаул, 2002.
Москалюк Л.И., Трубавина Н.В. Лингвистический атлас немецких диалектов на Алтае. Барнаул, 2011. Ч. II.
Фалилеев А.И. Сочетания типа „глагол 'делать' + именной компонент“ в кельтских и ирландских языках // Известия ОЛЯ. 1990. Т. 49. № 3.
Behaghel O. Deutsche Syntax Eine geschichtliche Darstellung. II, Die Wortklassen und Wortformen. Heidelberg, 1924.
Bogner St. Periphrastische Futurformen im Fruhneuhochdeutschen. Wien, 1996.
Elspa? St. Sprachgeschichte von unten.Tubingen, 2005.
Fleischer J. Zur topikalisierenden Infinitivverdopplung in deutschen Dialekten: *Trinken trinkt er nich, aber rauchen raucht er* (mit einem Exkurs zum Iddischen) // Dialektgeographie der Zukunft. Stuttgart, 2008.
Paul H. Deutsche Grammatik. Bd. III. Syntax. Halle (Saale),1954.
Paul H. Deutsche Grammatik. Bd. IV. Syntax. Halle (Saale),1955.
Weber A. Zurichdeutsche Grammatik. Ein Wegweiser zur guten Mundart. Zurich, 1948.
Wiens G. Entlehnungen aus dem Russischen im Niederdeutschen der Mennoniten in Russland // Jahrbuch des Vereins fur niederdeutsche Sprachforschung 80. 1957.

**И.С. ШМЕЛЕВ И М. ГОРЬКИЙ КАК ПРОДОЛЖАТЕЛИ
ТРАДИЦИЙ : ПРИНЦИПЫ НАТУРАЛЬНОЙ ШКОЛЫ В
РАССКАЗАХ «ГРАЖДАНИН УКЛЕЙКИН»
И «СУПРУГИ ОРЛОВЫ»**

Я.О. Дзыга

Ключевые слова: Шмелев, Горький, натуральная школа, традиция, преемственность.

Keywords: Shmelev, Gorky, Natural school, tradition, succession.

На сегодняшний день явно недооценено влияние традиций натуральной школы на творчество Шмелева. Несмотря на участие писателя в сборниках книжного товарищества «Знание», его имя не упоминается в ряду продолжателей идей русского натурализма на рубеже XIX–XX веков [Катаев, 2000, с. 196]. Между тем в прозе художника 1910-х годов можно обнаружить ряд черт, восходящих к принципам натуральной школы, с поправкой на условия времени, литературного процесса и тех особенностей индивидуального творческого сознания, которые впоследствии приведут Шмелева к созданию нового художественного метода.

В контексте заданной темы уместно подчеркнуть сложность и неоднозначность воздействия упомянутой традиции, идеи и художественные принципы которой по-своему отразились в творчестве писателей XIX и XX веков. Исследователь О.А. Богданова утверждала: *«В отечественный литературный процесс школа была укоренена благодаря генетической связи с первыми русскими реалистами, от каждого из которых взяла близкое себе: от Пушкина – сам реалистический принцип, от Лермонтова – отрицание, от Гоголя – обращение к широкой русской действительности во всем ее современном неблагообразии и человеку “толпы”»* [Богданова, 1997, с. 35].

Вопрос о влиянии натуральной школы на творчество русских классиков давно привлекает внимание литературоведов [Кулешов, 1965]. Гораздо менее исследована роль школы в художественном мире писателей рубежа и начала XX века. Между тем указанную традицию успешно осваивали А.П. Чехов, И.А. Бунин, А.И. Куприн, М. Горький и др. В 1880–1890-е годы последний сам *«станет центром притяжения для нового поколения писателей реалистически-натуралистической ориентации: В. Вересаев, Н. Тимковский, Е. Чириков, В. Серошевский,*

А. Серафимович, Н. Телешов, С. Гусев-Оренбургский, С. Юшкевич». По мнению В.Б. Катаева, «чеховская “артель восьмидесятников” и «горчата-знаньевцы» – два поколения в русском натурализме рубежа веков» [Катаев, 2000, с. 196].

И хотя имя Шмелева не названо в числе продолжателей натуралистической традиции, осмелимся утверждать, что принципы натуральной школы в качественно обновленном виде нашли отражение в прозе писателя. Здесь художник во многом повторил чеховский путь. Прошедший на определенном этапе творчества свой «искус» натурализма, Чехов выделялся в писательской среде тем, что «картина русской жизни в его произведениях охвачена единым углом зрения и понимания» [Катаев, 2000, с. 196–197]. Объединяющее начало художественного мира автора «Чайки» – «“индивидуализация каждого отдельного случая” – врачебный метод, который Чехов распространяет на литературу» [Катаев, 2000, с. 197]. У Шмелева иной путь, направленный к тому, что определено исследователями как «духовный реализм»¹, воплотившийся в произведениях эмигрантского периода. Как и в случае с Чеховым, внешние признаки натуралистических описаний получают у него новое прочтение. С этой точки зрения участие автора «Человека из ресторана» в сборниках «Знание» – явление симптоматичное. По утверждению В.Б. Катаева, «“Знание” щедро предоставляло страницы своих изданий широкому потоку литературы, которая по-иному, чем прежде, но тоже соприкасалась с натуралистическим художественным типом» [Катаев, 2000, с. 230].

Сопоставим два рассказа: «Гражданин Уклекин» (1908) и «Супруги Орловы» (1897). Параллельный анализ этих произведений с точки зрения преемственного усвоения принципов натуральной школы подчинен выяснению характера новаций и степени укорененности в традиции.

Оба произведения являются продолжением излюбленной натуралистами темы «маленького человека». Герои Шмелева и Горького представляют схожие литературные типы, получившие широкое распространение в художественной практике натуральной школы. К обоим героям применимы определения «маленькие люди», «бывшие люди», «мечтатели». Исследователь В.В. Люкевич причисляет

¹ См.: Любомудров А.М. Духовный реализм в литературе русского зарубежья : Б.К. Зайцев, И.С. Шмелев. СПб., 2003.; Ветрова М.В. Проза Бориса Зайцева : наследие Серебряного века и духовный реализм : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Симферополь, 2009.

Уклейкина к сонму российских «нетерпеливцев», *«уверовавших в возможность мгновенного преобразования социально-экономического уклада жизни»* [Люкевич, 1998, с. 31], а В.В. Полонский усматривает в бунтарской неумности внутренних сил героя *«ясный привкус горьковского босячества»* [Полонский, 2007 с. 53].

В обоих случаях имена героев служат названием произведения. И у Горького, и у Шмелева речь идет об одном и том же социальном типе: Григорий Андреевич Орлов и Дмитрий Васильевич Уклеикин – сапожники, страдающие общим пороком. Безысходность и тщета «мертвой» жизни, когда все внутри «прямто и забито», повергают героев в запой, побуждая первого «душить водкой» тоску, второго – таким же образом «гасить сердце».

Поразительно похожи условия «проклятушей» жизни двух героев, начиная от изматывающей, беспросветной работы, заканчивая бездетным браком. Совпадают даже такие детали, как имена главных героинь рассказов: жену Уклейкина, как и супругу Орлова, зовут Матреной.

Художественные принципы изображения жизни «маленького человека» и у Шмелева, и у Горького вполне согласуются с литературной традицией. Оба рассказа отличаются повышенным вниманием к бытовой повседневности со всеми неприглядными подробностями низкой действительности, включая описание губительных пороков главных героев.

Горький с протокольной точностью изображает будничное течение жизни четы Орловых (*«День Орловых начинался так»* [Горький, 1969, с. 225]), акцентируя томительное однообразие безрадостного существования: *«...Один за другим тянулись бесцветные дни, как звенья невидимой цепи, отягчавшей жизнь этих людей работой, скукой и бессмысленным раздражением друг против друга»* [Горький, 1969, с. 227]. Ему вторит Шмелев: *«Сколько ни сиди на липке – одно и то же, одно и то же. <...> Сколько ни тыкай шилом, сколько ни выкраивай резаком – ничего. Петля какая-то, а не жизнь. И не видать ничего»* [Шмелев, 2008, с. 292].

Сходство распространяется и на пространственные решения в произведениях Шмелева и Горького. Полуподвальное помещение «живоглота» Ухалова, где обитает Уклеикин с женой «в квартирке за восемь рублей», словно списано с «сырой, глухой и мертвой» комнаты Орловых в подвале дома купца Петунникова: *«Жизнь билась где-то там наверху, а сюда залетали от нее только глухие, неопределенные звуки,*

падавшие вместе с пылью в яму к Орловым бесцветными хлопьями» [Горький, 1969, с. 225].

Образ ямы при этом оказывается не столько обозначением области пространства, сколько символом отчаянной безысходности положения героев. Так, двор дома Петунникова и подвал Орловых, действительно, похожи на глубокую яму, которая одновременно ассоциируется с «темной» и «тесной» жизнью горьковских героев. *«Хоть на чердак заберись, все в яме будешь...»* – с горечью констатировал Орлов. – *«Не квартира – яма... жизнь – яма»* [Горький, 1969, с. 231]. (Ср. у Шмелева: *«Вобрав впалую грудь и подняв острые плечи, с ожесточением протыкал Уклеikin мертвую кожу, протаскивал дратву, точно затягивал петлю. <...> Иногда, бросив работу, неподвижно уставлялся он на запыленное оконце, как будто видел там что-то или хотел видеть. Уйти куда из ямы этой...»* [Шмелев, 2008, с. 294]).

Типологически значимая для натуральной школы формула «среда заела» в обоих произведениях реализуется во временной антитезе («тогда и теперь»), отражающей внешнюю и внутреннюю эволюцию героев. Точкой отсчета в обоих случаях является женитьба. По признанию жены, Григорий до брака был «занятный и добрый» весельчак, но четыре года пустой, темной жизни сделали свое дело, обратив умелого мастерового в «свирепого сапожника», почти «зверя лютого». Такая же драматическая метаморфоза произошла за десять лет брака с героем Шмелева. Некогда веселый «ботинщик», знаток песен, «балагур и форсун», без труда справлявший заказчицам тонкие каблучки на французский манер, превратился в запойного сапожника Уклеикина, ничтожного и озлобленного.

Ни Шмелев, ни Горький не обошлись без традиционных описаний социальной среды, главной причины деградации героев. Но если автор «Супругов Орловых» ограничивается беглым упоминанием обитателей дома Петунникова и его окрестностей (гармониста, судебного рассыльного, маляров, портных и др.), то Шмелев создает широкую картину социальной жизни города, дающую представление о месте в общественной иерархии различных ее представителей от городского головы, следователя, адвоката, податного инспектора, профессора, купца, фельдшера, писца управы, делопроизводителя до пекаря, шорника, кузнеца, дворника и кучера.

Однако, как это было в вершинных произведениях натуральной школы, живописание среды не довлеет над образом «маленького

человека»¹. Вслед за Достоевским, Шмелев и Горький делают самосознание героев центром произведения. Постановка проблемы пробуждения личности униженных и оскорбленных сближает «Гражданина Уклейкина» с «Супругами Орловыми».

«Слабый, никудышний» герой Шмелева страдает от того, что «никто за человека не считает»: *«Недавно, совсем недавно его никто и по имени-то не называл. У хозяина в учениках жил: Митька, черт, поганец – только всего и было, не говоря о рукоприкладстве. Черт сопливый... Вишивый черт!.. Заказчики обыкновенно говорили: «Ну, ты... как тебя... Ты!..» Заказчики из начальства, как, например, пристав, не называли никак, а издавали неопределенный звук – “зм...”»* [Шмелев, 2008, с. 324]. В глазах жены он «пьяница дохлый», «шкилет», «лысый бес», «идол» и «дурак пьяный». *«Штоб только человека обиждать»* [Шмелев, 2008, с. 302], – вырывается в злую минуту у сапожника, напоминая мольбу гоголевского персонажа: *«Оставьте меня, зачем вы меня обижаете?»* [Гоголь, 1994, с. 111].

И в том, и в другом случае сознание героев меняется под влиянием чувства собственной значимости и связано с преодолением отчуждения от окружающих. *«...Приятно мне ваше беспокойство... и... что я нужный человек...»* [Горький, 1969, с. 253], – пугается в словах Орлов, взволнованный заботой доктора Ващенко. *«...Простой сапожник, а, оказывается, нужен для общего дела...»* [Шмелев, 2008, с. 349] – изумляется Уклеикин на собрании в народном доме.

Опасная работа в бараке для холерных больных так увлекла Григория Орлова, что «порой чувство личного бытия в нем совершенно исчезало...»: *«Это было своеобразное честолюбие существа, которое вдруг сознало себя человеком и, еще не уверенное в этом новом для него факте, хотело подтвердить его чем-либо для себя и других; это было честолюбие, постепенно перерождавшееся в жажду бескорыстного подвига»* [Горький, 1969, с. 257].

¹ Натурализм как ранний этап развития реализма 40-х годов XIX века нашел наиболее полное отражение в программных сборниках «Физиология Петербурга» (1845) и «Петербургский сборник» (1846). Однако уже первые выступления писателей-натуралистов продемонстрировали неоднородность нового литературного явления, объединившего имена В.Г. Белинского, Д.В. Григоровича, Е.П. Гребенки, Н.А. Некрасова, И.И. Панаева, Ф.М. Достоевского, И.С. Тургенева и др. В произведениях писателей первой величины художественные принципы натуральной школы трансформировались, становясь отправной точкой для дальнейшего творческого роста. Так, новаторство Ф.М. Достоевского заключалось в постановке проблемы личности в мире «маленьких людей».

Жалкие обитатели дна жизни, почти потерявшие собственное имя, получают мощный импульс к росту самосознания. Иллюзорные идеалы общественной справедливости, связанные с выборами в Государственную Думу, поднимали дух и будили безотчетные надежды в давно свыкшемся со своим униженным положением сапожнике, рождали в душе новое, праздничное и радостное: *«Незаметно выходили из души Уклейкина тоска и озлобление, все то, что темнило жизнь и делало ее проклятущей...»* [Шмелев, 2008, с. 303].

Показательно, что проснувшееся чувство собственного достоинства в героях Горького и Шмелева, как и в характере Макара Деушкина, уживается с «амбицией» [Богданова, 1997, с. 161]. Претензии на более высокое положение в социальной иерархии у Орлова связаны с желанием «выйти в люди», сапожник Уклеякин мечтает завести салон и открыть магазин. Но если задавленное обстоятельствами человеческое достоинство героя Шмелева берет верх над его честолюбием, тщеславие горьковского персонажа разрастается сверх всякой меры, выливаясь сначала в желание отличиться и сделать что-то героическое, потом – в стремление к превосходству и презрение к людям: *«Раздробить бы всю землю в пыль или собрать шайку товарищей! Или вообще что-нибудь этакое, чтобы стать выше всех людей и плюнуть на них с высоты...»* [Горький, 1969, с. 276].

В этом контексте одиночество и беспокойная сила Орлова могут быть поняты как знаки человеческой гордыни, наполеоновского комплекса героя. Григорий практически лишен духовных запросов. Не случайно в отчаянном недовольстве темной жизнью, раздражении и злых жалобах героя неграмотная Матрена усматривала что-то «против Бога». Она же, напротив, в самые тяжелые моменты жизни искала помощи в вере. Духовное начало, задавленное однообразием пустой жизни, сказывалось в молитвах и сочувственном отношении к людям: *«...Лицо Матрены Орловой побледнело еще более, она оборотилась в угол, стала на колени и начала молиться, усердно отбивая земные поклоны...»* [Горький, 1969, с. 275]. И хотя характер религиозности героини наглядно иллюстрирует такой выразительный факт: молебен великомученику Вонифатию, помогающему от запоя, женщина отслужила только после того, как не помогли знахарки и гадалки, история преобразования Матрены Орловой оказывается не менее значимой, чем судьба ее супруга. Следы влияния натуральной школы обнаруживаются здесь не только во внимании к проблеме женской эмансипации и критическом изображении *«тихого ужаса повседневности»* [Кулешов, 1965, с. 218], но и в социальном прочтении

указанной темы. И если в Григории даже в моменты наивысшего увлечения работой в холерном бараке угадывается потенциальный босяк, склонный к драматическому противостоянию с обществом, измученная душа Матрены обращена к людям. Наверное, не случайно верующая героиня Горького находит свой путь, тогда как сердечные «судороги» Орлова снова загоняют его в «яму»: *«Я родился с беспокойством в сердце... и судьба моя – быть босяком! <...> Противно все – города, деревни, люди, разных калибров... Тьфу! <...> Все друг на друга... так бы всех и передушил!»* [Горький, 1969, с. 277].

В отличие от озлобившегося против «духоты жизни» Орлова, сапожник Уклеikin возбуждает сочувствие не только своим социальным положением. Душевно он более отзывчив, и семейная жизнь героя складывается гораздо более драматично. И хотя в Уклеikinе время от времени тоже поднималась безотчетная *«злорада на всех и на все»* [Шмелев, 2008, с. 295] вплоть до желания *«наплевать на всех»* [Шмелев, 2008, с. 303], не это было доминантой его личности. За отталкивающей бытовой оболочкой героя можно усмотреть слабое, но все же явственно различимое духовное начало. Оно давало о себе знать во время причастия в церкви, отозвалось в сапожнике после сообщения жены о беременности и во время голосования. Духовные основания личности не давали Уклеikinу забыть о том, что и он человек, пусть «махонький» и «заблудший», но все же человек «по образу и подобию». Не случайно именно в храме герой особенно остро ощущал равенство людей перед Богом. Однако внутренняя потребность веры обращает Уклеикина не к церкви, а к иллюзорным идеалам общественной справедливости. Этот поворот сюжета – одновременно и верность исторической реальности, и дань литературной традиции, и творческая новация Шмелева. Впоследствии именно опыт веры станет основой созидательного преображения шмелевских героев, а социально-политическая проблематика уступит место духовно-нравственным вопросам.

Антитезой бытовым и бытийным «ямам» в произведениях обоих писателей служат образы неба и солнца. И в первом, и во втором случае они имеют не столько прямое, сколько символическое значение, сложно и разнопланово перекликаясь с характеристикой персонажей.

Для супругов Орловых пространство неба оказывается парадоксально ограниченным, замкнутым, как будто призванным подчеркнуть расхождение их униженного положения с естественным ходом вещей. Обитель света и воздуха, знак вечности и

беспредельности, небо в начале рассказа – не более чем синий квадрат, оттеняющий глубину «ямы», в которой живут герои: «...*На дворе темно. Над ним сияет, весь в блеске звезд, квадратный кусок синего неба, и, окруженный высокими стенами, двор кажется глубокой ямой, когда с него смотришь вверх*» [Горький, 1969, с. 224]. Подвальное помещение, в котором жили герои, было наглухо отгорожено от неба капитальной стеной соседнего дома, так что атмосфера темного, тесного и душного жилища никак не ассоциировалась с жизнью. «*Вроде как бы прежде смерти в землю похоронены...*» [Горький, 1969, с. 231] – сетовал Орлов. Солнце как явление природного мира тоже не радует Орловых. Для рассвирепевшего в схватке с женой Григория это вообще прямая помеха. Обуреваемый беспричинной, давящей злобой герой не на шутку страдает, тоска и жажда водки съедают его, но, истерзанный в драке, он стыдится идти в кабак засветло.

Солнце и небесный свод почти ничего не значат и в жизни отчаявшегося Уклейкина: «*Он даже на небо никогда не глядел. Звезды, когда-то обещавшие его просительному взору заманчивый, далекий и неизвестный мир и навевавшие примиряющую грусть, уже давно были только святящимися точками – неизвестно для чего. Даже солнце – и то только жгло пыльный переулок и сушило рваные рубахи во дворе на веревках*» [Шмелев, 2008, с. 304]. Образ стены в рассказе Шмелева имеет символическое значение, ассоциируясь с зажатой в тиски жизнью героя «без выхода»: «*А кругом стены, и нет управы, и нигде нельзя найти правды*» [Шмелев, 2008, с. 380]. Философское содержание символа подчеркнуто связью с известным мотивом Достоевского.

Все меняется с ростом самосознания героев. По мере налаживания связей с окружающим миром и обретения чувства собственного достоинства «субъективное» пространство персонажей расширяется. В бараке для холерных больных Орлов заново открыл для себя чистое небо и золотистое сияние солнца, впервые задышал «настоящим небесным воздухом». Воодушевленный надеждами, герой даже сослуживцев невольно соотносил с надземной сферой. «*Примусь я тут работать, – делился он с женой, – даже небу жарко станет, вот как! Потому есть причина у меня на это. Во-первых, люди здесь, я тебе скажу, – не существующие на земле!*» [Горький, 1969, с. 255]. Душевная отзывчивость Григория Орлова согласуется с бездонностью неба, пространственная динамика которого оттеняет внутреннюю эволюцию героя: «*Очень уж ему нравилось чаепитие в светлой, чистой комнате с окнами в безграничный простор зеленого поля и голубого неба. И еще*

что-то ему нравилось – не то жена, не то он сам» [Горький, 1969, с. 255].

Бессознательные порывы ввысь и непривычное притяжение звездного неба просыпались в Уклейкине всякий раз, когда в его «примятой» душе рождалась нежданная радость. Так было после сообщения Матрены о будущем ребенке и по дороге в монастырь, но самое сильное чувство вызвало посещение собрания в народном доме: *«И потянулось что-то в груди, какие-то стягивающие и душившие пути. Он вздохнул широко, вбирая морозный воздух. И поглядел в небо. Голубовато-светлое от месяца, с большим расплывающимся кольцом, оно темнело к краям. «Чисто день... – подумал Уклеикин. – Хорошо-о». И вздохнул»* [Шмелев, 2008, с. 344]. После выборов герой частенько поднимал глаза к небу. Весеннее, ясное и светлое, оно «будило к жизни» и «молодило», смягчая взгляд яркими солнечными лучами, хотя Уклеикин *«и солнца не разглядел как следует за свою жизнь»* [Шмелев, 2008, с. 396]. Зато в день проводов депутатов, еще недавно такое далекое и непонятное, светило вдруг стало ближе и роднее, казалось даже, что тусклая трудовая жизнь растворилась в его лучах. Самоощущение личности героя крепнет в соприкосновении с безграничностью бездонного неба и манящей красотой солнца.

Такую же «распахнутость» бытия символизируют в рассказах другие образы разомкнутого пространства. В случае с героями Горького это зеленое широкое поле, для персонажа Шмелева – лес. Так, после неприятного разговора со знакомым самоварщиком, возродившим тяжелые подозрения, касающиеся Матрены, Уклеикин почувствовал, как *«в душу ползла пустота, что делала жизнь без выхода, от которой он и хотел уйти куда-нибудь, где бы ни пути – ни дороги не было, а так... лес»* [Шмелев, 2008, с. 375]. Однако в рассказе Шмелева этому образу уготована гораздо более серьезная роль, чем аналогичному в «Супругах Орловых». По наблюдениям В.В. Полонского, дело в принципиально новом качестве окружающей героя реальности: *«То, что в прежней литературе о «маленьком человеке» рядилось почти исключительно в социальные одежды, предстает в «Гражданине Уклеикине» как символические стихии самого бытия»* [Полонский, 2007, с. 54]. Это обстоятельство не только отличает произведение Шмелева от рассказа Горького, но и предопределяет дальнейшее развитие прозы писателя-эмигранта. Неореалистические тенденции в повествовании о судьбе «маленького человека» постепенно утверждают в творчестве Шмелева чеховскую

линию – «*«бессобытийное» портретирование духовной уникальности рядового человека*» [Полонский, 2007, с. 55].

Однако многие из завоеваний натуральной школы оказались близки Шмелеву почти так же, как и Горькому. Речь идет о характере изображения уличных сцен, опирающегося на разработанную предшествующей традицией «театральность» в обрисовке пространства и поведения героев. Так, субботние «стражения» супругов Орловых служили бесплатным развлечением для окружающей «публики», а «выступления» пьяного Уклейкина на Золотой улице собирали целые толпы «поклонников»: *«Уклейкин начнет откалывать, прохватывать и печатать, начиная с головы и кончая подпаском»* [Шмелев, 2008, с. 280]. Герой и сам испытывал потребность высказываться непременно «при публике». *«А мне публику надо... пу-бли-ку!.. <...> Слово хочу сказать. Пропущай!»* [Шмелев, 2008, с. 282] – пререкался он с преграждающим дорогу полицейским. Громкие обличения сапожника, щедро сдобренные задорными стишками, вызывали живой отклик у обитателей окрестностей: *«Веселым гулом отзывается всегда сонный переулоч. Приседают, хлопают по плечу, задорят»* [Шмелев, 2008, с. 283]. В этом же ряду реакция обывателей на гудящую толпу у подъезда народного дома. Один из наблюдавших глубокомысленно заметил: *«Ишь, все киятры, все киятры играют...»*. *«Это не киятры... – со знанием дела пояснил другой. – Тут нацот... Вот выбирать-то будут...»*. *«А-а... – разочарованно протянул первый. – А то все киятры представляли...»* [Шмелев, 2008, с. 344]. Показательно, что последнее осознанное действие Уклейкина – скандал у дверей народного дома – тоже своеобразное представление, трагический финал которого разыграется уже «за сценой».

Вслед за Гоголем и его последователями Шмелев и Горький охотно пользуются зооморфными сравнениями как одним из приемов создания образа. И у первого, и у второго писателя анималистические уподобления служат не для сатирических целей, но используются в качестве средства характеристики персонажей.

На связь с животным миром указывают фамилии Орлова и Уклейкина, которые во многом «программируют» физический и душевный облик героев. Подобно птице, нервный и чуткий Григорий Орлов рвался из тисков жизни «во все четыре стороны сразу», мечтая о босяцкой доле: *«Там хоть голодно, да свободно – иди куда хочешь! Шагай по всей земле!..»* [Горький, 1969, с. 230]. Фамилия Уклейкина производна от названия многочисленного, небольшого по величине и

ничем не примечательного вида пресноводных рыб. Заданные ею мотивы незначительности, слабости и покорности героя в дальнейшем повествовании поддерживаются многочисленными зооморфными сравнениями, которые описывают не только внешность, костюм и фигуру, но и психологическое состояние героя: *«Рвался, а кругом неизвестные петли сторожили и путали, и он снова, как замученная муха, опускался в тупое созерцание тоски»* [Шмелев, 2008, с. 304]. Худой, костлявый, с впалой грудью и всегда согнутой спиной, Уклеikin внешне напоминал «высохшую воблу», тогда как порочная «слабость» героя даже в собственных глазах превращала его в свинью. Пьяную решимость настроений сапожника (*«Супротив хучь ково»* [Шмелев, 2008, с. 284]), прорывающегося на Золотую улицу, выдает манера его походки: *«Как гремучая змея хвостом, имурывает он опорками, подтягивая на ходу остатки порванных штанов»* [Шмелев, 2008, с. 281]. Но встреча с «могучей» Матреной тут же обращает его в «гниду».

Однако если анималистические тенденции в рассказе Горького связаны в основном с обнаружением аналогий между животным миром и людьми (у Сеньки Чижика глаза, как у мыши, вертится он вьюном; гармонист Кисляков ходит павлином; доктор Ващенко похож на цаплю; обитатели дома Петунникова подходят к студенту осторожно, как кошки к воробьям; в представлении отставного унтер-офицера Левченко, Орловы – ежи, а по мнению Григория, люди – змеи и т.д.), то Шмелев, помимо этого, часто прибегает к зооморфным фамилиям: наборщик Синица, профессор Окунев, депутат Куропаткин, городской Комаров.

В обоих произведениях образы животного мира часто адресуются героями их женам. В таком контексте зооморфизмы характеризуют не столько женщин, сколько Орлова с Уклеikinым. Для первого жена *«жаба»*, *«корова»*, *«хавронья»* и *«ехидна»*, очень редко – *«кошечка»*. Уклеikin в минуты душевного «умягчения» обращается к жене куда более ласково: *«курочка»*, *«канареечка»*, *«рыбочка»*.

В противовес литературной традиции природный мир у Горького и Шмелева играет значительную роль в судьбе героев. Не случайно редкий прилив душевной близости Орловы переживают сидя на краю оврага и любуясь живописным пейзажем внизу. Точно так же свет в душе Уклеикина долгое время питается впечатлениями от созерцания природы по пути из города в монастырь. Здесь герой впервые засмотрелся в небо и научился «вбирать солнце».

Устойчивый мотив личностной несостоятельности «маленьких людей» в анализируемых рассказах имеет нетрадиционное прочтение. В герое Горького *«избыток жизненных сил неожиданно принимает характер патологии...»* [Басинский, 2000, с. 516], «амбиции» берут верх над чувством достоинства, разрушая и без того слабые связи с окружающим миром. При этом характер Григория Орлова хорошо вписывается в новый тип героев-«босяков», создателем которого был Горький.

Персонаж Шмелева тоже выделяется из ряда литературных предшественников. Причина его гибели не в нем самом и даже не в убийственных обстоятельствах социальной или личной жизни. По мнению современного исследователя, *«по отношению к теме «маленького человека» Шмелеву выпала роль своеобразного завершителя целой традиции предшествующего столетия – через ее транспортирование в бытийственно-символический план, через осмысление трагедийности «человека вообще» (под образом «маленького человека», бедного мастерового) в «мире вообще» (под образом русской провинции эпохи манифеста 17 октября)»* [Полонский, 2007, с. 54].

Соглашаясь с точкой зрения В.В. Полонского, не следует забывать, что рассказ Шмелева не только предвосхищал этико-эстетические новации неореалистического письма, но был прообразом художественного видения мира с позиций православной духовности. Эта особенность прозы Шмелева получила законченное выражение в творчестве писателя эмигрантского периода, но ее основания закладывались, в том числе, и рассказом «Гражданин Уклеikin».

Таким образом, идеи и принципы натуральной школы в анализируемых произведениях органично сочетаются с чертами творческой самобытности двух авторов. Аккумулируя в рассказах вершинные достижения предшествующей литературной традиции, писатели XX века внесли много нового в прочтение узнаваемых тем и мотивов. И если первое обстоятельство сделало Горького и Шмелева временными союзниками, почти единомышленниками, то второе обнаружило концептуальное различие неповторимых писательских индивидуальностей, предопределив дальнейшее расхождение их путей в литературе.

Литература

Басинский П.В. Максим Горький // Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов). Книга 1. ИМЛИ РАН. М., 2000.

- Богданова О.А. Философские и эстетические основы «натуральной школы» // «Натуральная школа» и ее роль в становлении русского реализма. М. 1997.
- Гоголь Н.В. Шинель // Гоголь Н.В. Собр. соч. : В 9-ти тт. М., 1994. Т. 4.
- Горький М. Полн. собр. соч. худ. произв. в 25-ти тт. М., 1969. Т. 3.
- Катаев В.Б. Реализм и натурализм // Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов). Книга 1. ИМЛИ РАН. М., 2000.
- Кулешов В.И. Натуральная школа в русской литературе XIX века. М., 1965.
- Люкевич В.В. Сюжетосложение в «Гражданине Уклеякине» И.С. Шмелева // Сборник материалов международной научной конференции. Симферополь, 1999.
- Полонский В.В. О символическом подходе к изображению «маленького человека» в дореволюционном творчестве И.С. Шмелева // Сборник материалов международной научной конференции. М., 2007.
- Шмелев И.С. Гражданин Уклеякин // Шмелев И.С. Собр. соч. : В 12-ти тт. М., 2008. Т. 2.

ДИОНИСИЙСТВО И АПОЛЛОНИЗМ РУССКИХ МОДЕРНИСТОВ В РЕЦЕПЦИИ ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА

Н.Г. Арефьева

Ключевые слова: дионисийское, аполлоническое, поэтический дар, искусство, синтез, гармония.

Keywords: Dionysian, Apollonian, poetic gift, art, synthesis, harmony.

В современной эстетике аполлоническое и дионисийское – философско-эстетические понятия, характеризующие идею двух начал бытия, а также идею двух типов культуры. Культурным идеалом провозглашается равновесие двух начал. Эта идея широко разрабатывалась в культурологических и философско-эстетических статьях и научных трудах русского символиста Вячеслава Иванова, а также нашла свое отражение в его поэтических произведениях. Итак, искусство осмысливается русским поэтом как диада. Но во многих видах искусств, например, в лирике, не всегда соблюдается гармонический синтез двух начал. Одни произведения, как писал Вяч. Иванов в статье «О лирической теме», тяготеют к «*дионисийскому полюсу лирики*» [Иванов, 2007а, с. 442], другие – к аполлоническому. С этой точки зрения теоретик символизма оценивал лирику отдельных поэтов – своих современников (В. Брюсова, А. Блока, М. Кузмина и др.).

В стихотворении «Ему же» (цикл «Современники», 1904), адресованному В. Брюсову, В. Иванов, используя мифологические образы, выявляет характерные черты поэзии московского символиста:

*Твой зорек стих, как око рыси,
И сам ты - духа страж, Линкей,
Елену уследивший с выси,
Мир расточающий пред ней* [Иванов, 1971, с. 777].

По словам Вячеслав Ивановича, в поэзии В. Брюсова «*несравненно больше мира, чем я*» [Иванов, 1995, с. 289]. Следуя определению самого Иванова (стихотворение «Художник и поэт»), Вал. Брюсов, прежде всего, – художник, а затем – лирик, иначе говоря, поэт аполлонического строя.

Талант московского символиста автор стихотворения сравнивает с зоркостью рыси, обладающей острым зрением. В мифах Древней Греции герой Линкей (имя Линкей производное от древнегреческого слова, означающего «рысь») также отличался сверхъестественным зрением, его взгляд проникал сквозь землю, дерево и камень, то есть - сквозь все непрозрачные предметы.

В. Иванов подчеркивает художественный дар Брюсова, который подобно Линкею, находившему спрятанные под землей сокровища, открывал Красоту (Елену) минувших эпох в своих стихах. Открывал создатель «Urbi et orbis» не только красоту древних цивилизаций, но и своеобразную, далеко не идеальную и совершенную, красоту современного мира.

Для Иванова Брюсов был, несомненно, поэтом-демиургом, мастером форм и пластических образов:

*Твой правый стих. Твой стих победный,
Как неуклонный наш язык,
Облеся наготою медной,
Незыблем, как латинский зык* [Иванов, 1971, с. 777].

И все-таки даже у педантичного и рационального Вал. Брюсова автор стихотворения находил строчки, проникнутые дионисийским хмелем, о котором, быть может, не подозревал даже «несостоявшийся декадент»:

*Ты мьшиц восторг и вызов буйный,
Языкова прозябший хмель.
Своей отравы огнеструйной
Ты сам не разгадал досель.
Твоя тоска, твое взыванье –*

*Свист тирса, – тирсоносца ж нет...
Тебе в Иакхе целованье,
И в Дионисе мой привет* [Иванов, 1971, с. 777].

Последние строчки: «Тебе в Иакхе целованье, / И в Дионисе мой привет» – кажутся, на первый взгляд, парадоксальными. Но в мифологии за Дионисом закрепилось несколько имен, одно из них - Иакх. Иакх – одна из ипостасей Диониса, хтоническое божество, связанное только с загробным миром: «Иакх – древнегреческое «крик, вопль, оплакивание, причитание (по умершему)» [Шапошников, 2001, с. 326]. Поэтому в древности Дионис воспринимался как бог возрождения (светлая ликующая ипостась) и как бог смерти (страдающая ипостась). Впоследствии Дионис становится символом диаметрально противоположных внутренних состояний: радости и скорби.

Таким образом, в стихотворении «Ему же» выражен двойственный характер дионисийского хмеля в поэзии Брюсова: такие же контрастные чувства и настроения стремился запечатлеть в своих стихотворениях вождь русского символизма. В лирике поэта антитеза звучали полярные мотивы: мотивы одиночества, отчаяния и смерти и мотивы радостного приятия жизни.

В отличие от В. Брюсова, А. Блок, по убеждению Вячеслава Иванова, был поэтом-лириком. Отношения между этими двумя поэтами – А. Блоком и В. Ивановым – были очень сложными, как, впрочем, между всеми поэтами серебряного века. Но для Иванова А. Блок всегда оставался единомышленником как один из последователей Владимира Соловьева, об этом говорят строчки его стихотворения «Александр Блоку» (1912) в книге «Нежная тайна», посвященной автору «Снежной маски»:

*Пусть вновь – не друг, о мой любимый!
Но братом буду я тебе...
<...>
Затем, что оба Соловьевым
Таинственно мы крещены;
Затем, что обрученьем новым,
С Единою обручены* [Иванов, 1979, с. 10].

В 1909 году русский философ посвятит А. Блоку стихотворение «Бог в лупанарии», где отметит новую стихию в поэзии петербургского лирика. Произведение «Бог в лупанарии» возникло под впечатлением мраморной скульптурной композиции Праксителя «Гермес с

младенцем Дионисом». Пракситель изобразил Гермеса безмятежным, напоминающим своей красотой гармоничного Аполлона. Но на руках он держит ребенка, который в скором времени превратится в самого беспокойного бога: бога творческих порывов и экстазов. Таким образом, эллинистический скульптор, по существу, изобразил двух богов, которые впоследствии станут символами двух начал искусства. Взгляды этих божеств направлены друг на друга:

*Я видел: мрамор Праксителя
Дыханьем Вахховым ожил,
И ядом огненного хмеля
Налилась сеть бескровных жил.
И взор бесцветный обезумел
Очей божественно-пустых... [Иванов, 1974, с. 327].*

Данное произведение было адресовано А. Блоку после выхода его сборников («Нечаянная радость», «Снежная маска» и «Земля в снегу»), которые контрастировали с его первой книгой («Стихи о Прекрасной Даме»). В новых стихах А. Блок открывал современный земной мир трагических противоречий, поэтому и называется поэтическое произведение В. Иванова «Бог в лупанарии». Лупанарий – «дом веселья» (публичный дом), образ-символ земного грешного мира:

*И бога демон надоумил
Сойти на стогна с плит святых –
И, по тропам бродяг и пьяниц,
Вступить единым из гостей
В притон, где слышны гик и танец,
И стук бросаемых костей... [Иванов, 1974, с. 327].*

В трактовке В. Иванова под воздействием Вакха (демона) созерцательный и безмятежный герой «оживает», заряжается хмельной энергией Диониса, изменяется и природа его новых стихов. Таким образом, признавая в Блоке поэта-пророка, получившего дар от Аполлона, В. Иванов отмечает и дионисийские элементы, обнаруженные им в новых стихах. Он обращает внимание на явное изменение лирического голоса поэта, в гармоничной поэзии которого появились тревожные мотивы, зовущие к иной жизни:

*И в мирре смрадной ясновидеть,
И, лик узнав, что в ликах скрыт,
Внезапным холодом обидеть
Нагих блудниц воскресший стыд...
И флейту вдруг к устам приблизив,*

*Воспоминая чаровать –
И, к долу горнее принизив,
За непонятым узывать* [Иванов, 1974, с. 327].

Эволюцию «музыкального начала» лирики Блока Иванов связывает не с лирой, а с флейтой – символом дионисийского искусства. Поэт-лирик сменил музыкальный инструмент. Музыка, звучавшая на флейте, отличалась различными переходами – от плача до ликования, но доминирующим мотивом была печаль. Считалось, что флейта возбуждает эмоции, ободряет, рождает таинственные грезы и мечты. Такой видится новая лирика Блока В. Иванову. В последних стихах: *«И, к долу горнее принизив, / За непонятым узывать»* – Иванов дает важную характеристику «новой» лирики Блока, в которой поэт в основном обращается к повседневному миру, к реальной жизни, стремится к синтезу небесного и земного.

Для нас принципиально важны введенные в стихотворение дионисийские мотивы и образы для раскрытия характера поэтического дара Блока. «Певцом сновидений» называли современники (В. Иванов, М. Волошин, В. Гофман, К. Чуковский и др.) первого лирика серебряного века, иными словами, поэтом аполлонических (аполлинийских) видений. Но произведение любого художника, согласно ивановской концепции искусства, никогда не выльется в четкую аполлоническую форму, если на начальном этапе его не охватит *«могучий вал дионисийской бури»* [Иванов, 2007, с. 404]. Поэтому и отмечает создатель стихотворения о Блоке «огненный хмель», «безумство» божественных очей поэта, «ожившего» «дыханьем Вахковым».

Таким образом, В. Иванов находит «следы» присутствия бога исступлений в лирике А. Блока, как и в поэзии В. Брюсова. Интересно, что в своей книге исследователь русской культуры В.Н. Топоров, также отмечает наличие двух стихий в Блоке как в человеке, так и в поэте: «Он знал две гармонии – ясную, светлую, примиряющую аполлиническую и туманную, темную, возбуждающую дионисийскую» [Топоров, 2003, с. 132].

О Георгии Чулковке говорят и пишут преимущественно как о прозаике, в основном ссылаются на его мемуары и литературоведческие работы. Но впервые он заявил о себе как автор сборника стихов и лирических рассказов под названием «Кремнистый путь» (1904). Через четверть века писатель даст оценку своему раннему творению: *«Незначительная как*

литературное явление, моя книга была, однако, весьма характерна для эпохи. <...> В ней было то темное «томление духа», какое всегда замечается, когда наступает кризис культуры. В такие мрачные годы, накануне всяческих потрясений, поэты пишут книги, исполненные лирической тоски, а иные, не поэты, пускают себе пулю в лоб» [Чулков, 1998, с. 462]. Младший современник Иванова признается, что из первой книги «не перепечатал бы теперь ни одного стихотворения» [Чулков, 1998, с. 473]. Удивительно, что на юношеские стихи Г. Чулкова, проповедавшего идею мистического анархизма, откликнулся «Вячеслав великолепный»:

*Стих связанный, порывистый и трудный,
Как первый взлет дерзающих орлят,
Как сердца стук под тяжестью лат,
Как пленный ключ, как пламенник подспудный*
[Иванов, 1974, с. 331].

Конечно же, он заметил слабую технику стиха, несовершенство поэтической формы, но, как пишет автор «Годов странствий», петербургский поэт угадал «*подлинный лирический опыт*» [Чулков, 1998, с. 473], то есть подлинные переживания, мысли, настроения. И, главное, Вячеслав Иванов уловил дионисийскую энергию пылкого поэта и запечатлел свое восприятие в сонете «Таежник»:

*Беглец в тайге, безнорый зверь пустынь,
Безумный жрец, прикивший бредным слухом
К Земле живой и к немоте святынь,
К полуночи зажженных страшным Духом! –
Таким в тебе, поэт, я полюбил
Огонь глухой и буйство скрытых сил*
[Иванов, 1974, с. 331–332].

С особой симпатией и теплотой В. Иванов относился и к другому своему современнику – Ю.Н. Верховскому: «*Стихи Верховского (знатока просодии и эрудита-пушкиниста – Н.А.) всегда волновали В.И.: он всегда умел чрез их «бледность» расслышать чудесные звуки, долетавшие из страны, в которую порою уносили поэта припадки его «священной болезни»* [Дешарт, 1974, с. 736]. Дружба, взаимная симпатия, основанная на любви к поэзии, ярко проявилась в стихотворных посланиях, которыми они обменивались друг с другом. Вячеслав Иванович отмечал в своих поэтических

обращения особый дар поэта, заключающийся в виртуозном владении техникой стиха (это мастерство Верховского отмечал также А. Блок):

*Как оный набожный жонглер,
Один с готической Мадонной,
Ты скоморошил с давних пор
Пред Аполлоновой иконой.
Стиха аскет и акробат,
Глотал ножи крутых созвучий
И с лету прыгал на канат
Аллитерации текучей* [Иванов, 1974, с. 334].

Словосочетание «стиха аскет» – намек на аполлоническую стихию лирики Ю.Н. Верховского: несмотря на свое поэтическое мастерство, лирик предпочитал создавать стихи в классической традиции. Чувство меры никогда не подводило друга Иванова, об этом свидетельствует его антологический сборник «Идиллии и элегии», представляющий собой, по образному выражению С.А. Кибальника, «эхо классической Музы» [Кибальник, 1993, с. 19]. Не случайно, Ю.Н. Верховский «в эпоху кризиса символизма стал одним из основных представителей сложившегося в его недрах «неоклассицистического «уклона» [Гельперин, 1989, с. 432].

Но, по убеждению Иванова, виртуозная поэзия Верховского причастна и к другой стихии, и в стихотворении «Выздоровление» мы находим это подтверждение:

*Но ты воскрес, - хвала богам!
Долой пелен больничных узы!
Пришла по тающим снегам
Твой сон будить свирелью Муза* [Иванов, 1974, с. 333].

Муза со свирелью – это Эвтерпа («радость») – муза лирической песни. Согласно версии, выдвигаемой В. Ивановым в своей диссертации «Дионис и прадионисийство», до прихода Аполлона (до его победы над Дионисом и последующего примирения с ним) музы подчинялись Дионису. Таким образом, можно предложить, муза со свирелью (флейтой) – это искусство, подверженное как аполлонической, так и дионисийской стихии.

Следует отметить, что В. Иванов, в своих теоретических трудах, настойчиво проводивший идею раскрепощения дионисийской стихии в искусстве, всегда искал и находил эту силу в стихах лириков России. Для него это было лучшим подтверждением его концепции

дионисийского искусства как искусства творческой свободы. Как В. Соловьев радостно узнавал везде свою Софию, так и В. Иванов приветствовал своего Диониса в лирике других поэтов. Однако после 1905 года русский теоретик религиозного символизма в стихотворениях, посвященных своим друзьям-поэтам, начинает прославлять иное начало их лирики.

Так, в 1912 году В. Иванов в своем поэтическом послании «Ты царским поездом назвал...» подчеркнет самую сильную сторону лирики А. Блока – аполлоническое начало:

*Ты ж, Феба список снежноликий,
Куда летишь, с такой музыкой,
С такими кликами?.. Смотрю
На легкий поезд твой - с испугом
Восторга! Лирник-чародей,
Ты повернул к родимым выюгам
Гиперборейских лебедей!
Они влекут тебя в лазури,
Звончатые отданы браздам,
Чрез мрак - туда, где молкнут бури,
К недвижным ледяным звездам* [Иванов, 1979, с. 10].

Все мифопоэтические образы («Феба список снежноликий», «лирник-чародей», «гиперборейские лебеди») указывают на аполлоническое начало творчества «первого из русских лириков» XX века.

Даже мысли о том, что гиперборейские лебеди влекут поэта: «Туда, где молкнут бури, / К недвижным ледяным звездам», – указывают на склонность музыки в стихах Блока к аполлоническую строю: «Чистая гармония, которой владеют Музы, есть недвижимый покой бытия, застывшего в прекрасном богоявлении космоса» [Иванов 1994, с. 224].

Одним из лучших русских лириков XX столетия, по убеждению дионисийца Иванова, был М. Кузмин. По словам О.А. Дешарт, В. Иванович отмечал в лирических произведениях этого поэта «безупречный художественный вкус и подлинный поэтический дар» [Дешарт, 1971, с. 128].

С 1906 по 1912 годы автор «Александрийских песен» периодически снимал комнаты в квартире семьи Ивановых, был в курсе всех их духовных исканий, как в творчестве, так и в личной

жизни, другими словами, входил «в самый интимный круг знакомых» [Богомолов, Малмстад, 1996, с. 132].

Но после смерти Лидии Дмитриевны Зиновьевой-Аннибал (жены Иванова), особенно в 1911 году, отношения между двумя поэтами изменились. Их дружба оборвалась осенью 1912 года. Но уже в 1911 году В. Иванов дал точную формулировку двойственного отношения к М. Кузмину:

*Союзник мой на Геликоне,
Чуждой меж светских передраг,
Мой брат в дельфийском Аполлоне,
А в том – на Мойке - чуть не враг!* [Иванов, 1979, с. 48].

В этих четырех строках стихотворения «Соседство» заключена вся суть его дружбы-вражды с поэтом-«александрийцем». В. Иванов, несмотря на постоянные споры с независимым от идеологических канонов художником, считал его своим единомышленником - «союзником на Геликоне», где, по мифам, во главе с Аполлоном обитали Музы. «Мой брат в дельфийском Аполлоне...» – единомышленник в истинном искусстве. «А в том – на Мойке - чуть не враг!» – намек на сотрудничество в журнале «Аполлон», который начал выходить в 1909 году, а через год в редакции журнала обнаружился раскол, закончившийся «бунтом» акмеистов, поместивших в 1913 году в этом же журнале свои манифесты. Вот, что пишет О.А. Дешарт об истории отношений между поэтами в это время: «Так как отношения между ним (Кузминым – Н.А.) и В.И., вопреки обычаям Кузмина, были простые, дружеские, прохладные, то долгое время никаких столкновений не было. Начались они на Мойке, в редакции «Аполлона», но они не ограничивались одними журнальными спорами» [Дешарт, 1974а, с. 825]. В своем втором томе мемуарной трилогии А. Белый также запечатлел взаимоотношения «русского Оскара Уайльда» и В. Иванова этого периода: «Кузмин... «здесь» – очень простой; в «Аполлоне» - далекий, враждебный, подтянутый и элегантный; он – антагонист символистам; на «баине» влетало ему от Иванова; этот последний привязется: ходит, журит, угрожает, притоптывает, издевается над «Аполлоном»; Кузмин просто ангел терпенья, моргает, покуривает, шепелявит: «Да что вы, да нет!» А потом тихомолком уходит в «Аполлон»: строчит колкость по нашему адресу; и - неприятный «сюрприз»! И – разносы опять» [Белый, 1990, с. 356].

Формально поэт, проповедовавший идеи «кларизма», не относился к символистам, а позже вообще противопоставлял себя их лагерю. И все-таки он (по крайней мере, до конца 1911 года) считал создателя интимной книги «*Cor ardens*» своим учителем в поэзии.

В своем стихотворении В. Иванов отмечает независимый характер Кузмина-поэта и Кузмина-человека, его равнодушное отношение к мнению общественности и к идейно-эстетическим спорам вокруг поэзии:

*И замыкаетесь сугубо
В свой равнодушный эгоизм.
Что вам общественность? – Гекуба!
И род Гекаты – символизм!* [Иванов, 1979, с. 48].

В третьей строке приведенного четверостишия прослеживается шекспировская реминисценция, подчеркивающая своеобразный «нигилизм» этой талантливой личности: «...*И все из-за чего? / Из-за Гекубы! Что ему Гекуба, / Что он Гекубе, чтоб о ней рыдать?*» [Шекспир, 1998, с. 445].

В стихотворении Иванова общественность представляется Кузмину в образе Гекубы, мифологического женского персонажа, превратившегося в озлобленную собаку, которой только и остается, как носиться с истошным лаем и мстить всем окружающим за свою несчастную судьбу и потерянные надежды. Символизм же оценивается тончайшим лириком как род Гекаты – хтонической богини мрака, ночных видений и чародейства. В символизме он не видит аполлонической солнечной ясности. Примечательно, что Гекуба и Геката – родственные образы. По мифам, Гекуба, которую боги превратили в черную собаку, стала сопровождать Гекату в своре ее собак, насылая ужас на окружающих. Современная действительность и современное искусство, в частности поэзия символистов, предстают в глазах автора статьи «О прекрасной ясности» как нечто темное, лунное, демоническое.

Но, несмотря на ожесточенные споры между этими двумя поэтами, несмотря на скептическое отношение поэта-музыканта к литературным школам и полное равнодушие к общественным проблемам (как считал Иванов), Кузмин остается для него, прежде всего, прекрасным лириком, отмеченным аполлоническим даром. Все отрицательные стороны «александрийца» не могут затмить его поэтический дар аполлонического характера:

*Но чуть коснется струн послушных,
Певец, ваш плектрон золотой, –
Нас обнял сонм сестер воздушных,
Мечта скликается с мечтой* [Иванов, 1979, с. 48].

В своей статье «О лиризме Бальмонта» В. Иванов писал о корифее русского символизма следующее: «...Он – поэт, только поэт, всегда и во всем, и каждое дыхание его жизни – поэзия, и каждый звук его свирели – дыхание жизни...» [Иванов, 1995, с. 290]. Константин Бальмонт, действительно, был поэтом «милостью божьей», о чем впоследствии скажет реалист И. Бунин, отмечая его виртуозное владение стихией стиха. Певучие стихи московского лирика в большей мере тяготели к дионисийскому полюсу, не случайно этого поэта интуиций и откровений называют антиподом рационального Брюсова. Создателю музыкальных стихов Иванов посвятил несколько поэтических произведений, в частности, сонет «К. Бальмонту»:

*...И твой - пловца отважный хмель!
О, кто из нас в лирические бури
Бросался, наг, как нежный Лионель?
Любовника луны, дитя лазури,
Тебя любовь свела в кромеиный ад –
А ты нам пел «Зеленый Вертоград»*
[Иванов, 1974, с. 352].

В двух терцетах сонета обыгрывается название сборника Бальмонта «Зеленый Вертоград» и псевдоним поэта, заимствованный у Шелли: «Он, придумав себе псевдоним «Лионель», заключал альманахи; «Бальмонт – открывал альманахи» [Белый, 1990, с. 247].

В первом терцете сонета подчеркивается дионисийская энергия поэзии адресата: «пловец», «хмель», «лирические бури». А во втором терцете, на наш взгляд, представитель религиозного крыла символизма обращает внимание и на другую художественную силу в творчестве поэта, прославляющего жизнь, природу и любовь. В заключительном терцете, являющемся «ключом» всего стихотворения, обнаруживается реминисценция, отсылающая к древнегреческому мифу об Орфее. Напомним один из ярких эпизодов «биографии» Орфея: любовь к Эвридике, безвременно умершей, заставила легендарного лирика спуститься в подземное царство, чтобы вернуть ее на землю. Там, в царстве смерти, он пел свои песни о прекрасном верхнем мире и о любви. Своим музыкально-поэтическим искусством он покориł обитателей нижнего мира,

которые вернули ему возлюбленную. Орфей был жрецом одновременно двух божеств – бога света Аполлона и нового, возрожденного Диониса, просветленного аполлонической энергией. По утверждению самого В. Иванова, *«Орфей олицетворяет собой мистический синтез обоих откровений – Диониса и Аполлона»* [Иванов, 1994, с. 168]. Таким образом, в трактовке автора «Эллинской религии страдающего бога» Бальмонт – Орфей нашего времени: в его творчестве присутствуют две неразрывно связанные стихии. Эту особенность в лирике «солнцем рожденного» обнаруживали и другие поэты- модернисты. Так, А. Белый в своей статье «Бальмонт» дал меткое определение создателю сборника «Будем как солнце»: *«Стихийный гений солнечных потоков...»* [Белый, 1994, с. 370].

Примечательно и стихотворение «Апотропей» (1906), посвященное поэту-символисту Ф. Сологубу. Многие поэты и критики начала XX столетия отмечали пессимистический, отчасти демонический, характер поэзии декадента Ф. Сологуба. Современник этого художника слова, один из блестящих русских критиков, писал о «русском Бодлере» и его творчестве следующее: *«...Сологуб, поэт небожьего мира, жрец предустановленной дисгармонии. <...> Отказываясь и за себя, и за других от солнца и жизни, Сологуб видит в ней огромную темницу, злое сновиденье, непроницаемые стены. День – это только бледная тьма, белая ночь природы... <...> Белое говорит ему о черном, и белый цветок зовет его в землю. <...> Ночь откровеннее, и лучше было бы жить ночью, познать «радостную науку ночного бытия» и никогда не откидывать полога, не просыпаться от смерти и сна, чтобы не приходилось обнимать «дебелый стан» жизни»* [Айхенвальд, 1994, с. 379, 381–382].

На эту особенность поэтического дара Сологуба указывает в своем стихотворении В. Иванов. Слово «Апотропей» связано с античной традицией, с мифопоэтическим мышлением древних греков: *«Апотропей (греч. отвращающий беду), талисман, которому в древности приписывали свойство оберегать людей, животных, жилища и посевы от влияния враждебных сил, изгонять злых духов и т.д.»* [Словарь античности, 1993, с. 42]. В своем дневнике от 4 июня 1906 года создатель оригинальной концепции дионисийства пишет: *«Я сочинил поэтический апотропей против чар Сологуба»* [Иванов, 1974, с. 727]. Посылая стихотворение символисту «первого призыва», Вячеслав Иванович перед текстом написал: *«В истолковании:*

Божидару, нарекишемуся Солнцегубителем» [Иванов, 1995, с. 312]. В поэтическом произведении автор отмечает дионисийское (темное, демоническое) начало «певца сумеречных чар»:

*Опять, как сон, необычайна,
Певец, чьи струны – Божий Дар,
Твоих противочувствий тайна
И сладость сумеречных чар* [Иванов, 1974, с. 326].

В стихотворении «Апотропей» В. Иванов явно противопоставляет лиру «темного чародея» своей:

*Хотят пленить кольцом волшебным,
Угломнить, как смутный звон,
Того, кто пением хвалебным
Восславить Вящий Свет рожден.
Я слышу шелест трав росистых,
Я вижу ясную Звезду;
В сребровиссонном сонме чистых
Я солнцевещий хор веду* [Иванов, 1974, с. 326].

Сочинив стихотворение, «отклоняющее зло», Вячеслав Иванович дает ясно понять, что его поэтическое искусство принадлежит к другой божественной стихии:

*А ты в хитоне мглы жемчужной,
В короне гаснущих лучей,
Лети с толпой, тебе содружной,
От расцветающих мечей.
Беги, сокройся у порога,
Где таит благовест зари,
Доколе жертву Солнцебога
Вопьют земные алтари!* [Иванов, 1974, с. 326–327].

Следует отметить, что создатель стихотворения против чар «северного сфинкса» был блестящим знатоком эллинской религии и, конечно же, знал, что первоначально в Элладе Апотропеем называли древнегреческого бога светлого начала – Аполлона: «его (Аполлона – Н.А.) прозвище Апотропей («отвратитель»)…» [Лосев, 1991, с. 94].

Как ни парадоксально, но в своем поэтическом послании к Сологубу «дионисиец» Вяч. Иванов утверждает светлую, солнечную линию своего творчества, тяготеющую к аполлоническому началу.

Другое стихотворение «Vox populi» («Глас народа», 1911), также посвященное «Солнцегубителю», заканчивается следующей строфой:

Срок придет, – повремените, –

*Если есть вино в мехах,
Вновь навеет Муза феей
Нашей старости напевной
Упоительный обман* [Иванов, 1979, с. 351].

Здесь дионисийская энергия («Если есть вино в мехах...») как первопринцип всякого творчества уже не противопоставляется аполлоническому организующему началу в поэтическом искусстве.

Итак, выявляя в своих стихотворениях при помощи древнегреческих мифопоэтических образов и мотивов художественные стихии русских модернистов, Вячеслав Иванов приходит к идее антиномической сопряженности аполлонического и дионисийского начал в их творчестве.

Литература

- Айхенвальд Ю. Федор Сологуб // Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей. М., 1994.
- Белый А. Начало века. М., 1990.
- Белый А. Бальмонт // Белый А. Критика. Эстетика. Теория символизма : в 2-х тт. М., 1994. Т. 1.
- Богомолов Н.А., Малмстад Д.Э. Михаил Кузмин : Искусство, жизнь, эпоха. М., 1996.
- Гельперин Ю.М. Верховский Ю.Н // Русские писатели. 1800–1917 : Биографический словарь. М., 1989.
- Дешарт О.А. Введение // Иванов Вяч. Собрание сочинений : В 4-х тт. Брюссель, 1971. Т. 1.
- Дешарт О.А. Послесловие. Парерга и Паралипомена // Иванов Вяч. Собрание сочинений : В 4-х тт. Брюссель, 1974. Т. 2.
- Дешарт О.А. Примечания // Иванов Вяч. Собрание сочинений : В 4-х тт. Брюссель, 1974а. Т. 2.
- Иванов В. Собрание сочинений : В 4-х тт. Брюссель, 1971–1987. Т. 1–3.
- Иванов В. Стихотворения. Поэмы. Трагедия. СПб., 1995. Кн. II.
- Иванов В. Дионис и прадиионисийство. СПб., 1994.
- Иванов В. О границах искусства // Иванов В. По звездам. Борозды и межи. М., 2007.
- Иванов В. Экскурс. О лирической теме // Иванов В. По звездам. Борозды и межи. М., 2007а.
- Кибальник С.А. Венок русским Каменам // Венок русским Каменам. Антологические стихотворения русских поэтов. СПб., 1993.
- Словарь античности. М., 1993.
- Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы : Избранные труды. СПб., 2003.
- Чулков Г. Годы странствий. Из книги воспоминаний // Чулков Г. Валтасарово царство. М., 1998.
- Шапошников А. Герменевмы. Эзотерические комментарии // Орфей. Языческие таинства. Мистерии и восхождения. М., 2001.
- Шекспир В. Гамлет // Шекспир В. Пьесы. Сопеты. М., 1998.
- Лосев А.Ф. Аполлон // Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х тт. М., 1991. Т. 1.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

СОВРЕМЕННЫЙ ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК ПОД ВЛИЯНИЕМ РЕЧИ ИММИГРАНТОВ

А.А. Сидоров

Ключевые слова: французский язык, речь иммигрантов, общение, употребление слова, сленг.

Keywords: French language, immigrants' speech, communication, word use, slang.

На сегодняшний день общее число людей, пользующихся французским языком в качестве родного, второго или иностранного составляет 400 миллионов человек [Barake, 2006, p. 18]. Около 90 миллионов жителей Земли считают французский язык родным, 60 миллионов из которых французы. Кто же составляет оставшиеся 310 миллионов так или иначе говорящих на французском языке, и кто находится среди 30 миллионов «нефранцузов»?

Французский язык во Франции является языком национальным, им в качестве основного пользуется большинство населения страны, составляющее нацию со своей историей, традициями, территориальной целостностью и государственностью, единой культурой. Языковая ситуация определяется совокупностью языков и их разновидностей, на которых говорят в стране, и распределением функций между ними. И с первого взгляда языковая ситуация во Франции не представляется сложной: 95% жителей французской республики говорят по-французски [Barake, 2006, p. 27]. Французский является единственным языком официального общения, сферы образования, государственных учреждений, внешних сношений страны. Но за внешней простотой скрыты существенные языковые различия, лежащие в основе

разнообразных проблем. Для Франции актуальны следующие аспекты языковой ситуации:

- соотношение между общефранцузским вариантом языка и языками национальных меньшинств;
- соотношение французского литературного языка с его территориальными вариантами, функциональными ответвлениями и социальными формами;
- сосуществование французского языка и иностранных языков на территории Франции.

В рамках последнего аспекта можно говорить о наблюдающемся в языковой ситуации Франции двуязычии: местный язык – иностранный язык. Данное двуязычие может возникать в двух случаях: при усвоении элитой престижного иностранного языка или в результате двуязычия среднего класса и низшего сословия, в частности в иммигрантской среде [Marcellesi, 1975, p. 6].

Языки меньшинств, например, в иммигрантском обществе, часто ярко реализуют себя в сфере бытового либо профессионального общения:

1) условия общения: в семье родной язык используется больше, чем за пределами дома, в общественных местах (транспорт, крупные магазины) – меньше, в учреждениях – почти не употребляется;

2) характер окружения: с незнакомыми людьми шире используется французский язык, при наличии смешанного населения, например, рабочих-иммигрантов, французский служит языком посредником;

3) географические условия: родной язык лучше приживается в арабских, африканских, восточных и т.п. кварталах, вдали от городских центров, где он в определенном смысле «законсервирован»;

4) производственный фактор: родной язык более употребляем в тех сферах, где иммигранты используются в качестве рабочей силы. Это может быть строительная отрасль, а также так называемые «чернорабочие» - посудомойщики, уборщики и др. Приблизительный перечень иммигрантских вакансий во Франции по популярности, начиная с самой престижной, выглядит следующим образом: строители разнорабочие, плиточники, каменщики, кровельщики, сварщики, бетонщики, водители категории В и С, швеи, повара, дворники, массажисты, музыканты, работники цирка, уборщики общественных помещений, специалисты по уходу за детьми, пожилыми людьми, инвалидами [<http://www.rabota-europa.com/page2.php>].

Представители интеллигенции и сельскохозяйственной отрасли преимущественно используют французский язык.

5) социально-языковые предпочтения: родные языки иммигрантов используются последними преимущественно в рабочей среде, отдельные элементы иммигрантских языков интересны молодежи, они формируют часть молодежного сленга. В то же время в среде интеллигенции, высших слоев общества и студентов данные элементы употребляются крайне редко.

Очевиден тот факт, что пласт арабских неологизмов и заимствований можно отнести к классу социопрофессиональных элементов языка. Неоднородное по составу общество выделяет различные социопрофессиональные группы, что приводит к языковой дифференциации. Данная дифференциация объясняется с позиции двух причин. Во-первых, люди проживают в различных условиях, имеют разные профессиональные занятия, интересы и уровень образования. Во-вторых, Франция – это страна, где ощутимы классовые различия. Все эти особенности заметно сказываются на живой речи. Французская поговорка гласит – «Le langage classe l'homme», то есть речь указывает на принадлежность говорящего к той или иной социальной группе [Скрелина, Становая, 2005, с. 34].

6) возраст: среди иммигрантов представители всех возрастных групп обычно двуязычны или говорят по-французски; на родном языке говорят только в кругу семьи или знакомых иммигрантов, поэтому дети дошкольного возраста чаще всего знакомы лишь с родным языком своих родителей;

7) пол: мужчины быстрее утрачивают родной язык, чему способствует более высокая степень интеграции во франкоязычную культуру: служба в армии, контакты на работе, общение с местными органами власти. Кроме того, важно не забывать, что в обществе иммигрантов, немалую часть которого во Франции формируют выходцы из арабских и африканских стран, часто преобладают традиционные взгляды на семейные ценности и строгое соблюдение канонов ислама. Например, женщине положено обустроить быт, заниматься детьми, не работать, а иногда и вовсе хранить свое мнение при себе и не перечить мужчине. В таких условиях женщинам-иммигрантам очень сложно выучить французский язык и установить контакты с обществом франкофонов. Однако данные факторы по-разному проявляются в отдельных иммигрантских семьях [Lanly, 1970, p. 65].

На сегодняшний день иммигранты составляют неотъемлемую и значительную долю населения Франции. Приток больших групп людей, не владеющих или плохо владеющих французским языком и активно участвующих в жизни страны в целом, ставит ряд серьезных лингвистических проблем. Языковой подготовкой рабочих-иммигрантов занимаются на разных уровнях: правительство, профсоюзы, общественные и другие организации. Однако языковая подготовка иммигрантов во Франции очень слабая. Чаще всего дается узко направленная лексика с рудиментарными грамматическими конструкциями. Хотя и данный объем материала усваивает не каждый. В связи с этим принимаются практические меры: на производстве вывешиваются надписи на языке иммигрантов, разрешен перевод трудового соглашения на родной язык иммигранта, печатаются обращения, листовки и другие материалы на языках иммигрантов.

Положение семей иммигрантов сложно. Они находятся в отрыве от родного языка и не всегда способны выучить французский (многие просто не желают этого делать, проживая компактно с соотечественниками, образуя национальный квартал или целый район). Недостаточный уровень владения французским языком порождает использование иммигрантами ограниченного числа элементов неродного для себя языка и, напротив – большого количества лексем и структур из родных языков. Иностранное слова становятся популярны в молодежной среде и употребляются в ироническом смысле. Со временем подобные слова и конструкции могут переходить из разряда сленговых в общеупотребительные. Это происходит с давно пришедшими в язык иностранными словами, практически утратившими эмоциональную окраску. Немаловажную роль в этом играют средства массовой информации. Сленговое иностранное слово появляется в них для эффектности речи, ввиду неудобства использования литературных слов или для выражения понятия, которое невозможно передать на французском языке. Например, слово *pouba* относится к классическому арабскому языку, где обозначает «периодический концерт в честь принца». Во французском языке совсем недавно приобрело значение «вечеринка». До этого употреблялось во французском языке в том же значении, что и в арабском [Bertrand, 1999, p. 211].

Со временем из специализированных развлекательных журналов сленг перебирается на более качественный уровень – в солидные периодические издания и даже в научную литературу [Левит, 1979, с. 6].

Процесс перехода арабизмов в разряд общеупотребительных французских словоформ очень оперативен. В этой связи правительство Франции реагирует на это явление, стремясь очистить родной французский язык от множества неологизмов, имеющих иммигрантские корни. Политику французов в этой области можно считать центристской, поскольку единственной незыблемой ценностью является собственно французский язык. Французы активно продвигают свою культуру и язык не только среди франкофонов, но и далеко за пределами франкоговорящего сообщества. Сегодня во Франции существует огромное количество институтов с колоссальными бюджетами, которые призваны «правильно» воздействовать на языковую сферу [Barake, 2006, p. 78], тем не менее, количество заимствованных из языков иммигрантов слов, синтаксических структур и рождение неологизмов неуклонно растет, и один из самых красивых языков в мире засоряется.

Литература

- Левит З.Н. Лексикология французского языка. М., 1979.
Скрелина Л.М., Становая Л.А. История французского языка. М., 2005.
Barake B. Coexistence du français et de l'arabe sur un meme territoire. Paris, 2006.
Bertrand G. Dictionnaire etymologique des mots francais venant de l'arabe, du turc et du persan. Paris, 1999.
Lanly A. Le francais de l'Afrique du Nord. Paris, 1970.
Marcellesi J.-B. L'enseignement des langues regionales // Langue francaise. 1975. № 25.
Rabota-europa.com. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rabota-europa.com/page2.php>.

ИНТЕГРАЛЬНАЯ ПОЭТИКА РАССКАЗА А.П. ЧЕХОВА «В ВАГОНЕ»

С.М. Козлова

Ключевые слова: юмор, жанр, персонаж, нарратор, сценка, символ.

Keywords: humor, genre, character, narrator, scene, symbol.

По мнению Б.В. Катаева, основные достижения Чехова-юмориста и сатирика в 1880-е годы относятся к жанру «сценки» [Катаев, 1989, с. 13]. Среди рассказов этого типа такие шедевры, как «Хирургия», «Хамелеон»,

«Злоумышленник» и другие, художественный статус которых явно превосходил ценностный ранг сценки как жанра массовых изданий. Кроме того, исследователь выделяет «длинный ряд произведений Чехова, не имевших никакого жанрового обозначения, но построенных именно как сценки: «В Москве на Трубной площади», «В почтовом отделении», «В гостиной», «У предводительши», «В бане», «Канитель» и др. Однако большая часть рассказов этого ряда имеет общие свойства, которые отличают их от собственно сенок.

Рассказы данного типа строятся по принципу кумулятивной структуры и в этом плане представляют собой либо массовую сцену, либо серию отдельных сенок. В первом случае повествование строится преимущественно как полилог, во втором случае оно представляет последовательность диалогических фрагментов, объединенных хронотопом и особой точкой зрения повествователя. Первым по времени публикации в этом ряду является рассказ «В вагоне» [Чехов, 1974].

В этой короткой юмореске 35 персонажей, из которых пять – именованные: Поляков, Иван Матвеевич, Князь, Петровна, Пахом. Первая фамилия имеет отношение к реальному лицу: С.С. Поляков – строитель и концессионер южно-российских железных дорог [Чехов, 1974, с. 568]. В первой публикации текста (1881) фамилия упоминалась неоднократно: в первой фразе зачина, констатирующей место действия («*Самая лучшая Поляковская железная дорога*»), трижды в середине повествования («*На Поляковских дорогах зайцами называются...*», «*Чтоб я заплатил когда-нибудь и что-нибудь Полякову! <...> Я плачу кондуктору. У кондуктора меньше денег, чем у Полякова*») [Чехов, 1974, с. 512]. Подобная адресная конкретика задает жанровый модус фельетона, сатирического обозрения беспорядков «на самой лучшей железной дороге» России, факты которых составляют один из содержательных планов повествования: поборы кондукторов, взятки контролеров, воровство в вагонах, аварийное состояние подвижного состава поезда. Виновником недвусмысленно объявлен железнодорожный магнат Поляков. Во второй редакции (1882) Чехов сохранил лишь одно упоминание фамилии в середине текста, что выражало, по мнению М.П. Громова, стремление автора освободить юмористический рассказ от характера фельетона [Чехов, 1974, с. 568]. На наш взгляд, и однократная адресная номинация размыкала художественный мир в исторический контекст, сохраняя фельетонную достоверность и создавая в то же время необходимое обобщение сатирической

картины, расширяя пространственно-временную перспективу злобы дня и места: состояние всех российских железных дорог во все времена. Кроме того, в последней редакции были опущены некоторые развернутые юмористические фрагменты [Чехов, 1974, с. 512], заслонявшие фактографические подробности.

Имя «Князь» является кличкой контролера-взяточника крупного масштаба, которого в вагоны третьего класса «и палками не загонишь». Уважительное имя/отчество *Иван Матвеевич*, принадлежащее машинисту, отчаявшемуся вести изношенный, «как тряпка», локомотив, выражает отношение повествователя к жертве хозяина-хищника. *Пахом и Петровна* – типы незадачливых пассажиров, комическое положение которых возникает на почве столкновения с техническим прогрессом. Так, именная маркировка малой группы персонажей образует матрицу железнодорожного социума.

30 безымянных персонажей представляют все возрасты обоих полов и все возможные сословия России. Социальное положение каждого из них обозначено либо прямой сословной или профессиональной номинацией (*крестьянин, косарь, барыня, унтер-офицер, судебный следователь, гимназисты, студент* и т.д.), либо косвенно – одной-двумя деталями портретной, костюмной, речевой характеристики (*господин с кокардой из первого класса, «Какой-то гусь шепчет, <...> как-то французисто выговаривая буквы г,н и р*) и т.п.). В чеховской табели о рангах недостает лица священного звания, которое было в первой редакции: «*дьякон в соломенной шляпе*». Не забыты представители социального дна: *карманник в соломенной шляпе и темно-синей блузе* и карточный шулер – «*молодой человек в синих очках*». Такая тщательная проработка социального состава персонажей обнаруживает явную тенденцию к символизации хронотопа: поезд – вся Россия, мчащаяся во мглу нового технического века.

Связующим ферментом в калейдоскопе лиц является перволичный повествователь «Я», в фокусе зрения которого находятся все события и лица. В первой публикации рассказ имел другое заглавие: «Извлечение из путевого журнала», ориентировавшее на жанровую эпическую традицию «сентиментального путешествия», в духе которого пародийно стилизованы описательные фрагменты рассказа, и повествователь выступает в роли «чувствительного путешественника»: «*Я высовываю голову в окно и бесцельно смотрю в бесконечную*

даль. <...> *Тьма, тоска, мысль о смерти, воспоминания детства... Боже мой!*» (84¹). Однако, его позиция не является «внеаходимой» (в терминологии М.М. Бахтина). Он – «в вагоне», пассажир, не только свидетель, но и участник общих беспорядков, то есть в своем роде герой событий: *«Я тоже зайцем еду. Я всегда езжу зайцем»* (86). В то же время это не герой-рассказчик, так как не рассказывает, не повествует в привычном смысле этих понятий. Функция чеховского нарратора порождена оперативной журналистской практикой: он наблюдает, вслушивается, фиксирует мимолетные впечатления, лица, реплики, происшествия. Подобно хроникеру прессы, он вездесущий, любопытный, беспокойный: *«кричит кто-то на платформе <...> Иду посмотреть, в чем дело»* (85); *«Поезд останавливается. <...> Выхожу из вагона и направляюсь к локомотиву»* (89). Вместе с тем, это еще не выродившийся в папарацци хладнокровный охотник за сенсациями. Чеховский хроникер, как вся молодая пресса рубежа веков, – живой говорящий орган огромного коллективного народного тела, в согласии с которым он дышит, выхитит, сопит, чамкает и ощущает каждое мгновение мчащейся по рельсам жизни: *«Тьма, тоска, мысль о смерти...»* – *«В моем вагоне все то же: тьма, хrap...»*; *«Сердце у меня сжимается. Я тоже зайцем еду»* – вплоть до полного слияния с «мы»: *«Мы ежмся, сжимаемся, прячем руки...»* (86). Нарратор включен в смеховое поле художественного мира, вследствие чего редуцируется, хотя и не снимается полностью, сатирическая двуполюсность субъекта и объекта смеха. Обличительный модус выступает как часть карнавального, то есть, по теории М. Бахтина, – всенародного, праздничного, амбивалентного смеха [Бахтин, 1990].

Рекреационный характер смеховой ситуации обусловлен все тем же хронотопом железной дороги, движением хоровода вагонов и пассажиров, буквально обреченных на праздничную свободу, демократию и плотские утехи: еда, питье, сон, карты, флирт, зрелища, составляющие бытие вагонного народа. Созвучны карнавальному комизму образы «веселых смертей» в названиях станций *«Веселый Трах-Тарарах»*, *«Спасайся, кто может»*», *«Фрум – общая могила»*, эротические перверсии: эротомания старца и импотенция молодого следователя, маски *крашеной барыни* и *французистого гуся*, нелепые положения, пропажи и счастливые

¹ Здесь и далее в круглых скобках указываются цитируемые страницы издания: А.П. Чехов. В вагоне / Полное собрание сочинений и писем : В 30-ти тт. М., 1974. Т. 1.

обретения (две старушонки). Ночь, вагонная тьма, едва освещаемая свечой кондуктора и папиросами картежников, завершают картину карнавальную преисподней.

Карнавализованная человеческая масса предстает в рассказе в двух ипостасях – публика и народ. Публика открыта карнавално-праздничной стихии вагонного бытия, формируя, в частности, театрализованные элементы действия. В вагонном замкнутом пространстве люди невольно оказываются в роли участников и зрителей любого происшествия. В другой своей ипостаси масса предстает в обобщенно-символическом образе русского народа: *«Пахнет русским духом <...> Под скамьями спит богатырским сном народ»* (85). Отрешенность от праздной суеты вагонного карнавала, положение «в абсолютном низу» – в основании социального континуума, косность, неподвижность дремлющей энергии народа, пассивно увлекаемого ходом исторического прогресса – вполне выражают «народную идею» молодого Чехова, а в архитектонике рассказа образ народа служит символическим интегралом системы персонажей.

Так же искусно организована внешне фрагментарная, «бессюжетная», «осколочная» композиция рассказа. Из 14-ти составляющих его эпизодов четыре по типу повествования представляют собой монолог нарратора-обозревателя, с точки зрения которого дается картинка общего плана. Обзорные картинки располагаются в тексте симметрично в начале и в конце рассказа. Первые две, воссоздающие состояние российских железных дорог и связанные с ним душевные тревоги повествователя, образуют раму, внутри которой заключены 10 реплицированных фрагментов – минисценок, в свою очередь, образующих 4 серии, разделенные двумя другими обзорными картинками, рисующими положение пассажиров в вагоне. Связь минисценок в сериях тематическая, так что условно можно назвать их: «Стоянка поезда», «Старушонки», «Проверка билетов», «В вагоне». Кроме того, две минисценки, не включенные в серии, образуют двойчатку «Я и вор», элементы которой завершают обзорные картинки рамочного текста, переводя их модус из пародийно-высокого в низкий бытовой регистр. Например, в финале рассказа: *«Идет дождь... Направляюсь в вагон... Мимо мчится незнакомец в соломенной шляпе и темно-серой блузе... В его руках чемодан. Чемодан этот мой... Боже мой!»* (89). Форма минисценок в сериях «Стоянка поезда» и «В вагоне» относится к «мелочишке» подписей к рисункам. По определению И. Сухих, «Это

не литературный, собственно, а синтетический графически-словесный образ, своеобразный комикс 1880-х годов» [Сухих, 1987, с. 45]. В тексте графический образ вербализован, а визуальный и, частично, аудиальный его аспекты компенсируются экспрессией визуально-фонетического образа звучащего слова и риторических средств: «– *Жндаррр!!! Жндаррр!!! – кричит кто-то на платформе таким голосом, каким во время оно, до потопа, кричали голодные мастадонты, ихтиозавры и плезиозарвы. <...> У одного из вагонов первого класса стоит господин с кокардой и указывает публике на свои ноги. С несчастного, в то время, когда он спал, стащили сапоги и чулки...*»(85). Серию «Проверка билетов» составляют собственно «сценки». И. Сухих, ссылаясь на В.Б. Катаева, так определяет эту жанровую форму: «Сценка похожа на стоп-кадр, мгновенную зарисовку с натуры. Основное содержание сценки – диалог или разговор с участием нескольких человек» [Сухих, 1987, с. 47]. Это определение, кстати, содержит признак, дифференцирующий жанровые формы «сценки» и «массовых сцен»: в отличие от «сценки – стоп-кадра», в рассказах второго типа серии мини-сценок не останавливают движение действия, а развертывают его в динамическое обозрение.

Каждую минисценку в рассказе Чехова, как бы она ни была мала, составляют, в соответствии с ее театральной природой, зрелище и зрители. Реакция публики, смеющейся и сочувствующей, оппозиционна к представителям власти на железной дороге (кондуктор, контролер, жандарм), выражая, с одной стороны, народную точку зрения, с другой – солидарность пассажиров в необычной путевой ситуации. Серия «Старушонки» имеет фабулу в жанре анекдота.

Серии «Старушонка», «Стоянка поезда» и «В вагоне» разделены на две части. Симметрично расположенные в тексте, они, вместе с рамочными обзорными картинками и двойчаткой «Я и вор», образуют три круга повествования, каждый из которых разработан в определенной комической модальности, выражающей собственно авторскую позицию. Рамочный текст выдержан в трагикомическом модусе: Мчющийся в ночной тьме поезд, разваливающийся на полпути, «как тряпка» – это и символическое выражение российского прогресса, и предупреждение реальной катастрофы, которая не замедлила разразиться. Повторная публикация рассказа в год знаменитой Кукуевской железнодорожной аварии стала и свидетельским документом, и пророческим словом.

История «Я и вор», образующая второй круг композиции, – в модусе самоиронии повествователя. Третий круг – история старушенок – чистый юмор. Внутри этого круга единственная нерасчлененная цельная серия «Проверка билетов» – сатира на злобу дня: чиновничий беспредел, тотальное воровство при попустительстве беспробудно спящего судебного следователя и бездействующей жандармерии. Сатирическая массовая сцена, расположенная в ядре концентрической композиции, одновременно и скрыта, и акцентирована в общем строе рассказа.

Таким образом, специфическая интеграция жанровых форм, массы персонажей, повествовательных фрагментов в рассказах Чехова действует подобно прессу, формующему из газетной «мелочишки» и житейского мусора бесценный концентрат, обладающий магической силой пророческого символа.

Литература

Катаев В.Б. Литературные связи Чехова. М., 1987.

Сухих И.Н. Проблемы поэтики А.П. Чехова. Л., 1887.

Чехов А.П. В вагоне / Полное собрание сочинений и писем : В 30-ти тт. М., 1974.

Г. 1.

МЕТОНИМИЧЕСКИЙ ЭПИТЕТ И ЕГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ В ЦВЕТАЕВСКОМ ИДИОЛЕКТЕ

С.А. Губанов

Ключевые слова: эпитет, Марина Цветаева, метонимия, дискурс, идиостиль, смещенное определение.

Keywords: epithet, Marina Tsvetaeva, methonimy, discourse, idiostyle, conversive adjective.

Настоящая статья посвящена рассмотрению переносного эпитета метонимического типа, или адъективной метонимии, в художественном дискурсе, в творчестве М. Цветаевой. Целью работы является выявление основных механизмов продуцирования метонимических эпитетов, а также их художественной роли в идиостиле поэта.

В науке метонимия признака получила различные наименования: метонимия признака [Некрасова, 1978], смещенное определение [Долинин, 1978], контекстуальная метонимия [Бирих, 1987], отраженная метонимия [Сандакова, 2004], динамическая метонимия, дискурсивная метонимия [Раевская, 1999; Мерзлякова, 2003], адъективная метонимия.

О.В. Раевская характеризует дискурсивную метонимию так: «Дискурсивная метонимия, в отличие от лексической, или лексикализованной, реализуется только в рамках текста и вне его не существует» [Раевская, 1999]. Исследователь проводит мысль о том, что феномен дискурсивной метонимии проявляет себя не только на уровне слов, но и на уровне словосочетаний и предложений. М.В. Сандакова считает, что «в результате узуального метонимического переноса прилагательное приобретает вторичное лексическое значение, которое получает словарную фиксацию. Дискурсивная метонимия не приводит к семантической деривации: здесь можно говорить не о новом значении, а лишь об употреблении прилагательного» [Сандакова, 2003, с. 106].

Нестандартное, неожиданное соединение компонентов дискурсивного метонимического словосочетания создает экспрессивность. В отличие от атрибутивного словосочетания с узуальным метонимическим значением прилагательного, дискурсивная метонимия, по мнению автора, вне контекста непонятна. Внеконтекстная связь возможна лишь в том случае, если смысловые отношения компонентов словосочетания непосредственно отражают какие-либо предметно-логические связи в мире. Например, словосочетание *потный страх*, в котором определяемое имя обозначает причину, а прилагательное – следствие (пот может быть одним из возможных физиологических проявлений в этом состоянии). На сегодняшний день сформирована терминология, позволяющая детально проанализировать адъективную метонимию в различных дискурсах. С опорой на типологию А.Х. Мерзляковой в статье описаны метонимические механизмы переноса эпитетов в текстах М. Цветаевой.

Метонимический перенос прилагательного, смещение эпитета в составе эпифразы, наблюдается в цветаевских текстах регулярно и последовательно. Нашей задачей является не анализ всего массива переносных определений в текстах М. Цветаевой, а рассмотрение наиболее продуктивных групп эпитетов образного типа. На поверхностном уровне, при «первом взгляде» на такого рода переносы,

может показаться, что перед нами метафорические эпитеты в чистом виде. При детальном анализе рассматриваемых сочетаний можно усмотреть метонимическую логику порождения таких эпитетов.

В творчестве М. Цветаевой наблюдается продуктивное употребление адъективной метонимии прилагательного конверсивного типа. Экспансия признака на смежный объект, который потенциально имеет возможность выступать в качестве носителя этого признака, является отличительной чертой лирического творчества М. Цветаевой. Рассмотрим основные типы метонимии признака в творчестве поэта.

1. Конверсивная метонимия прилагательного предполагает такой метонимический перенос признака, при котором происходит объединение двух полярных или взаимодополняющих признака. Полярность и антинормичность построения цветаевской эпифразы воплощается в столкновении контрастных прилагательных. В рамках переносного эпитета признаки совмещаются на основании смежного понимания как объектов, к которым эти свойства относятся, а также признаки, понятые как проявление функционирования этих объектов.

В цветаевских текстах зафиксирована регулярность переносов **индикативного типа**. Приведем примеры, иллюстрирующие этот перенос, рассмотрев концепт *взгляд*.

Неразаданный взгляд... [Цветаева, 1994, с. 132]; *Юный ли* взгляд мой тяжел? [Цветаева, 1994, с. 252]; *Не тот же бесстрастный, оценивающий, любопытствующий* взгляд [Цветаева, 1994, с. 62]; *Не правда ли? - Льнущий, мнущий* // *Взгляд* [Цветаева, 1994, с. 39]; *Взор твой черный, взор твой зоркий* [Цветаева 1994, с.344]; *Сумрак ночей и улыбку зари* // *Дай отразить в успокоенном взоре* [Цветаева, 1994, с. 148]; *За их взгляд, изумленный насмерть, // Извиняющийся в болезни, // Как в банкротстве...* [Цветаева, 1994, с. 155]; *Сонный вперила* взгляд... [Цветаева, 1994, с. 347].

Особенностью данных переносов прилагательного является приписывание части человеческого тела или связанного с ним метонимически, по функции, проявления поведения или жизнедеятельности человека эмоционального состояния. Видеть в данных выражениях только импликацию смежных признаков представляется недостаточным. Перед нами сложный образ, который в текстах М. Цветаевой приобретает тенденцию повторяться в рамках различных концептов поля «человек». Это связано в первую очередь с осмыслением человека во всех его проявлениях как единого организма, отдельные части которого тесно связаны друг с другом. Помимо функциональной смежности признаков, относящихся к единому

объекту «человек», необходимо указать и на присутствие локативного механизма осмысления этих признаков. Человек мыслится как некое вместилище органов, а орган - как своеобразный контейнер чувств, эмоций и переживаний. Именно совмещение индикативного и локативного типов конверсивного метонимического переноса прилагательного дает наиболее адекватное объяснение возникновению логики подобных переносов.

Рассмотрим эпифразу, демонстрирующую нашу мысль. Во фрагменте *Сумрак ночей и улыбку зари // Дай отразить в успокоенном взоре* [Цветаева, 1994, с. 148] мы видим формирование переносного эпитета посредством указания на то «место» в организме человека, где впоследствии будет локализовано чувство спокойствия. Причем этот перенос как бы подготавливается предшествующим контекстом – перед нами как бы кинематографические кадры, на которых постепенно возникает сложный образ. Образность достигается и путем уподобления покоя сумраку ночей и заре, что рождает индивидуальный метафорический образ: в глазах отражается спокойствие человека, но оно воспринимается автором предельно окказионально; происходит ситуативное осмысление понятия в виде сложного образа, где метонимический эпитет выступает в качестве конечного, исходного пункта мысли поэта.

Такие интересные метонимические переносы эпитета наблюдаются и на других участках концептосферы «человек», например, концепт *рука*.

Безумные руки тянешь, и снегом - конь [Цветаева, 1994, с. 20]; *...Рукой заспанной ресницы трет, // Теперь правому плечу - черед* [Цветаева, 1994, с. 243]; *Сам нежные руки целует себе* [Цветаева, 1994, с. 237]; *Смелыми руками – вдоль перил витых* [Цветаева, 1994, с. 227]; *А рука-то занемелая, // А рука-то сонная...* [Цветаева, 1994, с. 215]; *Ревнивая длань – твой праздник* [Цветаева, 1994 с. 21]; *Длинной рукой незрячей, // Гладя раскиданный стан,...* [Цветаева, 1994, с. 358]; *Руки ... старческие, не знающие стыда* [Цветаева, 1994, с. 147]; *И движенья рук невинных – // слишком злы* [Цветаева, 1994, с. 421].

Рука традиционно воспринимается как орган человеческого организма, специализирующийся на двигательной деятельности, труде, заботе, ласке. Логика рассматриваемого типа переноса эпитетов приводит к расширению функционирования концепта: рука становится *зрячей, безумной, невинной* и т.д. Такой же набор эпитетов можно

увидеть при анализе любого авторского антропоморфного концепта. Приведем еще несколько примеров.

Дикими космами от плеч – метель. [Цветаева, 1994, с. 98]; *Резвый* поток золотистых кудрей зыблется... [Цветаева, 1994, с. 39]; *Кивок лукавый, короткий... памятный...* [Цветаева, 1994, с. 49]; *Чтоб голову свою в шальных кудрях // Как нежный кубок возносил в пространство...* [Цветаева, 1994 с. 463]; *Дело Царского Сына – // Быть великим и добрым // Чтить голодные ребра...* [Цветаева, 1994, с. 440]; *Стойкие ребра...* [Цветаева, 1994, с. 165]; *Детский и тихий вздрог // Вспомнившего плеча* [Цветаева, 1994, с. 284]; *Рвусь к любимому плечу* [Цветаева, 1994, с. 52].

Все микроконцепты допускают двойное прочтение и истолкование метонимических эпитетов. Возможно 1) восприятие человека, характеризуемого определением (метонимия в чистом виде): вспомнивший человек – вспомнившее плечо, и 2) индивидуальное восприятие автором текста субъекта, который производит впечатление о себе: так, выбранный признак-эпитет становится одним из многих возможных признаков, предстает как ситуативный и непостоянный.

Особенностью конверсивной локально-индикативной адъективной метонимии в цветаевских текстах является ее экспансия на смежные понятия как в пределах концептосферы «человек», так и за ее рамками при осмыслении природы и вещного мира.

Особенно показательно употребление метонимического эпитета в сочетании с абстрактным существительным, входящим в концептосферу «человек и его проявления». Показательно, что концепт *сон* (наряду с ним и такие концепты, как *печаль, тоска, грусть, память, совесть*) осмыслиется поэтом в той же логике, что и собственно органы человека – эпитеты выбираются предельно ситуативно; сферой-донором выступает вновь эмоциональное состояние человека: *В твой невыспавшийся сон* [Цветаева, 1994, с. 128]; *...будет разрешен // Себялюбивый, одинокий сон; Ведь не совместный сон, а взаимный* [Цветаева, 1994, с. 547]; *Вам мудрый сон сказал украдкой..* [Цветаева, 1994, с. 48]; *Что гонят думами упорный сон* [Цветаева, 1994, с. 10].

2. Вторичная метонимия признака основана на функциональной смежности объектов. Удобнее всего это продемонстрировать на примере концепта *рот*. Данный концепт богат своими функциональными воплощениями: от простого говорения до пения. Этим объясняется продуктивность метонимических эпитетов при данном определителе.

*Только и **памятлив**, что на песни // Рот твой улыбочивый* [Цветаева, 1994, с. 277]; *И целует, целует мой рот **поющий*** [Цветаева, 1994, с. 326]; *Запечатленный, как рот оракула - // Рот твой, **гадавший** многим* [Цветаева, 1994, с. 240]; *Эту живую рану // **Бешеным** ртом зажать ...* [Цветаева, 1994, с. 542]; *...рот живет..., **выбрасывающий** рудалды – «р»* [Цветаева, 1994, с. 473]; ***Безмолвный** рот его...* [Цветаева, 1994, с. 184].

Кроме обычных функций рта, мы видим необычные переносы прилагательного (например, *памятливый рот*), что объясняется авторской рефлексией над словом и индивидуальными ассоциациями. Такие ассоциации вполне укладываются в логику метафорического мышления поэта, так как нетипичные переносы распространяются практически на все концепты поля «человек».

Функциональная смежность признаков имеет свои разновидности. Если при индикативном типе конверсивной метонимии перенос признака основан на отношении между состоянием и его внешним проявлением (*боязливый взгляд*) и набор определений очень широк, ограничен лишь полем «эмоционально-психологическая сфера человека», то вторичная метонимия признака основана на имплицации признака, сопряженного объекту, на который происходит перенос.

Вторичная метонимия прилагательного, названная таким образом в силу отнесения признака к смежному объекту, способному выполнять сходные функции определяемого объекта, присутствует в скрытом виде в рассмотренных выше примерах конверсивной метонимии. На наш взгляд, разграничение этих типов метонимических переносов эпитета является условным; дело обстоит лишь в степени проявленности или затемненности функциональной стороны переноса. Наиболее явно вторичная метонимия признака предстает при характеристике объектов в узусе – в художественном тексте переносы осложняются образными ассоциациями. Практически любой фрагмент рассмотренных выше цветаевских текстов может быть интерпретирован в качестве вторичной номинации признака (*стойкие ребра* – стойкий человек, что проявляется в силе его ребер). Представляется, что такой взгляд на интерпретацию переносов эпитетов кажется несколько упрощенным, не раскрывающим сущности авторского осмысления реалии.

Приведенные примеры употребления адъективной метонимии конверсивного типа антропоморфной семантики свидетельствуют о ее продуктивности в тестах М. Цветаевой, что связано с особой эмоциональностью ее творчества, стремлением наделять

человеческими свойствами любой объект. Отметим, что неясность метонимии (о чем говорится в публикации Ф.Н. Гукетловой) [Гукетлова, 2010], участвующей в образовании переносных эпитетов и подмена ее при первичном восприятии метафорой, составляют специфику подобных эпитетов.

Литература

- Бирх А.К. Метонимия прилагательных в современном русском языке // Вестник ЛГУ. Сер. 2. 1987. Вып. 1.
- Гукетлова Ф.Н., Бербекова Ф.А. Метафорическая номинация концепта «красота» в разных лингвокультурах // Вестник Адыгейского государственного университета. 2010. № 4.
- Долинин К.А. Стилистика французского языка. Л., 1978.
- Мерзлякова А.Х. Типы семантического варьирования прилагательных в поле «Восприятие»: на материале английского, русского и французского языков: дис. ... д-ра. филол. наук. Уфа, 2003.
- Некрасова Е.А. Метонимический перенос в связи с некоторыми проблемами лингвистической поэтики // Слово в русской советской поэзии. М., 1978.
- Раевская О.В. О некоторых типах дискурсивной метонимии // Известия РАН. Сер. литературы и языка. 1999. Т. 58. № 2.
- Раевская О.В. Метонимия в слове и в тексте // Филологические науки. 2000. № 4.
- Сандакова М.В. О механизмах дискурсивной метонимии прилагательного // Филологические науки. 2004. № 3.
- Цветаева М.И. Собрание сочинений. М., 1994. Т. 1.

ЧАСТНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ НАУЧНО-ФИЛОСОФСКОГО ЭВОЛЮЦИОНИЗМА В ТВОРЧЕСТВЕ И. ЕФРЕМОВА

Е.А. Мызникова

Ключевые слова: эволюционизм, И. Ефремов, феномен нуля.
Keywords: evolutionism, I. Efremov, zero phenomenon.

Интеграция научного и художественного методов является одной из самых характерных черт научной фантастики. Во многом это связано с

1 В исследовательской литературе, посвященной вопросам научной фантастики, нами не встречен термин «научно-философский эволюционизм». На данном этапе нашего исследования словосочетание «научно-философский эволюционизм» является определением, наиболее полно отражающим способ научно-художественного осмысления действительности И. Ефремовым.

особенностью личности автора фантастического текста — как правило, в этом качестве выступает представитель технических или естественнонаучных специальностей, причем, зачастую не просто имеющий такого рода образование, но и достигший в той или иной области научно значимых результатов. И. Ефремов пришел в литературу состоявшейся личностью и известным ученым — доктором биологических наук и профессором палеонтологии. Ефремов-ученый, по сути, всю жизнь занимался расшифровкой геологической летописи земли, рассматривая «нашу планету как гигантскую лабораторию эволюции жизни на пути ее самоусовершенствования» [Ефремов, 1968].

Ключевые моменты научного мировоззрения воплотились и в художественном творчестве И. Ефремова, первоначально служившим для него сферой воплощения научных допущений, которые наука того времени не принимала за неимением весомых и авторитетных доказательств. В литературе одной из главных тем для него, так же, как и в науке, становится тема эволюции и совершенства как вершины этой эволюции. Правда, из области животного мира интересы Ефремова перемещаются в область материальной и духовной культуры.

Совершенство — это неискаженное развитие, оптимальное состояние, воплощенная целесообразность, калокатагия. В данном случае под совершенством понимается не **превосходство** и не **безукоризненность**, а завершенность, некий оптимум, нейтральность, которая достигается не через борьбу, а по принципу дополтельности. В связи с этим обратим внимание на то, что в творчестве Ефремова практически отсутствует борьба, война, а агрессия всегда является только вынужденной мерой. В то время как наука и искусство, мужчина и женщина, природа и цивилизация, север и юг находятся в отношениях взаимодополнения.

Одним из символических выражений этой идеи в творчестве И. Ефремова является многогранный и во многом необычный феномен нуля. Он занимает в его художественном наследии такую позицию, перед которой меркнут все остальные цифры и числа. По сути, в мире Ефремова под знаком нуля происходит строительство аналогий, свойственное любому художественному миру созидание — первый и самый важный шаг в преодолении хаоса.

Ефремов не выдумывал какой-то свой ноль. Он только воспользовался малоизвестными свойствами этого феномена, испытал их в сочетании со многими явлениями. В результате этого искусного,

но вовсе не искусственного слияния, эти явления получили иные качества и свойства.

Как ни «крути» нуль – графически, математически, философски – он является прототипом и пустоты, и бесконечности одновременно. Этот потенциал наглядно демонстрирует математическая операция «деления на нуль», являющаяся математическим табу. Логика этого запретного действия такова: при уменьшении знаменателя дробь автоматически возрастает, а значит, если знаменатель становится ничем, то результат поневоле должен обернуться бесконечностью¹. Таким образом невообразимое отсутствие превращается в такое же невообразимое бесконечное присутствие.

Графически «0» максимально близок букве «О». Зрительное знакомство с названиями и именами в произведениях Ефремова показывает, что применительно к определенным случаям он отдает явное предпочтение этой букве. Она встречается в самых различных наименованиях: антропонимах, зоонимах, топонимах, карабонимах и т. п.: «ОлгОй-ХОрхОй», «АтОлл ФакаОфО», КОтлас, РикОвери, Эрг НООр, Олла Дез, Веда КОнг, Фай РОдис, ВолОхОв, ТускарОра, Таца-ГОл, Даган-ТОлОгОй, МОнгОлия, ГОби.

При этом, если взять названия рассказов, то «круглые» названия последовательно соотносятся сначала с их центральными объектами, а затем и с содержанием. Так, атолл представляет из себя коралловый остров, имеющий форму сплошного или разорванного **кольца**, окружающего лагуну небольшой глубины. А Олгой-Хорхой – это животное, у которого *«не было заметно ни ног, ни даже рта или глаз <...> Оба конца были тупые, и разобрать, где голова, где хвост, было невозможно»*. Иначе говоря, не понятно, где начало, где конец, так же, как нуль – это начало и конец. А в момент смертельного разряда *«червяки свились каждый в кольцо»* [Ефремов, 1944, с. 100].

Стержнем романа «Лезвие бритвы» становится поиск и описание идеи целесообразности в мире и в природе человека, в частности. Гириным следующим образом размышляет о красоте Симы: *«Нечего сказать, – внутренне улыбнулся Гирин, – ясное у меня мышление. “Неуловимое совершенство”;* вот, может быть, верное определение Симы. Нет, неверно, оно **не неуловимое**, а очевидное настолько, что, кажется, нет мужчины, да и женщины, которые не провожали бы

1 Иными словами, 2x0 – это 2 взять 0 раз, а 2:0 – это сколько раз 0 умещается в двойке. Ответ: бесконечное количество раз.

Симу несколько озадаченным взглядом, сначала не заметив в девушке ничего особенного. Да-а, теоретик красоты запутался. О, нашел! **Математическое выражение**, то самое, о котором говорил молодой математик, – **“диалектическая двусторонняя гармония, нуль-линия”**» [Ефремов, 1993, т. 4, с. 122]. Ефремов зачастую отказывается от неуловимости и полутонов в пользу точности наблюдений и выражения мысли. Опираясь на науку, он привносит в художественное творчество точность и логику. Стилиевые погрешности компенсируются целостностью художественного мира.

«Лезвие бритвы», будучи вроде бы до очевидности прозрачной метафорой, становится еще более стройной и прозрачной после ее наложения на математическую точность: *«Вы говорили о тонкой границе между двумя противоположными назначениями или процессами и употребили образное сравнение со стрелкой, трепещущей между противоположными знаками. Но ведь тогда математически – это нуль, а красота, как совершенство, тоже математически – нуль. Или, по-другому, красота есть и целесообразность, и жизненная энергия вместе. В ней замкнутая двойственность нуля!»* [Ефремов, 1993, т. 4, с. 119].

По сути, реализации того же эстетического принципа посвящен последний роман Ефремова «Таис Афинская». В силу того, что это самый художественный текст, в отличие, например, от «Лезвия бритвы», обозначенного самим Ефремовым как роман экспериментальный, то все научные аналогии становятся скрытыми. Таис является воплощением внутреннего и внешнего женского совершенства, в описании которого уже отсутствует математический анализ как доказательство, а графический эквивалент нуля становится либо украшением (гранатовое ожерелье, кольца, браслеты), либо сопровождением внешних проявлений Таис (круглые зеркала и два вращающихся шара во время ее танца).

Нуль занимает свое значимое место и в футурологических произведениях Ефремова, по природе своей более близких к науке, – романе-утопии «Туманность Андромеды» и романе-предупреждении «Час Быка». Эпохи в истории развития человечества так или иначе связаны с понятием замкнутости или разомкнутости: Эра

1 Заметим, что эта двойственность нуля проявляется и в лингвистическом аспекте: внутри синонимического ряда слова «нуль» наблюдается очевидная антонимия: нуль – граница – начало – ничто – бесконечность – норма – совершенство – середина – конец.

Разобщенного Мира, Эра Мирowego Воссоединения, Эра Великого Кольца.

Великое Кольцо, по Ефремову, — система межзвездной связи, осуществляемая цивилизациями обитаемых звездных миров посредством направленных излучений. За 408 лет до событий, описанных в романе «Туманность Андромеды», ученый Кам Агат смог уловить передачу с планетной системы двойной звезды 61 Лебеда. Это событие позволило человечеству Земли включиться в Великое Кольцо, и таким образом ознаменовало новую эру в существовании человечества.

Действие в романе «Час Быка» происходит значительно позже, в далеком будущем, в Эру **Встретившихся Рук** — период, когда появление сверхсветовых звездолетов позволило достигать далеких миров с разумными обитателями в относительно короткие сроки. Космический корабль «Темное пламя» с землянами на борту отправляется на планету Торманс, название которой очевидно происходит от слова «тор» — геометрической фигуры вращения, имеющей две поверхности и не имеющей краев.

Движение в космическом пространстве должно осуществляться только через **нуль-пространство** как границу между миром и антимиром, между миром Шакти и Тамасом, где взаимно уравновешены и нейтрализованы полярные точки пространства, времени и энергии» [Ефремов, 1944, т. 5, с. 15]. Под Тамасом подразумевается пространство тьмы и смерти, откуда невозможно вернуться. Под Шакти — космическое пространство, в котором находится Солнечная Система. При этом Шакти, так же как и целый ряд понятий, заимствованное Ефремовым из восточной философии, изначально обозначает богиню, супругу бога Шивы, или, в более широком смысле, женскую творческую энергию.

Великое Кольцо и Тор соотносятся с символом планеты Торманс — змеей, кусающей себя за хвост — Уроборосом.

Имя начальника космической экспедиции Фай Родис начинается на букву Ф — графической иллюстрации грани, по обеим сторонам которой находится нечто, например, Тамас и Шакти. Кстати, именно она почти постоянно находится в состоянии серьезного нравственного выбора: решить мирно или ступить на тропу войны, улететь с Торманса вместе с экипажем или остаться и т.д.

При ближайшем рассмотрении становится очевидно, что все художественные тексты Ефремова репрезентируют одну и ту же идею под разными углами зрения. Скажем, «Час Быка» так же, как и «Лезвие

Бритвы», по сути, посвящены описанию тонкой грани, на которой находятся человек («Лезвие Бритвы») и человечество («Час Быка»). Час Быка – время, в которое рождена Земля. Рождение – это момент, в который осуществляется выбор, это тоже начало времени отсчета, нуль, или лезвие бритвы.

Таким образом романное творчество Ефремова представляет из себя метатекст, развернутую метафору, которую Ефремов последовательно проводит через тексты, посвященные описанию различных сфер человеческой деятельности, применяя при этом подходящий научный «инструментарий». Принцип лезвия бритвы проецируется на эстетику (красота), социологию (сравнение общественного устройства на разных планетах и в разные эпохи), философию и астрофизику (в ракурсе фантастики).

Мы предполагаем, что раннее творчество Ефремова в сжатом виде содержит все основные идеи, реализованные в позднем романном творчестве, главным образом, описанную выше идею лезвия бритвы.

В ранних рассказах Ефремов обращает читательское внимание на то, что действие всегда или почти всегда происходит в исключительных и труднодоступных местах. Этот принцип выдержан в первом сборнике «Пять румбов» (1944): открытый океан («Встреча над Тускаророй»), степь («Путиами старых горняков»), горы («Озеро горных духов»), пустыня («Олгой-Хорхой») и гольцовая тундра («Голец Подлунный»). Это либо максимально открытое и минимально заполненное пространство (степь, океан и пустыня), либо дикое и неизведанное (горы и гольцовая тундра).

Ефремов как будто намеренно подчеркивает Однообразие местности. Это либо море воды с абсолютным отсутствием суши, либо море песка с абсолютным отсутствием воды. Ефремов практически «обнуляет» пространство, нарочно, во многом нарочито, опустошает пространство своих художественных текстов: это однообразие, безлюдье, тишина и неподвижность.

Следующим образом он описывает пространство в «Олгой-Хорхое»: *«Здесь кончилась борьба первобытных космических сил и жизни, победила **бесстрастная** сила энтропии, и только **недвижная** материя горных пород еще вела свою **молчаливую** борьбу с разрушением... В этой борьбе **мертвой** материи чувствовалась обреченность и печаль **безнадежного** отчаяния, скрытая под маской **неподвижного безразличия**. Именно это и*

было написано на лице Азии, — таком, каким я его увидел в тот вечер. Непередаваемая грусть окружающего наполнила и мою душу» [Ефремов, 1944, с. 96]. Так Ефремов описывает пространство, в котором концентрируются **бесстрастность**, **безнадежность**, **безразличие** и **неподвижность**. В данном случае нуль предстает в значении «ничто». Здесь нет движения, нет звука, а то, что есть — только мираж. Даже машина напоминает рассказчику то птицу (стоящая накренья, с распахнутыми, как крылья, дверцами), то серого жука (далеко внизу). А последнее предложение воплощает нуль, *закольцовывая* внутреннее состояние рассказчика с *окружающим*.

Пустота пространства здесь подчеркивается также отсутствием теней: *«Тени в этот час исчезали, и разная степень освещенности песков отражалась лишь в большей или меньшей примеси красного тона. Этот странный цвет еще больше подчеркивал мертвенность песков»* [Ефремов, 1944, с. 98]. Известно, что тень никогда не исчезает: в момент, когда солнце находится в зените, на экваторе тень уходит под объект. В данном случае отсутствие тени становится художественным приемом: теней нет, поскольку нет ничего.

«Обнуление» обнаруживается также в «безыменности барханов» и отсутствии названия неизвестного гольца, который впоследствии получает и название, и координаты. Становясь не просто гольцом (голый = нуль), а Гольцом Подлунным, он попадает из пустого застывшего мира в наполняющийся мир географической карты.

Ефремов нарочито опустошает мир, как бы направляя все внимание на совершаемые рассказчиками открытия. В своем раннем творчестве он похож на фокусника, достающего нечто из пустоты шляпы, из ничего делающего все.

Кроме того, нуль всегда или почти всегда символизирует границу: в математике — границу между отрицательными и положительными числами, в физике (по шкале Цельсия) — температуру плавления льда, в географии — нулевой меридиан (гринвичский) и нулевую параллель (экватор) — исходные точки отсчета долготы и широты. В целом, все творчество Ефремова балансирует на грани между художественным и научным миропониманием. Ефремов пришел в литературу из науки. Разграничить Ефремова-ученого и Ефремова-писателя возможно, но нецелесообразно, поскольку именно сумма этих двух сторон

личности писателя и определяет специфику его творчества. В литературу он пришел из палеонтологии, науки, находящейся «как бы на границе между двух смежных наук, пользующихся разными методами исследования. Одна из них – геология – имеет дело с неживой материей, а другая – биология – занимается органической жизнью» [Брандис, Дмитриевский, 1963, с. 21]. И в литературе Ефремов также предпочитает пограничные явления: пространственные («На краю Ойкумены», «Путями старых горняков») и временные («Голец Подлунный») границы, пограничные состояния психики («Эллинский секрет», «Лезвие бритвы»). Это тонкая грань между вымыслом и реальностью, научностью и художественностью — творчество на «лезвии бритвы».

Ефремов-писатель начинает как автор научно-фантастических рассказов, постепенно переходя к созданию футурологических текстов. Различие между ними состоит в том, что научно-фантастическое произведение почти всегда содержит в себе элемент открытия, удивления, озарения, в то время как в футурологических текстах все фантастическое воспринимается как данность. Эту особенность художественной эволюции Ефремова мы соотнесим и с тем, что в первом периоде творчества Ефремов еще только намечает основные направления, в позднем же – проговаривает их, переходя от понятий к их субъективному восприятию, данному в художественной форме. Так, исследуя поздние произведения Ефремова, мы обнаружили, что его представление об основных понятиях зиждется не на пустом философствовании, а на конкретных научных основаниях. Во всяком случае, для основных эстетических категорий подобрана строгая научная аналогия. В то время как ранние рассказы являются своего рода «генетической базой» для более поздних произведений, что и было нами продемонстрировано в данной статье на примере феномена нуля.

Литература

Брандис Е., Дмитриевский Вл. Через горы времени. Очерк творчества Ивана Ефремова М.-Л., 1963.

Ефремов И.А. Пять румбов : рассказы о необыкновенном. М., 1944.

Ефремов И.А. Собрание сочинений : в 2-х тт. М., 1993. Т. 4, 5

Ефремов И.А. Тайны прошлого в глубинах времен. М., 1968.

МОТИВ БЕССТРАШИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ М.А. БУЛГАКОВА И В.М. ШУКШИНА

С.А. Кабакова, С.А. Комаров

Ключевые слова: М.А. Булгаков, В.М. Шукшин, модель героя, роман, мотив бесстрашия.

Keywords: M.A. Bulgakov, V.M. Shukshin, model of hero, novel, motive of fearlessness.

Проблема «Шукшин и Булгаков» остается на сегодняшний день одной из самых не разработанных. Замечания о творческих переключках двух мастеров слова наличествуют в работах О.В. Тевса, Е.А. Москвиной, В.В. Десятова, Т.Л. Рыбальченко, С.М. Козловой, Г.Ф. Павликова. Имя автора романа «Мастер и Маргарита» не встречается в художественных текстах, публицистике, обнародованных письмах Шукшина. Однако в беседах с единомышленниками создатель «Калины красной» давал высокую оценку творчеству Булгакова. Писателей роднят не только присущее их произведениям игровое начало, условность повествования, но и осознание того, что русский человек середины XX века стоит на самой границе между добром и злом, правды и лжи, на грани превращения в тотально «московского» (по Булгакову) или «энергичного» (по Шукшину) человека.

Роман «Мастер и Маргарита» вышел к широкому читателю лишь через 26 лет после смерти автора, причем в сокращенном журнальном варианте (1966 год), и вызвал немало споров и догадок, стал жить особой жизнью в литературе, превратился в феномен, корректирующий весь литературный процесс и эстетическую практику наиболее восприимчивых мастеров слова. Именно «поздние» произведения Шукшина обнаруживают широкий спектр переключек с творчеством Булгакова и в частности с романом «Мастер и Маргарита».

Над образом Степана Разина Шукшин размышлял с начала 1960-х годов (в 1962 году в четвертом номере журнала «Москва» появился рассказ «Стенька Разин») до самой смерти в октябре 1974 года. В качестве предмета особой любви народный заступник входит в жизнь Шукшина со школьных лет: с момента, когда он впервые услышал песню «Из-за острова на стрежень». В марте 1966 года Шукшин подает заявку на литературный сценарий «Конец

Разина»; в мае-июне 1968 года сценарий «Я пришел дать вам волю» («Степан Разин») опубликован в журнале «Искусство кино» и признан лучшим на втором Всесоюзном конкурсе сценариев. Роман о Степане Разине Шукшин пишет позднее, после киносценария, и завершает его в 1969 году. Как отмечает Л.А. Аннинский, если для первой главы писатель «долго ищет название («Помутился ты, Дон, сверху донизу»; «Вольные донские казаки»; «Вольные казаки»), вторая часть называется неизменно: «Мстите, братья!». Третья часть («Казнь») оформляется в окончательной редакции позднее, в 1970 году» [Шукшин, 1992, с. 447]. Несмотря на то, что роман появился в январе 1971 года в журнале «Сибирские огни», Шукшин продолжает вносить изменения в текст произведения: «Один из этапов этой работы означен записью, сделанной женой писателя Л.Н. Федосеевой-Шукшиной 11 января 1974 года: "Последняя ночь переписки седьмого раза романа о Разине» [Шукшин, 1992, с. 452]. Так, окончательный текст романа о Разине оформляется лишь к 1974 году, тем самым у «закатного» произведения Булгакова есть от трех до семи лет для непосредственного вовлечения Шукшина в поле своего воздействия.

Очевидно, что наибольшее сопряжение мысли романистов обнаруживается в текстовой сфере ершалаимских глав «Мастера и Маргариты» и третьей части романа Шукшина под названием «Казнь». В целом сюжетный инвариант глав произведений складывается из сходных элементов: герой-мятежник, окруженный миром, где правят страх и молчание перед силой власти, открыто говорит правду и призывает людей следовать правде; подвергается предательству; попадает в руки закона; не отступая от своих слов, приговорен к публичной смертной казни. Сам Шукшин в романе проводит параллель Разин – Христос. Так, Матвей Иванов пытается предостеречь атамана, вспоминая трагичную историю гибели сына божьего: *«Ты про Иисуса-то знаешь? <...> Хорошо знал: ему же там – гибель, в Иерусалиме-то, а шел туда. Я досе не могу понять: зачем же идти-то было туда, еслив наперед все знаешь? Неужто так можно? А глядел на тебя и думал: можно. Вы что, в **смерть не верите**, что ли? То ли вы думаете: любят вас все, - стало, **никакого конца не будет** <...> Или уж и жить, что ли, неохота становится – наступает пора»* [Шукшин, 1992, с. 325]. Слова «в смерть не верите», «никакого конца не будет» свидетельствуют о важном качестве Степана, характерном и для героя Булгакова, – о бесстрашии. Шукшин и за пределами романа подчеркивал эту

особенность в характере героя: *«Что сделало Разина народным героем? Редкая, изумительная, почти невероятная способность к полному самоотречению. Таких героев в истории человечества немного. Способный к самоотречению, он идет на смерть без страха и – живет в благодарной памяти людской, в песне, в легенде»* [Шукшин, 2009, с. 113]. Идти на смерть без страха, бороться за правду, за волю до конца – вот что отличает Разина от других героев романа. Слова народного заступника: «Я пришел дать вам волю» в этом контексте звучат уже как «Я пришел дать вам правду», потому что Степан, как и Иешуа, наделен верой в правду, внутренней свободой, их не может отнять страх наказания, приближающейся смерти: «Лучше смерть, лучше не быть, и все. Но смерти еще нет. Смерть щадит слабого – приходит сразу; сильный в этом мире узнает все: позор, и муки, и суд над собой, и радость врагов» [Шукшин, 1992, с. 345]. Два сильных героя, действительно, познали все, но обрели и пережили то, что другим не ведомо, – бесстрашие.

Иешуа было не только «легко» говорить правду, но и, самое главное, «приятно», людей очаровывала его смелость. Ничто и никто не в силах здесь повлиять на его открытость, заставить замолчать или солгать: *«–И что же ты сказал? – спросил Пилат. – Или ты ответишь, что ты забыл, что говорил? – но в тоне Пилата была уже безнадежность. <...> всякая власть является насилием над людьми и что настанет время, когда не будет власти ни кесарей, ни какой-либо иной власти. Человек перейдет в царство истины и справедливости, где вообще не будет надобна никакая власть»* [Булгаков, 1990, с. 32]. Иешуа говорит уверенно, решительно, победоносно, Пилат чувствует духовную свободу бродячего философа. Прокуратор внутренне желает ощутить ту же свободу, на миг обрести подобное бесстрашие. И ему это отчасти удастся при разговоре с первосвященником: «с каждым словом <...> становилось легче и легче: не нужно больше притворяться, не нужно было подбирать слова» [Булгаков, 1990, с. 38]. Однако Пилат в то же время знает, что его слова никто, кроме Каифы, не услышит, прокуратор обезопасил себя.

Следует напомнить, что бродячему философу Булгакова не чужды и чувства тревоги, страха («с тревожным любопытством» смотрел на прокуратора, пытался «отвечать толково, не вызывать более гнева», «ужас мелькнул в глазах арестанта оттого, что он едва не оговорился», просит игемона отпустить его). Но он умеет

переступить через страх за свою телесную жизнь, принимает смерть достойно и, будучи распятым на кресте, думает о ближнем своем, просит дать пропитанную водою губку Дисмасу. Словно по той же дороге, которую на страницах романа прошел Иешуа перед казнью, проходит Разин Шукшина. У него страха перед мучителями нет, он мужественно переносит все пытки, подбадривает брата, не показывает врагам своей слабости. Даже во время чтения смертного приговора Степан «старался изо всех сил стоять прямо», «спокойно», «гордо» [Шукшин, 1992, с. 358–359].

Судьбы героев Булгакова и Шукшина складываются трагически, и этим они обязаны той истине, которая им открыта: для Иешуа — это идея добра, для Степана — это идея воли. Шукшин писал о своем герое: «Степан Разин был жесток. Но с кем? Если человек силен, то он всегда с кем-то жесток, а с кем-то нет. Во имя чего он жесток? Если во имя власти своей — тогда он, сильный, вызывает страх и омерзение. Тогда он — исторический карлик, сам способный скулить перед лицом смерти: она сильнее, она разит его. Степан не может быть так жесток» [Шукшин, 2009, с. 115]. Эти слова свидетельствуют, что Разин — «человек, принявший в сердце народную боль, поднимает карающую руку от имени народа» [Шукшин, 2009, с. 115], жесток и бесстрашен во имя воли народа.

Шукшинская формула (добро — зло — борьба — жестокость отношений) содержится во всех «поздних» произведениях писателя. Появляется новый герой у Шукшина, которого он увидел в романе Булгакова, в образе Иешуа, и который становится стержневым для «позднего» творчества мастера слова. Так, образ Егора Прокудина в киноповести «Калина красная» (литературный сценарий одноименного фильма написан осенью 1972 года) создается по модели Разина.

Прокудин, зная, что подписал себе смертный приговор в воровском мире, уходит в село Ясное, перестает бояться неминуемой расплаты, переступает границу страха, обретает бесстрашие: *«И теперь, когда от пашни веяло таким покоем, когда голову грело солнышко и можно остановить постоянный свой бег по земле, Егор не понимал, как это будет — что он остановится, обретет покой. Разве это можно?»* [Шукшин, 1992, с. 353]. Принятие судьбоносного решения приходит не внезапно, долгая внутренняя борьба происходит в герое: то он тянется к «бардаку», то стремится к Любе. Но, познав теплоту домашнего очага, обретя забытое с детства чувство дома, ощутив любовь и бескорыстие людей почвы, герой выбирает мир труда. Прокудин, подобно Разину, с честью встречает смерть. Видя «гостей» у края пашни, он идет навстречу к

Губошлепу новой трудовой походкой. Сохраняя спокойствие, Егор отпускает свою помощницу Галю домой, осматривает поле, чтобы не было случайных свидетелей, шагает к убице, оставляя позади жизнь (о фигуре Губошлепа и линии Губошлеп – Воланд см. подробнее [Комаров, 2011, с. 162–164]).

Не случайно Шукшин вводит в текст «Калины красной» упоминание о Степане Разине: «Ты вида не показывай, что мы напугались или ишо чего <...> – учил ее дед. – Видали мы таких <...> Разбойников! Стенька Разин нашелся» [Шукшин, 1992, с. 312]. Параллель Степан Разин – Егор Прокудин, проводимая писателем, обозначает близость в авторском сознании как характеров, так и судеб героев произведений. Жизнь без границ, воля грезится как атаману, так и вору-рецидивисту: «Так закончился последний срок Егора Прокудина. Впереди - воля»; «И вот она – воля!»; «Воля и весна! Чего еще человеку надо?» [Шукшин, 1992, с. 291, 294, 295].

Исследователи писали о близости Разина и Прокудина. Например, Е.И. Конюшенко отмечает, что в романе «Я пришел дать вам волю» герой «совершает поругание иконы Божьей Матери (мотив немаловажный для понимания коллизии в киноповести «Калина красная» – отношения Егора Прокудина <...> с матерью; ср. оценку этого поступка митрополитом Иосифом: «Не ее ты ударил! – он показал на икону. – Свою мать ты ударил, пес!»)» [Конюшенко, 2006, с. 121]. Безудержный, стихийный, противоречивый характер роднит двух героев, которые в порыве чувств совершают страшные поступки. За этой противоречивостью, «расколом народной души» Шукшин ощущал «горькую неотвратимую беду» [Шукшин, 1992, с. 454]. Поэтому обретаемое бесстрашие является предвестником скорой гибели.

Черты Степана Разина и Егора Прокудина контаминированы Шукшиным в фигуре Ивана из повести-сказки «До третьих петухов» (написана в июле 1974 года). Иван-дурак – это выходец из народа, герой народных сказок, символ национальной души. Он наделен качествами, присущими как Разину, так и Бездомному, Прокудину: сообразительность, непреклонная воля, неукротимый характер, сметливый ум, выносливость, твердость, доброта, терпение, стойкость, отзывчивость. Герой народных сказок долгое время находится взаперти, в неведении правды – на полке в библиотеке. Ситуация изгнания пробуждает сознание героя, лишь в походе за справкой Ивану открывается другой мир, отличный, как ему кажется, от библиотеки. Герой видит, что темные силы (черти, мудрецы, скучающая молодежь) стремительно заполняют и подчиняют этот мир, что практически не осталось тех, кто готов бороться с завоевателями. Он

сам при первой встрече с Горынычем испытывает страх, но пытается победить в себе это чувство: «Вечно кого-то боимся, кого-то опасаемся. Каждая гнида будет из себя <...> великую тварь строить, а тут обмирай от страха. Не хочу! Хватит! Надоело! – Иван и в самом деле спокойно уселся на лавку, достал дудочку и посвистел маленько <...> Он меня, видите ли, пугать будет! <...> Хрен тебе!» [Шукшин, 1992, с. 510]. На протяжении всего похода Иван не задумывается о своей гибели, вступает в сделку с темными силами, обманывается, находится в отчаянии, но размышляет, как изменить сложившуюся ситуацию. В Иване появляется душевная сила, которая возносит его над тревогой и страхом, поддерживает в нем решительность и ясность ума. В герое зарождается бесстрашие, но возвращается Иван в библиотеку далеко не победителем, «пришел - кругом виноватый» [Шукшин, 1992, с. 547]. Теперь он стоит на распутье: с кем ему быть с чертями, мудрецами, присоединиться к скучающей молодежи или вести борьбу против них, отстаивая лучшие ценности человечества, выбрать путь народного заступника – Степана Разина. Открытым финалом заканчивается повесть-сказка, потому что от выбора Ивана зависит не только его судьба, но и всего русского народа.

Понимание этого пришло к Шукшину именно через Булгакова, правда, в транскрипции журнала «Наш современник» (имеется в виду статья П.В. Палиевского «Последняя книга М.А. Булгакова», напечатанная в данном журнале в 1969 году (№ 3) и ставшая особенной репликой в дискуссионном поле советской прессы конца 1960-х о романе (В. Лакшин, И. Виноградов, Л. Скорино, О. Михайлов, А. Вулис, В. Скобелев, И. Мотяшов, М. Гус, А. Метченко и др.)). Очевидно, что указанная реплика (статья П.В. Палиевского) во многом спровоцировала Шукшина на замысел повести-сказки, а также очертила модель идеологии всякой чертовщины вокруг Ивана.

Автором статьи программно был адаптирован к народно-трудовым демократическим стандартам сам образ Булгакова: «Такое лицо могло быть у инженера и летчика, вроде того, что было нарисовано на довоенной синей пятирублевке, – человек, который не потеряется в любом деле» [Палиевский, 1979, с. 268]. В центре булгаковского романа, по Палиевскому, «не величественные раздумья о судьбах искусства, но что-то жизненно необходимое, еще не решенное, как раздвигающиеся полюса одной идеи, в центре которой – Россия».

Так удобно, как бы специально под Шукшина выстраивает Палиевский свою интерпретацию. «Идея» России у него связана именно с Иваном, к нему «обращен» весь роман: «Он возвращает себе собственное имя и от Бездомного начинает понимать, что существует дом, свое, через

дом соединяющееся с общечеловеческим – с историей, которую он избрал себе специальностью («сотрудник Института истории и философии», – сказано там), что есть народ в этой истории, составивший и создающий его имя среди бесчисленных других, словом, есть то растущее целое, которое не в силах разложить никакие Коровьевы и Воланды. Понятно, что этот переход едва намечен. Он и не мог быть иным. От превращения Бездомных в Поньревы слишком многое зависит, чтобы автор мог отнестись к этому несерьезно...» [Палиевский, 1979, с. 270].

Палиевский рассуждает о паре Берлиоз – Бездомный, о том, что «ей суждено разойтись» у Булгакова, но ведь и последующие «предложения могут быть совершенно новыми», потому что проблема глумления над народом и народным героем – проблема центральная, острая и нерешенная до сих пор: «Вот об этом-то и писал Булгаков: о глумлении, западающем тотчас же в нашу слабость и непонимание, и о чести и мысли, способных вывести свою правду из любых положений. <...> Оттого его посмертная и недосоставленная книга так естественно вошла в современный интерес; возможно, и что-то открыла в наших далеких от нее днях» [Палиевский, 1979, с. 271]. Очевидно, что Палиевский интерпретацией булгаковского романа моделирует в качестве остроактуального сюжет пути шукшинского Ивана за справкой, его встречу с многоголовым коллективным Берлиозом, повсюду преследующего народного героя и оккупировавшего все поры русской жизни и культуры.

Так изнутри «малого времени» (М.М. Бахтин) открывается тот поворот в направленности моделирования героя и сюжета, который произошел в творчестве Шукшина конца 1960-х годов и был связан с «встречей» (М.М. Бахтин) писателя с наследием Булгакова и его специфической рефлексией своими современниками.

Литература

- Булгаков М.А. Собрание сочинений : в 5-ти тт. М., 1990. Т. 5.
 Комаров С.А. От мелодрамы и повести для театра к трагикомедии (В. Шукшин, А. Вампилов) // Языковые стратегии русской драматургии (введение в экографию). Тюмень, 2011.
 Коношенко Е.И. Разин // Творчество В.М. Шукшина : энциклопедический словарь-справочник. Барнаул, 2006. Т. 2.
 Палиевский П.В. Последняя книга М. Булгакова // Палиевский П.В. Литература и теория. М., 1979.
 Шукшин В.М. Собрание сочинений : в 5-ти тт. Екатеринбург, 1992. Т. 2, 3, 5.
 Шукшин В.М. Собрание сочинений : в 8-ми тт. Барнаул, 2009. Т. 8.

«КОММУНИКАТИВНАЯ ПАРАДИГМА В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ : ЧЕЛОВЕК – ЯЗЫК – ТЕКСТ»

К ПОСТРОЕНИЮ ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ КОММУНИКАЦИИ : СТАТЬЯ ВТОРАЯ¹

А.А. Чувакин

Ключевые слова: филологическая теория коммуникации.

Keywords: philological theory of communication.

Значимость проблемы оснований научной теории традиционно связывается с решением задачи ее построения [Мостепаненко, 1972; Рузавин, 1978]. В более широком плане об этом пишет акад. В.С. Степин, рассматривающий основания науки: «Основания являются именно тем слоем в системной динамике знания, который, с одной стороны, непосредственно связан с конкретными теориями и фактами каждой дисциплины, а с другой, – определен мировоззренческими установками и другими социокультурными факторами, опосредуя их влияние на специальные процедуры эмпирического и теоретического исследования» [Степин, URL].

Особую важность данная проблема приобретает в связи с развитием междисциплинарного гуманитарного знания, в состав которого входит и знание, названное нами филолого-коммуникативным. Оно возникает и складывается в процессе обращения гуманитарных наук к разным предметам, которые проходят, так сказать, по ведомству разных наук (дисциплин) и для понимания которых необходимы представления, существующие по

¹ Статья первая опубликована в: Филология и человек. 2011. № 4.

крайней мере, в нескольких отраслях (областях) гуманитарного знания, в нашем случае филологической и коммуникативной.

Обращение к филолого-коммуникативному знанию делает проблему и более сложной.

Филолого-коммуникативное знание входит в систему гуманитарного знания. Тема же оснований научной теории обычно обсуждается на материале естественных наук, соответственно и параметры оснований задаются по «образу и подобию» естественнонаучных теорий, что далеко не всегда применимо к гуманитарным. Будет уместным привести остроумное замечание акад. Д.С. Лихачева о различиях между гуманитарными и естественными науками: «Литературоведение должно стремиться к точности, если оно хочет оставаться наукой. Однако именно это требование точности ставит вопрос о степени допустимой в литературоведении точности и степени возможной точности в изучении тех или иных объектов. Это необходимо хотя бы для того, чтобы не пытаться измерить миллиметрами и граммами уровень, размеры и объем воды в океане» [Лихачев, URL].

Укажем еще один фактор сложности. Это статус филологии и теории коммуникации¹ в системе гуманитарных наук.

В отечественной филологии существует устойчивое мнение о том, что филология представляет собой не отдельную науку, а совокупность (содружество) гуманитарных наук и дисциплин. Это мнение в формулировке Г.О. Винокура звучит следующим образом: «филология не есть наука, точнее... нет такой науки, которую в отличие от других можно было бы обозначить словом «филология» как ее названием» [Винокур, 2000, с. 51]. Уровень дифференциации наук и научных дисциплин на современном этапе развития филологии, степень их самостоятельности позволяет согласиться с приведенным мнением².

Еще более сложная ситуация имеет место в теории коммуникации: «На фоне мощного развития и глобализаций коммуникаций отсутствует интеграция знаний о коммуникационных процессах в виде особой науки. Объект, предмет, теории, отрасль есть, а науки нет» [Яковлев, 2006, с. 8–9]. Здесь, следовательно, актуальна задача поиска новой парадигмы и методологии

¹ Наименование «теория коммуникации» здесь и далее используется для обозначения учения о социальной коммуникации в единстве его теоретических и прикладных аспектов. Ср.: [Василик, 2004].

² Более подробно эта проблема обсуждается в: [Чувакин, 2011].

исследования коммуникации как самостоятельной области знания, а именно науки о коммуникации [Василик, 2004]. Та же проблема, по времени раньше отечественных авторов и несколько в иных аспектах, фиксируется западными исследователями. Приведем суждения двух из них. Е. Barnouw, главный редактор четырехтомного издания «International Encyclopedia of Communications» (США) в преамбуле пишет, что всепроникающей реальностью стал термин коммуникативная революция (communications revolution); и далее: «Modern society is to an astonishing extent the constantly evolving product of this revolution. The centrality of communication in human history has become clear, explaining why such varied disciplines as anthropology, arts, education, ethnology, history, journalism, law, linguistics, philosophy, political science, psychology, and sociology have all gravitated toward the study of communication processes and have collaborated in the creation of the new discipline» [Barnouw, 1989, p. 19] – «Современное общество есть в удивительной степени постоянно развивающийся продукт этой революции. Центральная позиция коммуникации в человеческой истории не вызывает сомнения и объясняет, почему такие различные дисциплины, как антропология, искусство, образование, этнология, история, журналистика, юриспруденция, лингвистика, философия, политология, психология, социология все более тяготеют к изучению процессов коммуникации и сотрудничают в создании новой дисциплины» (перевод мой. – А.Ч.). Польский исследователь I. Wiśniewska-Salamon обращает внимание на то, что: «Komunikacja ludzka to temat, który leży w polu zainteresowań prawie wszystkich dyscyplin humanistycznych» [Wiśniewska-Salamon, 2012, s. 140] – «Человечная коммуникация – это тема, которая находится в поле интересов практически всех гуманитарных дисциплин» (перевод мой. – А.Ч.).

Из сказанного ясно, что основания филологической теории коммуникации нецелесообразно искать на базе восходящих к естественным наукам исходных понятий, принципов, гипотез, совокупности допущений. Учитывая, что гуманитарное знание характеризуется ре-конструктивностью, диалогичностью, соразмерностью человеку [Бермус, 2007, с. 11–12], обратимся к идее как базовой категории, позволяющей выявить и сформулировать основания филологической теории коммуникации. (В пользу нашего решения говорит и следующее замечание Ж.П. Сартра: «интеллектуал... скорее всего мыслит в идее» [Сартр, 1994, с. 168]).

Идея как категория науковедения зарекомендовала себя уже в трудах американского философа и историка идей А. Лавджоя (1873–1962). В книге «The Great Chain of Being: The Study of the History an Idea» (1936; русский перевод: «Великая цепь бытия: исследование истории идеи». 2001) сформулировано представление об идее как сложном целом, организованном из различных элементов, в число которых входят убеждения, способ мышления; «доминирующий мыслительный ход, логическая уловка, методологическое предпочтение»; «философская семантика» – «анализ сакраментальных понятий и выражений того или иного периода или течения, прояснение их двусмысленностей, перечисление различных оттенков значения и изучение того, как неясные ассоциации идей, возникающие из этих двусмысленностей, влияли на развитие доктрин и подталкивали незаметную трансформацию одной модной мысли в другую, порой полностью ей противоположную» и др. [Лавджой, URL]. Существенно, что построенные системы (у Лавджоя – философские) «отличны от других не столько своими элементами, сколько их сочетаниями» [Лавджой, URL].

Продемонстрируем далее несколько, уже конкретных положений Лавджоя, существенных для дальнейшего анализа проблемы. Так, он заявляет о необходимости проследить развитие идеи «не в одной только области, где она так или иначе представлена, а во многих, если не во всех – как бы эти области ни назывались: философия, наука, литература, изобразительное искусство, религия или же политика» [Лавджой, URL]. Исследователя истории идей особенно интересуют процессы взаимовлияния разных сфер. Для нас важно, что области, приведенные философом, входят в историю культуры и гуманитарной науки (но не естественных наук).

Одно из заключительных положений первой главы книги – «предостережения» – содержит важное методологическое требование: «История идей, следовательно, находится вне интересов департаментализированных умов; поэтому в эпоху департаментализации она сталкивается с рядом трудностей» [Лавджой, URL]. Это требование актуально и в наше время, когда отечественная наука раскладывается «по полочкам» – специальностей, областей и отраслей, тематики исследований и пр., хотя и в ней активизировались процессы междисциплинарности и осознается необходимость исследования объектов в их

взаимодействии («объект-взаимодействие»), когда гуманитарное знание меняет исследовательскую установку: «от научной предметности – к жизненной тотальности» [Бермус, 2007, с. 57].

Итак, в идее синтезируются многие из тех компонентов, которые отмечаются в науковедении, и этот факт обращает ее к научным теориям и прошлого, и настоящего, и будущего. Главное же для нас – признание того, что идея обладает свойством порождать новые смыслы. Отталкиваясь от положений Лавджоя, предложим основания филологической теории коммуникации, находящейся в поле гуманитарного междисциплинарного знания. Назовем и коротко прокомментируем некоторые базовые идеи современной филологии в значимом для нашей задачи аспекте.

Идея многообъектности современной филологии. Филология, являясь совокупностью наук и научных дисциплин, не имеет общего для составляющих ее наук (научных дисциплин) предмета изучения. Те факты, стороны, грани etc. действительности, которые выделены и обработаны филологическим разумом и с которыми имеют дело все филологические науки, традиционно квалифицируются как объекты филологии. См. суждение акад. Ю.С. Степанова: «**ФИЛОЛОГИЯ** <...> область гуманитарного знания, имеющая своим непосредственным объектом главное воплощение человеческого слова и духа – текст» [Степанов, 1997, с. 592].

В филологии конца XX–начала XXI веков существует убеждение в том, что составляющие ее науки имеют дело не только с текстом, но и с естественным языком и человеком говорящим (категориально: homo loquens). Иначе говоря, в современной филологии видится три объекта. Это убеждение возникло на базе осмысления новых тенденций, отличающих филологию нашего времени: фактически каждая из филологических наук обращена ко всей совокупности объектов (естественно, не в каждой конкретной научной дисциплине, не в каждом конкретном исследовании), изучая их разные стороны; центром интересов филологических наук постепенно становится человек в его ипостаси «homo loquens».

Если включение в число объектов филологии текста и естественного языка имеет традицию (в большей степени это относится к тексту), то homo loquens в этом списке появился только на рубеже XX–XXI веков [Чувакин, 2004]. Поэтому коротко объясним этот факт. Включение homo loquens в число объектов филологии происходит на фоне антропологического поворота в

гуманитарном знании: человек осознается как приоритетный объект исследования, условие понимания социальных процессов. Это движение захватило и филологические науки. Проявлением антропологического поворота в филологии стали переориентация исследования с языка, текста, произведения как «продуктов» человеческой деятельности на человека как «главного героя» (субъекта) деятельности; всеобщее внимание к главной проблеме человеческого существования – проблеме понимания; изменение статуса речевой коммуникации и человека как ее субъекта; возрождение в демократических странах власти слова и соответственно возрождение риторики, – таков далеко не полный перечень внешних по отношению к языку и литературе, но от этого не менее значимых факторов, которые могут быть рассмотрены отдельно и подробно.

В соответствии с этим современная филология получает более сложное строение, чем филология прошлого, например даже середины XX века. Содружество литературоведения, языкознания и фольклористики имеет, во-первых, общее ядро, которое создается, по крайней мере, взаимодействием трех дисциплин: гуманитарной семиотики, филологической герменевтики и теории текста и существует в контексте коммуникативных (а также когнитивных) теорий, и, во-вторых, междисциплинарный «пояс», образуемый дисциплинами, уходящими своими корнями в эпоху возникновения и первоначального развития филологии: риторикой, поэтикой, стилистикой. Именно названными группами дисциплин, каждой по-своему, и обеспечивается единство филологических наук на современном этапе развития филологии.

Многообъектность и перечисленные следствия реализации этой идеи в современной филологии значимы как фактор, обеспечивающий одно из оснований филологической теории коммуникации: коммуникация как объект междисциплинарного знания немислима вне субъектов коммуникативной деятельности, сообщения, языка, даже если в каких-то теориях они и не учитываются или им отводится периферийное место. Если объекты современной филологии рассмотреть в сущностном плане, то за ними стоят: за *homo loquens* – субъект коммуникации, за языком – средство коммуникации, за текстом – сообщение как предмет коммуникации.

Идея методологического единства филологических наук. Если филология не имеет общего для филологических наук предмета

изучения, то это означает, что составляющие ее науки и научные дисциплины не имеют общего, единого метода исследования: предмет науки коррелирует с методом (методами) его изучения. Однако это утверждение совсем не отвергает методологического единства филологических наук как наук, образующих одну отрасль знания. Наше утверждение базируется прежде всего на опыте истории отечественной филологии. Иллюстрацией может стать сфера языка художественной литературы: напомним, что в середине XX века акад. В.В. Виноградов небезосновательно выдвинул идею науки о языке художественной литературы – на стыке языкознания и литературоведения. Более того, по утверждению акад. Ю.С. Степанова: «В русской же (в отличие от западного структурализма. – А.Ч.) традиционной школе <...> понятие структуры возникло при изучении художественной речи» [Степанов, 1968, с. 39].

Филологические науки середины XX–XXI веков характеризуются методологическим единством. Они обладают некой совокупностью общих исследовательских принципов, во-первых, адекватных их (филологических наук) объектному единству и, во-вторых, проистекающих из принадлежности филологии к числу гуманитарных наук. Происхождение этой общности связано с изменением статуса языка, текста и человека (*homo loquens*) как объектов филологии.

Обратимся к тексту. В современной филологии активизировались тексты «смешанные» («креолизованные»), приобрели значимость тексты нехудожественные и виртуальные, которые вступили в конкуренцию с текстами художественными. Текст видится текучим, бесконечным, неисчерпаемым (У. Эко и др.), что влечет его исследование в процессах его «жизни», взаимодействия с другими текстами в коммуникативном пространстве, а значит, в отношениях с человеком – его создателем и потребителем. Так текст, традиционный объект филологии, открывает дорогу к двум другим ее объектам – естественному человеческому языку и самому *homo loquens*.

Признание естественного человеческого языка одним из объектов филологии базируется на обеих общезначимых концепциях языка – Гумбольдта и Соссюра: обе они находятся в отношениях дополнительности, что служит источником, из которого вырастают последующие направления изучения языка. Вместе с тем естественный человеческий язык оказывается

значимым в его соотношениях с другими языками – паразыком, искусственными языками, вторичными моделирующими системами, «языками текста» и др.: именно в этом взаимодействии язык обеспечивает коммуникативное существование (и развитие) человека и социума. Взгляд на homo loquens как на объект филологии опирается и на традиционные воззрения, согласно которым область филологии «составляют все разнообразные проявления умственной жизни, или деятельности сознания, имевшие место в прошедшем. Каждое движение человека, которому предшествовал какой-нибудь акт сознания, есть факт филологический» [Энциклопедия и методология филологических наук, 1878, с. 514], и на оценки современных филологов, мнение которых может быть передано следующим суждением В.А. Звегинцева: «Язык не существует вне человека. Изучать язык в отрыве от человека столько же оснований, сколько создавать независимо от человека медицину» [Звегинцев, 1996, с. 147].

Соответственно в филологии развиваются исследования каждого из объектов через призму другого, повышается значимость в ее методологии семиотического и герменевтического компонентов, интерпретационной составляющей (что существенно для гуманитарного, но не естественнонаучного знания), роль человека в процессах исследования и его результате (субъективность как неотъемлемая черта гуманитарного знания); принцип системности распространяется на исследование сложных и сверхсложных динамических систем (современный принцип системного мышления). Решение многих конкретных вопросов опирается на филологический подход, дискурсивные приемы, риторические исследования. Методологическое единство филологических наук и перечисленные следствия реализации этой идеи обеспечивают основание филологической теории коммуникации: филология и теория коммуникации в современном гуманитарном знании методологически близки.

Идея коммуникативной ориентированности современной филологии Развитие филологических наук в разные периоды, как правило, связано с разными фундаментальными (глобальными) идеями, которые определяют лицо филологии, взаимодействие между филологическими науками и дисциплинами, место филологии в системе гуманитарных наук, характер связей с естественными. В современной филологии одной из такого рода идей является идея коммуникативной ориентированности, что во многом определяется

перемещением человека в центр филологического знания (*homo loquens*), а в более широком плане – гуманитаризацией научного знания, выдвиганием наук о коммуникации в число приоритетных отраслей знания.

Сама идея коммуникативности в филологических науках не нова. Филология как практическая деятельность возникает фактически для удовлетворения коммуникативных потребностей человека и общества (обучение, перевод, риторика, библиотечное дело и др.). Но коммуникативная ориентированность как характерная черта филологии и составляющих ее наук и научных дисциплин складывается все же не ранее середины XX века. В лингвистике идет преобразование ее главной задачи: ориентация с исследования «*use of language*» на исследование «*language in the use*», движение от лингвистики языка к лингвистике общения (тезис Б.Ю. Городецкого); в отечественном литературоведении, в филологии в целом, в гуманитарном знании возрождается влияние идей М.М. Бахтина и его кружка, высказанных в первой трети XX века, что служит фундаментом коммуникативных направлений в науке о литературе и языке.

Интересам коммуникативной ориентированности филологии служит интенсивное обсуждение вопроса о базовых механизмах коммуникации, что происходит в русле идей Д. Лукача, Вл. Скалички и др. Одним из механизмов признается эвокация – «внутренняя составляющая коммуникативной деятельности *Homo Loquens* (как единства Человека Говорящего и Человека Слушающего), отвечающая за задачу конструирования действительности (в том числе, разумеется, и выраженной в знаках) в тексте (сообщении, высказывании), в результате чего рождается текстовая действительность» [Василенко, Ожмегова, Савочкина и др., 2007, с. 84] На этой основе в филологии складывается коммуникативно ориентированная программа, объединяющая исследования всего массива языков, текстов в их связях с человеком – программа эвокационных исследований. Тем самым осуществляется едва ли не самый крупный шаг филологии в ее движении навстречу коммуникативным наукам [Кощей, Чувакин, 2005].

Из следствий коммуникативной ориентированности филологии укажем следующие: ориентированность филологических наук и дисциплин на исследование коммуникации в разных ее проявлениях, аспектах и др., междисциплинарные (в пределах

филологии) исследования коммуникации, общность круга гуманитарных наук, с которыми связаны филология и теория коммуникации.

На основе идеи коммуникативной ориентированности филологических наук создается готовность филологии к участию в построении филологической теории коммуникации: здесь фокусируются все идеи, служащие основанием построения искомой теории.

Подведем итоги.

Современная филология, в которой существенную роль играют рассмотренные в статье идеи, имеет иной, чем, скажем, в середине XX века, облик. Это, помимо прочего, обеспечивает исследование коммуникации «глазами филолога» – построение филологической теории коммуникации. Главную роль в этом процессе играет перемещение человека в центр филолого-коммуникативного знания: это происходит на основе движения *homo loquens* – через *homo verbo agens* – в сторону *homo communicans*¹.

Значимость для теории коммуникации человека как *homo communicans* фиксируется в исследованиях коммуникации. Анализируя некоторые из существующих пониманий коммуникации, Ch. Hamilton (США) обращает внимание на связи англ. *communicate* с латинским *communicare* ("сделать общим для многих; поделиться"). «According to this definition, when people communicate, they express their ideas and feelings in a way that is understandable (common) to each of them. Each person has a direct effect on the other person and on subsequent communication. Therefore, **communication** is the process of people sharing thoughts, ideas, and feelings with each other in commonly understandable ways» [Hamilton, URL] – «Согласно этому определению, когда люди коммуницируют, они выражают свои мысли и чувства таким образом, что те становятся понятными (общими) для каждого. Каждый человек непосредственно воздействует на другого человека и на последующую коммуникацию. Таким образом, **коммуникация** является процессом обмена мыслями, идеями и чувствами друг с другом посредством всем понятных способов» (перевод мой. – А. Ч.).

¹ Близость крайних членов тринома отмечается и в западной литературе, где подчеркивается субъектный статус обоих крайних компонентов. См.: [Янашек, Митурска-Бояновска, Гаваркевич, 2012, s. 7].

Современное языкознание и литературоведение как филологические науки, имея дело с объектами филологии, фактически расширили и качественно изменили свои предметы изучения, в связи с чем отметим, по крайней мере, нецелесообразность толкования лингвистики как науки, «изучающей знаковые средства устной коммуникации, правда, преимущественно вербальные», а литературоведения – как науки, имеющей «своим предметом один из документных каналов, обеспечивающих трансляцию плодов словесного творчества» [Соколов, 2002, с. 445]. Соответственно можно зафиксировать факт движения языка как объекта филологии к «языку коммуникации», а текста – к сообщению как предмету коммуникации.

Построение филологической теории коммуникации предполагает широкий гуманитарный контекст, в который входят семиотика, герменевтика, теория интерпретации и др. науки и научные дисциплины.

Выделенные и кратко рассмотренные положения в следующей (третьей) статье выступают основаниями, необходимыми для построения филологической теории коммуникации. Полагаем, что филологическая теория коммуникации может быть сформулирована при любом понимании коммуникации, однако для современной филологии коммуникация скорее не передача информации от субъекта к объекту (или обмен информацией), а, по крайней мере, взаимодействие субъектов в знаково-символической форме, осуществляющее для конструирования человеком собственного мира, мира социума во всех его проявлениях

Литература

- Бермус А.Г. Введение в гуманитарную методологию. М., 2007.
- Василенко Т.Н., Ожмегова Ю.В., Савочкина Е.А., Сим О.А., Чувакин А.А. Новые возможности лингвоэвокационных исследований // Сибирский филологический журнал. 2007. № 3.
- Василик М.А. Наука о коммуникации или теория коммуникации? К проблеме теоретической идентификации // Актуальные проблемы теории коммуникации. СПб., 2004.
- Винокур Г.О. Введение в изучение филологических наук. М., 2000.
- Звегинцев В.А. Мысли о лингвистике. М., 1996.
- Кощей Л.А., Чувакин А.А. Эвокационная программа исследования в лингвистике // III Международная научная конференция «Язык и культура». М., 2005.
- Лавджой А. Великая цепь бытия: исследование истории идеи. [Электронный ресурс]. URL http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/lavd/index.php

- Лихачев Д.С. О филологии. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/Lih/03.php
- Мостепаненко М.В. Философия и методы научного познания. Л., 1972.
- Рузавин Г.И. Научная теория : логико-методологический анализ. М., 1978.
- Сартр Ж.П. Проблемы метода. М., 1994.
- Соколов А.В. Общая теория социальной коммуникации. СПб., 2002.
- Степанов Ю.С. Филология // Русский язык. М., 1997.
- Степанов Ю.С. Цели и средства (Некоторые традиционные черты русской науки о языке) // Проблемы современной лингвистики. М., 1968.
- Степин В.С. Основания науки и их социокультурная размерность. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/nau_anti/01.php
- Чувакин А.А. Курс основ филологии : к проблеме модернизации высшего филологического образования // Риторика и модернизация образования. М., 2004.
- Чувакин А.А. Основы филологии. М., 2011.
- Энциклопедия и методология филологических наук. Encyclopedia und Methodologie der philologischen Wissenschaften von August Boeckh. Herausgegeben von Ernst Bratuschek. 1878. Университетские известия. Киев. № 12.
- Яковлев И.П. Ключи к общению. Основы теории коммуникаций. СПб., 2006.
- Янашек К., Митурска-Бояновска Й., Гаваркевич Р. Введение // Homo Communicans : человек в пространстве межкультурных коммуникаций. Щецин, 2012.
- Barnouw E. Preface // International Encyclopedia of Communications. New York, Oxford, 1989. Vol. 1.
- Hamilton Ch. Communicating for Results. [Электронный ресурс]. URL: <http://rutracker.org>
- Wiśniewska-Salamon I. Muzyka – komunikacja bez granic // Homo Communicans : человек в пространстве межкультурных коммуникаций. Щецин, 2012.

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ СЕТЕВОГО КОМПОНЕНТА ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ

И.В. Роззина

Ключевые слова: виртуальная реальность, сетевое сознание, сетевые когнитивные структуры, модель, эксперимент.

Keywords: virtual reality, net mind, Internet cognitive structures, model, experiment.

Последние годы отмечены возрастающим интересом лингвистов к осмыслению феномена Интернета. Этот интерес находит выражение в постоянно увеличивающемся количестве

публикаций, обращенных к изучению результатов нового, динамичного и объемного процесса, оказывающего существенное влияние на развитие языка. Констатируя тот факт, что появление Интернета приводит к глобальным изменениям, Е.И. Горошко одним из них считает возникновение сетевого, или электронного языка [Горошко, 2005], следствием чего является формирование особой языковедческой дисциплины – лингвистики Интернета. Об активном формировании названной дисциплины свидетельствует, тот факт, что ученые концентрируют внимание на исследовании различных аспектов Интернет-пространства. В рамках проводимых исследований активно изучается Интернет-дискурс [Назарова, 2010; Распопина, 2010; Сальникова, 2010; Серебренникова, 2011; Ушаков, 2010 и др.], язык Интернет-коммуникации [Губарев, 2011; Иванов, 2000; Иванова, 2011; Сидорова, 2006; Шевелева, 2010 и др.], Интернет-жанры [Морослин, 2010; Усачева, 2007 и др.], а также выявляются характеристики Интернета как особой коммуникативной среды [Иванова, 2011; Правкина, 2009; Шилина, 2011 и др.].

Вместе с тем, следует отметить, что в значительном количестве публикаций, посвященных лингвистической проблематике Интернета, вне поля зрения исследователей остается как личность пользователя, так и личность создателя Интернет-контента, а, следовательно, и ментальные процессы, инициирующие развитие языка, в то время как, «нельзя познать сам по себе язык, не выйдя за его пределы, не обратившись к его творцу, носителю, пользователю – к человеку, к конкретной языковой личности» [Караулов, 1987, с. 7].

Актуальная для современной лингвистики антропоцентрическая парадигма, органичной составной частью которой являются когнитивный и психолингвистический подходы к изучению языка, позволяет акцентировать необходимость моделирования ментальных явлений, свойственных индивиду, познающему мир в новых условиях – в условиях Интернет-коммуникации, основными характеристиками которой являются расширение доступа к информации и увеличение скорости ее получения [Губарев, 2006, с. 212]. По этой причине когнитивное моделирование ментальных структур пользователя Интернет-контента способно вносить определенный вклад в понимание закономерностей освоения человеческим мышлением новой,

виртуальной реальности в той части, в которой оно опредмечивается в языке.

В контексте настоящей статьи важным представляется то, что отдельные исследователи, далекие от психолингвистической проблематики, тем не менее, констатируют наличие влияния, которое оказывает Интернет на формирование детерминируемых им ментальных структур. Так, Т.С. Иванова указывает на то, что, появление виртуальной реальности влечет за собой изменение сознания пребывающей в Интернет-пространстве языковой личности посредством формирования нового, сетевого мышления [Иванова, 2011, с. 176]. М.Г. Шилина отмечает, что интернетизация тесно связана с изменением характеристик информации, состоящем в использовании иных принципов ее создания и потребления, находящихся выражение в гипертекстовом формате, который отличается особой многомерностью (гиперссылки) и мультимедийностью [Шилина, 2010]. Из этого следует, что изменение принципов обработки, представления и хранения информации приводит к формированию сетевых когнитивных структур.

Часть исследователей, говоря о формировании под воздействием Интернета виртуальной, или веб-личности, по сути, ставит вопрос о необходимости изучения сетевого мышления, что представляется закономерным в силу существующей связи между языком и мышлением. В.В. Нестеров, исследуя эмоциональную насыщенность межличностных коммуникаций в Интернете, рассматривает их как проявления виртуальной личности [Нестеров, 1999], из чего следует, что речь идет о личности, обладающей набором особых когнитивных структур, порождаемых ее взаимодействием с Интернет-пространством. В таком контексте язык рассматривается в качестве средства формирования сетевого сознания, необходимого для функционирования веб-личности, актуализирующей себя в Интернете.

В качестве механизма порождающего сетевое сознание О.Ю. Усачева предлагает рассматривать веб-коммуникативное событие, которое обладает когнитивно-знаковым статусом, реализуемым в виде обмена текстами и выявляемым через противопоставление реального и виртуального локусов: порождаемый реальным локусом локус виртуальный выступает в качестве его когнитивного заместителя [Усачева, 2009, с. 60]. Веб-коммуникативные события по сравнению с коммуникативными

(«внесетевыми») событиями протекают в двух параллельных локусах, поскольку «местом их локализации выступает, с одной стороны, трехмерное физическое, географическое пространство, в котором пребывает каждый из собеседников за пределами компьютерной электронной среды («в реале»)..., а с другой, – виртуальная среда как когнитивно-речевое, ментальное (ирреальное) пространство, куда помещают себя коммуницирующие субъекты в момент виртуального контакта» [Усачева, 2009, с. 60]. И хотя, на наш взгляд, виртуальное пространство является продуктом овнешнения посредством самых различных знаков ментальных пространств продуцентов и пользователей Интернет-контента, принципиально важным представляется рассмотрение виртуальной среды в качестве пространства когнитивного.

Е.Ф. Серебренникова исследует особенности виртуальной реальности, акцентируя ее «медийный» характер, определяемый цифровым модусом, предполагающим такой же модус вивенди от обитателей и опредмечивающимся в их речемыслительной деятельности [Серебренникова, 2011], что позволяет осуществлять соотнесение квантов информации с состояниями сознания [Янко, 2001] пользователя и определять то влияние, которое подобные «состояния сознания» оказывают на языковую ситуацию. Отдельные исследователи, пытаясь акцентировать значимость влияния Интернет-пространства на языковую личность, проявляют склонность к метафоризации, утверждая, что «оно само по себе является ничем иным, как реальным, живым, человеческим мышлением, воплощенном в виде текста в его новом облике, совмещающем в себе не только словесное высказывание, но и цвет, звук, графику и анимацию» [Виноградова, 2004, с. 64]. В любом случае важным здесь представляется то, что в качестве необходимого условия существования Интернет-пространства признается активная человеческая деятельность, как по его созданию, развитию и трансформации, так и по познанию всего того, чем оно конституируется.

Необходимо акцентировать, что активность виртуальной личности непосредственно соотносится с деятельностным характером человеческого мышления и сопровождается различными ментальными операциями, часть которых имеет креативный характер: «виртуальные личности становятся творцами новых вербальных и невербальных средств высказывания и общения, творят не только само виртуальное пространство, но и язык, на

котором этот социум общается» [Виноградова, 2004, с. 66]. В этом отношении уместно сослаться на Ю.М. Лотмана, указавшего на причинно-следственную связь между передачей некоторого объема информации в коммуникативной системе Я-Он и ее качественную трансформацию, происходящую в канале Я-Я и приводящую к перестройке самого Я [Лотман, 1992]. Это положение применимо и к пониманию механизмов формирования новых когнитивных структур, необходимых для освоения Интернет-пространства: мышление Интернет-пользователя моделирует существенные свойства Интернет-пространства, а язык овнешняет создаваемые мышлением модели, которые в силу этого поддаются и экспериментальному изучению, в частности, с использованием метода завершения экспериментальной фразы. На наш взгляд, экспериментальное задание произвольно завершить неоконченную фразу выводит испытуемых на овнешнение сформированных под влиянием Интернет когнитивных структур, что позволяет не только выявлять актуальные для личности пользователя признаки Интернет-реальности, но и раскрывать особенности Интернет-пространства как пространства когнитивного.

Преследуя цель экспериментально реконструировать результаты категоризации Интернет-пространства пользователями, в июне 2012 года мы провели эксперимент, предложив респондентам – 40 аспирантам различных научных специальностей Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова – закончить фразу «Для меня Интернет – это ...». При выборе категории респондентов-пользователей, мы опирались на данные о том, что глобальную сеть «преимущественно посещают молодые люди, чаще мужчины, с высшим образованием (что-то типа сакраментального английского *young <male> urban professionals*)» [Иванов, 2000 с. 16]. Предлагая аспирантам, действительно, преимущественно, пользователям мужского пола (80% от общего числа респондентов) указанную выше неоконченную фразу, мы, с одной стороны, пытались ее максимально персонифицировать («для меня»), а с другой, – заложить в ее структуру возможность при возникновении такой необходимости вербализовать несколько когнитивных признаков, расположить их в определенном порядке следования и тем самым градуировать их по степени значимости.

В результате от респондентов было получено 40 ответов, содержащих 78 реакций, актуализировавших различные когнитивно

значимые признаки Интернет-пространства. Расхождения в числе ответов и реакций объясняется тем, что в 30 ответах содержалось 2–3 реакции, актуализировавшие соответствующее количество признаков. Полученные реакции показали, что респонденты выделяют 5 актуальных для них когнитивных признаков Интернет-пространства: информационно-количественный, операциональный, коммуникационно-социальный, развлекательно-аддиктивный и экономический.

Для 22-х испытуемых (55% от их общего числа) наиболее значимым оказался информационно-количественный признак, который Л.Ю. Иванов выделяет наряду с технологическим и социальным в качестве основных аспектов Интернет-реальности [Иванов, 2000, с. 9]. Реакции, актуализировавшие информационно-количественный параметр когнитивного пространства Интернет, были расположены первыми в ответах 19 испытуемых, на что указывает их градуированность и стали второстепенными только для 3-х респондентов. Примечательно, что 10 респондентов (25% от общего числа) вербализовали только информационно-количественный признак.

Преобладание реакций, фиксирующих информационно-количественный признак Интернет-пространства, представляется закономерным. Интернет, «является беспрецедентным инструментом познания, поскольку представляет собой колоссальную структуру аккумуляции и хранения знания [Иванова, 2011, с. 176]. «Особость» Интернета как инструмента познания, с одной стороны, «проявляется в экспоненциальном росте общего объема порождаемой им информации (битов, знаков, элементарных и сложных символов для графической информации, наконец, целых текстов», а с другой, – «сводится к тому, что <...> каждому приходится обрабатывать все больший объем информации, поступающий ежедневно через все каналы восприятия» и «принимать во внимание все больше и больше разнородных данных» [Иванов, 2000, с. 137].

Очевидно, поэтому информационно-количественный параметр вербализуется респондентами, главным образом, метафорически через когнитивные схемы *хранилище / вместилще* и *источник* (рис. 1).

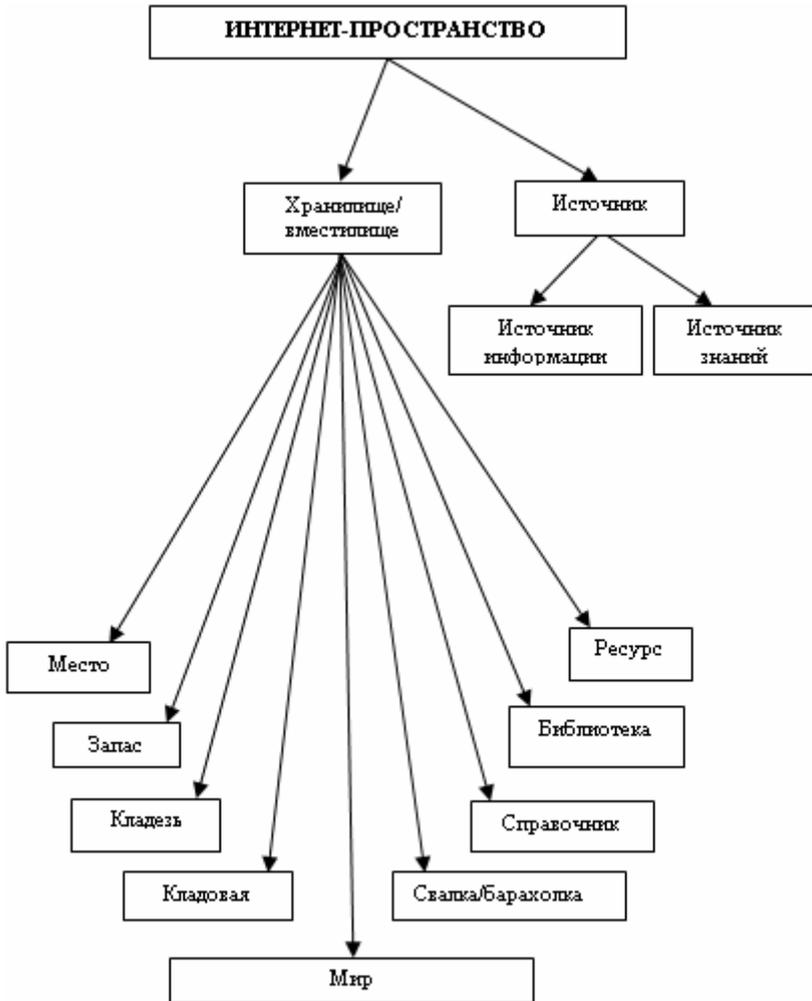

Рис. 1.

Когнитивная схема *хранилище / вместилище*, в котором аккумулируется знание, актуальна для 13 респондентов. Она репрезентируется следующими завершениями экспериментальной фразы «Для меня Интернет – это...»: «*место*, где много необходимой мне информации», «*место*, где много информации, необходимой для человека», «*место*, где я могу взять всю нужную

мне информацию», «огромный *запас* информации, находящийся в свободном доступе», «самая главная *кладовая* для извлечения информации», «*кладезь* полезной информации», «богатейшая *библиотека*, эффективная при правильном использовании», «своего рода *справочник*», «мощный образовательный *ресурс*», «познавательный и интересный *мир*, где можно найти много интересной информации», «*барахолка*, где куча всего ненужного, но иногда можно найти что-нибудь правдивое и полезное», «*свалка* информационного мусора», «огромная *свалка*».

Для 9-ти респондентов более значимой стала когнитивная схема *источник*: «*источник* информации», «*источник* получения информации», «огромный доступный *источник* информации», «*источник* информации, необходимый как для работы, так и для жизни в целом», «*источник* необходимой информации для работы, научной деятельности», «быстрый *источник* для получения необходимой мне информации», «*источник* знаний», «безграничный *источник* полезной информации», «моментальный *источник* ценной информации».

Персонифицированность экспериментальной фразы позволила респондентам актуализировать когнитивную схему *источник* с включением эмоционально-оценочного компонента, где в качестве значимых параметров Интернета стали его размеры (*огромный, безграничный*) и быстрдействие *и* (*мощный, быстрый*). Действительно, Интернет содержит практически неограниченную текстовую, графическую, мультимедийную информацию, которую предоставляют виртуальные библиотеки, словари, карты, аналитические обзоры, периодические издания и пр.

Для другой части респондентов (13, или 32,5% от общего числа) первостепенно значимым явился операциональный когнитивный признак, включивший 2 аспекта: *инструментальность* и *доступность*. Инструментальность Интернет-пространства манифестируется фразами, завершенными следующим образом: «*средство* получения информации», «*средство* дополнительного саморазвития», «*средство* поиска научной информации, имеющей для меня определенное значение», «*способ* получения информации», «*способ* сбора информации» «отличный *способ* найти необходимую информацию», «*способ* поиска необходимой информации», «*возможность* быстро найти ответ на вопрос», «*возможность* быстро получать необходимую мне информацию», «*возможность* находить интересующую меня информацию быстро и бесплатно». Доступность, помимо лексем-существительного *доступ*, актуализируется и на уровне эмоционально-

оценочных лексем-прилагательных *мобильный, легкий, быстрый*: «мобильный доступ к интересующей меня информации», «легкий доступ ко всевозможной информации», «быстрый доступ к интересующей меня информации».

В связи с преобладанием реакций, демонстрирующих наибольшую значимость для испытуемых информационно-количественного и операционального параметров, становится очевидным, что во взаимодействии респондентов с Интернет-пространством преобладает известная модель «pull», описывающая деятельность Интернет-пользователя как пассивно-рецептивную, включающую, например, просмотр новостных сайтов, чтение сетературы (сетевой литературы), скачивание файлов и т.д.

Данные, полученные методом завершения экспериментальной фразы, показывают, что социально-коммуникационный когнитивный признак Интернет-пространства находится на втором месте по степени значимости для 18 респондентов и только для 2-х – на первом, а в целом он существенен для 20 респондентов, или 50% от их общего числа: «общение» (8), «коммуникация», «расширение возможности для коммуникации», «общение со множеством людей», «огромные возможности по коммуникации со всем миром», «связь с внешним миром», «социальная сеть», «общение с людьми», «общение с теми, кто далеко живет», «общение с друзьями», «общение с друзьями и родными, находящимися далеко», «база данных друзей и знакомых».

Очевидно, что эти реакции связаны с моделью взаимодействия «push», которая предполагает активную вовлеченность пользователя в Интернет-коммуникацию, связанную с пребыванием в социальных сетях, комментированием статей, ведением блогов и т.д. Если пассивный пользователь преследует, главным образом, цель получения информации, то активный наряду с рецептивной осуществляет и продуцирующую деятельность.

Важно подчеркнуть, что приведенные завершения экспериментальной фразы фиксируют не только превосходство Интернета как средства коммуникации над всеми существовавшими до него средствами связи [Сидорова, 1989, с. 4], но и инициированное им изменение условий взаимодействия людей [Иванова, 2011], которое, создавая «эффект присутствия» (Quasthoff, 1997; цит. по [Иванова 2011]) и «коммуникативной близости» (Haase, 1997; цит. по [Иванова 2011]), значительно расширяет и видоизменяет пространственные и временные границы человеческих взаимодействий [Suler, 1996].

Изменение границ человеческих взаимодействий, на наш взгляд, связано, во-первых, с типичным для виртуальности замещением реального партнера по коммуникации его текстовым образом, а во-вторых, с характерной для виртуального пространства имитацией непосредственного коммуникативного контакта, когда акт коммуникации моделируется участниками общения как контактный и синхронный, что особенно наглядно проявляется в диалогическом взаимодействии на Интернет-форумах, чатах, блогах [Усачева, 2009 с. 60]. При этом эффект коммуникативной близости создается как текстовой последовательностью месседжей, так и специфическими языковыми средствами, актуализирующими сообщение: «Интернет, как особая коммуникативная среда и как ранее не существовавшая сфера реализации языка, приносит с собой новые способы общения, стереотипы речевого поведения, новые формы существования языка» [Виноградова, 2004, с. 64]. В силу этих особенностей Интернет становится социально-коммуникационным каналом передачи смыслов – каналом, обеспечивающим движение этих смыслов в социальном пространстве и времени [Соколов, 2002].

Исследователи говорят о характеристиках виртуального пространства, приближающих пребывание в нем к игре, причем игра понимается широко, в частности и как возможность креации нового мира общения [Серебренникова, 2011]. Поэтому тесно связанным со значимым для испытуемых социально-коммуникационным когнитивным признаком Интернет-пространства является развлекательно-аддиктивный, о чем свидетельствуют реакции 8 испытуемых, актуализировавших его в своих реакциях, градуированных во всех ответах в качестве третьих по значимости: «развлечение» (2), «возможность *развлечения*», «отдых и *развлечение*», «море *развлечений*», «ресурс *развлечений*», «затягивает», «без Интернета не могу».

Последней группой реакций актуализирован экономический когнитивный признак, связанный с тем, что в настоящее время Интернет-пространство является «рабочим местом», источником получения средств, способом ведения предпринимательской деятельности, что и было зафиксировано 4 испытуемыми: «способ заработка», «источник заработка», «инструмент для работы (работают программистом)», «для меня это основа ведения современного бизнеса». Как отмечает Е.Ф. Серебренникова, «мир/среда «естественной жизни» и мир/среда вторичного характера идентичны по самому критерию реальности «жизненных проявлений», в том

числе <...> купли-продажи, рекламы, трудовой деятельности» [Серебренникова, 2011].

Таким образом, способность языка выводить на ментальные структуры позволила создать модель сетевого компонента языкового сознания ответственного за процессы категоризации Интернет-пространства. Отражая его сущностные черты, построенная модель дает представление о том, как посредством сетевых когнитивных структур, репрезентирующих значимые для пользователей сегменты Интернет-пространства, осуществляется познание и моделирование Интернет-реальности. Кроме того, языковое задание завершить экспериментальную фразу выявило, что смысловые области, формируемые под влиянием Интернет-пространства, актуализируются гибридными когнитивными структурами [Рогозина, 2010; Рогозина, 2011], включающими аналитические, оценочные и эмоциональные компоненты, выступающие в различных комбинациях [Бутакова, 2010, с. 25].

Литература

Бутакова Л.О. Этнический компонент регионального языкового сознания: лингвистические модели // Концептуальные исследования в современной лингвистике. СПб.–Горловка, 2010.

Виноградова Т.Ю. Специфика общения в Интернете. [Электронный ресурс]. URL: http://www.philology.ru/linguistics1/vinogradova_t-04.htm

Горошко Е.И. Электронная коммуникация (гендерный анализ) // Общение, языковое сознание и межкультурная коммуникация. М., 2005.

Губарев В.В. Интернет-диалог – основная форма речевого общения // Вестник Тамбовского университета. 2011. № 8 (100).

Иванов Л.Ю. Язык интернета: заметки лингвиста // Словарь и культура русской речи. М., 2000.

Иванова Т.С. Интернет – как особая коммуникативная среда // Современные исследования социальных проблем. 2011. № 1 (05).

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 2010.

Лотман Ю.М. Слово и язык в культуре просвещения // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Таллинн, 1992. Т. 1.

Морослин П.В. Русский язык в интернете: социолингвистический и социокультурный аспекты. М., 2010.

Назарова Л.В. Аспекты гипертекста и Интернет-дискурса // Текст – Дискурс _ Интернет-дискурс. СПб., 2010.

Нестеров В.В. К вопросу об эмоциональной насыщенности межличностных коммуникаций в Интернете // Мир Internet. 2000. № 3.

Правкина С.Н., Григоренко И.Н. Гипертекст как проявление текста в Интернете // Вестник Адыгейского государственного университета, 2009. № 4.

Распопина Е.Ю. Дискурсивное пространство Интернет: основные дифференциальные признаки // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2010. № 1.

Рогозина И.В. Функции и свойства медиатекста как гетерогенной когнитивной структуры // Медиатекст : стратегии–функции–стиль. Орел, 2010.

Рогозина И.В., Михеева Е.А. Флеш-анимационный фрейм как особая рекламоспецифичная когнитивная структура // Язык–текст–литература : коммуникативная парадигма. Барнаул, 2011.

Рогозина И.В. Homo Politicus как объект изучения когнитивной медиалингвистики // Филология и человек. Барнаул, 2011. № 4.

Сальникова И.И. Типы самопрезентации в Интернет-дискурсе, обусловленные фактором канала коммуникации // Вестник Иркутского гос. лингвистического ун-та, 2010. № 4.

Серебрянникова Е.Ф. Интернет-дискурс : к проблеме семиотрии значимых параметров лингвистического анализа // Magister Dixit – научно-педагогический журнал Восточной Сибири. 2011. № 2 (06).

Сидорова М.Ю. Интернет-лингвистика : русский язык. Межличностное общение. М, 2006.

Соколов А.В. Общая теория социальной коммуникации. СПб, 2002.

Усачева О.Ю. К вопросу о жанрах Интернет-коммуникации // Вестник МГОУ. Сер. Русская филология. 2009 № 3.

Ушаков А.А. Интернет-дискурс как особый тип речи // Вестник Адыгейского государственного университета 2010. № 4.

Шевелева И.А. Лингвистический подход к исследованию Интернет-журналистики в парадигме современных медиаисследований // Вестник СамГУ. 2010. № 3 (77).

Шилина М.Г. Интернет-гипертекст общественных связей : характеристики, особенности, тенденции развития // Медиаскоп. 2010. № 2.

Янко Т.Е. Коммуникативные стратегии русской речи // Языки славянской культуры. М., 2001.

Suler J. Human Becomes Electric : The Basic Psychological Features of Cyberspace, 1996.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ДИСКУРСОВ КАК СЛЕДСТВИЕ РАСПРОСТРАНЕНИЯ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ЗНАНИЯ

Д.А. Кожанов

Ключевые слова: язык науки, термин, терминологическая система, концепт, картина мира, научный дискурс.

Keywords: language of science, term, terminology system, concept, worldview, scientific discourse.

Характерными чертами современного этапа развития науки являются как становление множества междисциплинарных научных

направлений, формирующихся на стыке различных наук, так и возникновение неких «подвижных формаций» (например, психоанализ и герменевтика), в которых переплетаются материал и подходы из самых разных областей знания [Зотов, 2001, с. 608]. Как следствие, структурная организация научной картины мира претерпевает значительные качественные изменения, которые предполагают разработку принципиально новых процедур анализа материала в условиях глобализации научного сообщества, стирания дисциплинарных границ и смешения предметных дискурсов.

В ряде работ [Ильина, 1994; Рябова, 2010] сложившаяся ситуация описывается как завершение научно-технической революции и приход ей на смену революции информационной, в ходе которой создается «информационное общество» и «информационная картина мира». «Информационное общество» породило особый пространственно-временной феномен, который представляет собой невиданную прежде информационную структуру, называемую «киберпространством» или «инфросферой» [Прадо, 2010]. Феномен киберпространства активно изучается в настоящее время, однако еще ожидает своего решения целый ряд проблем, связанных с формами и методами производства и передачи информации в киберпространстве, а также с определением роли и места человека в данной инфраструктуре.

В то же время проблема интеграции научного знания является далеко не новой. Еще в середине XX века она рассматривалась философами, анализирувавшими перспективы экспоненциального увеличения числа научных дисциплин и неизбежность изменения его характера на линейный, на смену которому придет так называемый «инерционный» прогресс, заключающийся в освоении уже полученных научных знаний [Лем, 1996]. Надежды на преодоление неизбежного кризиса связаны с целым рядом научных проектов, в числе которых синергетика, занимающаяся механизмами сохранения сложных систем, эволюционная генетика, изучающая процессы накопления и преобразования информации в наследственном веществе живых организмов, перспективные направления искусственного интеллекта (как, например, создание методов машинного обучения и автоматического формирования гипотез) и др.

Однако большинство исследователей отводят ключевую роль именно лингвистике, рассматривая феномен междисциплинарности не просто как стремление к расширению дисциплинарных границ, а как «иерархическую коммуникативную технологию» [Василькова, 2004, с. 69]. Такой подход позволяет интерпретировать каждый конкретный

междисциплинарный проект как использование дискурса одной области знания в другой, или как использование целого набора дискурсов для описания сложной области знания, или как создание нового дискурса, функционирующего в некоторой научной области.

Основная задача, которая стоит перед лингвистикой, может быть сформулирована как создание прикладных моделей коммуникативной деятельности в научной и профессиональной сфере [Городецкий, 1987], в условиях постоянного увеличения числа научных дисциплин и интенсификации интеграционных процессов между ними. В последние годы был создан целый ряд частных, или специальных моделей коммуникативной деятельности в различных научных областях, преимущественно в «молодых» научных дисциплинах, как например, нанотехнологии [Иванова, 2010] или ракетно-космическая техника [Рябова, 2010]. В каждом конкретном случае базовым компонентом такой модели выступает терминосистема исследуемой области, включенная в сложный комплекс отношений как с другими терминосистемами, так и с не терминологической лексикой. Данные исследования позволили очертить круг проблем, которые необходимо решить на пути создания общей, универсальной модели коммуникации, подходящей для любой междисциплинарной области научного знания.

Очевидно, что основным фактором, определяющим специфику коммуникативной деятельности в рамках любой смежной дисциплины, являются междисциплинарные заимствования. Неизбежным следствием является определенная асимметрия связей между научными понятиями данной области и объективирующими их в языке терминами. В некоторых терминосистемах удельный вес терминов, имеющих синонимы, составляет более 30%. Еще одним свидетельством данной асимметрии является наличие внутрисистемной омонимии, представленной в большинстве случаев терминами аббревиатурами.

Другой характерной чертой языка междисциплинарных исследований является многозначность терминов, обусловленная коммуникативными и когнитивными особенностями данной сферы, к которым относятся: разный уровень компетентности участников коммуникации, возможность различного концептуального осмысления одного и того же феномена представителями различных дисциплин, стремительный технический прогресс, в результате которого термин очень часто приобретает дополнительное значение и др. Многозначные термины встречаются во всех сегментах терминосистем смежных

областей знания (центр, ближняя и дальняя периферия), что позволяет говорить о различных вариантах полисемии в терминологии: внутриотраслевая полисемия, межотраслевая полисемия и полисемия с выходом за пределы специальных отраслей [Зимова, 2011, с. 13].

И, наконец, еще одной отличительной особенностью терминосистем междисциплинарных областей научного знания является их зависимость от разнообразных экстралингвистических факторов: экономических, идеологических, гендерных и др.

Все вышеперечисленное не просто иллюстрирует тот факт, что описание терминосистем ряда научных областей не может быть осуществлено с использованием методологического аппарата традиционного терминоведения, но и свидетельствует о том, что данная проблема не может быть сформулирована исключительно как терминологическая. Взаимодействие любых научных дисциплин это, прежде всего, взаимодействие их концептуальных аппаратов, как следствие, наибольшую актуальность на настоящем этапе имеют исследования, в которых единицы языка науки рассматриваются в когнитивном аспекте.

В современных исследованиях все чаще отмечается, что термины, с помощью которых общаются специалисты различных областей знания, являются репрезентантами особых когнитивных структур – фреймов. При изучении организации и динамики терминосистем междисциплинарных областей обнаруживается не только их предельно сложное устройство данных фреймов, но и их влияние на многие феномены языка и дискурса. В поле зрения исследователя оказывается не столько сам языковой феномен, сколько внутренняя сторона его репрезентации, особенности структурирования опыта человека. Именно поэтому первоочередной задачей терминоведения на современном этапе является выявление того, какие именно концепты наилучшим образом способствуют фиксации, хранению и передаче научного знания, а следовательно, могут претендовать на статус научных понятий [Мишланова, 2003, с. 95–96].

Многослойная и неоднородная структура термина является тем фактором, который обуславливает особенности его функционирования. По мнению ряда исследователей, наиболее активно развивающимся направлением как теоретического, так и прикладного терминоведения, является функциональное терминоведение. Данное направление, будучи тесно связанным с функциональной лингвистикой, изучает специфику функционирования терминов. При этом объектом изучения являются как «традиционные,

привычные» функции термина как языкового знака (номинативная, сигнификативная и др.), так и те, которые привлекли внимание лингвистов только в новой парадигме научного знания.

В первую очередь, речь идет о когнитивной функции, которая характеризует термин как результат процесса познания сущности предметов и явлений окружающей действительности и внутренней жизни человека. Во-вторых, это прагматическая функция, которая зависит от установки говорящего, воздействующего на реципиента (убедить, побудить к действию и т.п.). Очевидно, что диапазон таких установок для термина достаточно узок, а сфера применения обычно ограничивается терминами общественных наук, в содержательной структуре которых присутствует эмоционально-экспрессивный компонент, который собственно и позволяет им выполнять данную функцию. И, наконец, это эвристическая функция, связанная с широким распространением прогнозных, или гипотетических терминов, которые используются для обозначения еще не вполне сформировавшихся научных понятий.

Обобщая вышесказанное, можно утверждать, что в современных исследованиях акцент делается не только на системных характеристиках единиц языка науки, но и на особенностях их функционирования. С учетом того, под термином понимается функция обычного языкового знака, соотносящая любое слово с особой сферой его употребления, с особой картиной мира (научной, технической, профессиональной и др.) или ее фрагментом [Дроздова, 2003, с. 77]. В данном случае анализ языкового материала неизбежно предполагает реконструкцию одного из фрагментов научной картины мира. Результатом такого конструирования является научное понятие, представляющее собой многомерное концептуальное образование на стыке нескольких специальных научных картин мира и имеющее проекции в практическую, религиозную и другие картины мира.

Рассмотрение терминосистем междисциплинарных областей научного знания в когнитивном аспекте открывает перспективы как для изучения особенностей устройства ментального мира современного человека, так и описания языка науки эпохи междисциплинарных исследований. Примечательным является тот факт, что в современной лингвистике все еще остается популярным тезис о том, что между ростом научного знания и развитием соответствующих терминосистем (совершенствование их структуры, увеличение объема и т.п.) нет прямого соответствия [Петров, 1982]. На наш взгляд, процесс развития любой терминосистемы является

отражением процесса углубления человеческого познания и осмысления мира, с одной стороны, и процесса взаимодействия, взаимопроникновения и взаимовлияния различных областей научного знания (а следовательно и различных специальных научных картин мира), с другой стороны. Таким образом, объектом анализа исследователя языка науки может быть в принципе любой текст, независимо от его принадлежности какому-либо определенному стилю или жанру. Как следствие, можно говорить о новом подходе к описанию сущности термина, когда термин рассматривается не только как единица ментального лексикона или некоторой терминосистемы (терминосистем), но и как единица дискурса, что позволяет, с одной стороны, построить более совершенную модель процессов формирования и функционирования терминов, а с другой, уточнить многие принципы и закономерности взаимодействия разных типов дискурса.

Литература

- Василькова В.В. Междисциплинарность как когнитивная практика (на примере становления коммуникативной теории) // Коммуникация и образование. СПб., 2004.
- Городецкий Б.Ю. Термин и его лингвистические свойства // Структурная и прикладная лингвистика. Л., 1987. Вып. 3.
- Дроздова Т.В. Проблемы понимания научного текста. Астрахань, 2003.
- Зимовая М.В. Многозначность в терминологии : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2011.
- Зотов А.Ф. Современная западная философия. М., 2001.
- Иванова О.Б. Динамика становления терминологии новой предметной области : на материале терминосферы нанотехнологий в английском и русском языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2010.
- Ильина Н.А. Геогностика сквозь призму языка. М., 1994.
- Лем С. Сумма технологии. М., 1996.
- Мишланова С.Л. Терминоведение XXI века : история, направления, перспективы // Филологические науки. 2003. № 2.
- Петров В.В. Семантика научных терминов. Новосибирск, 1982.
- Прадо Д. Язык и киберпространство // Языковое и культурное разнообразие в киберпространстве. М., 2010.
- Рябова Е.А. Проблемы и принципы систематизации терминологии (на материале сопоставительного анализа ракетно-космической лексики английского и русского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2010.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ И ПРАКТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОБЛАСТИ КОММУНИКАЦИИ И ТЕКСТА КАК ВАЖНЕЙШАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПОДГОТОВКИ БАКАЛАВРА И МАГИСТРА ФИЛОЛОГИИ

Т.В. Чернышова

Ключевые слова: прикладная филология, теория и практика речевой коммуникации, метод и приемы филологического анализа, текст, курс.

Keywords: Applied Philology, the theory and practice of speech communication, the method and techniques of philological analysis of the text, discourse.

Заявленная в названии публикации тема может быть рассмотрена в двух аспектах: первый предполагает постановку проблемы овладения студентами бакалавриата и магистратуры системой методов и приемов филологического анализа текстов как продуктов речевой коммуникации; второй ориентирован на умение использовать полученные теоретические и практические знания непосредственно в практике коммуникативной речевой деятельности. Актуальность данных аспектов в свете нового государственного стандарта по филологическим наукам не вызывает сомнения. Рассмотрим каждый из аспектов в отдельности.

1. Важной для рассмотрения представляется проблема овладения студентами бакалавриата и магистратуры системой методов и приемов филологического анализа текстов как продуктов речевой коммуникации.

В примерной программе по курсу «Теория коммуникации», разработанной по профилю «Прикладная филология (Русский язык)» коллективом авторов Алтайского государственного университета (г. Барнаул) под руководством проф. А.А. Чувакина [Введение в теорию коммуникации..., 2009, с. 192–195.], указывается, что целью освоения дисциплины является получение «целостного представления о феномене социальной коммуникации в широком научном контексте и общих сведений о концепциях и моделях коммуникации; на основе знаний о функциях, уровнях, сферах коммуникации **овладение важнейшими методами исследования в области коммуникативистики**».

Значимость овладения студентами бакалавриата и магистратуры различными современными методами анализа текстов как продуктов речевой деятельности человека находит отражения и ФГОС-3 и отражена в перечне общих и профессиональных компетенций (ОК и ПК) как планируемых результатов изучения теории и практики речевой коммуникации. В частности обращают на себя внимание следующие предполагаемые компетенции

а) студентов **бакалавриата:**

- Умение использовать **основные положения и методы** социальных, гуманитарных и экономических наук в профессиональной деятельности; способность **анализировать** социально-значимые проблемы и процессы (**ОК-9**);

- Способность демонстрировать знание **основных положений и концепций** в области теории и истории основного изучаемого языка (языков) и литературы (литератур), теории коммуникации, **филологического анализа и интерпретации текста**, представление об истории, современном состоянии и перспективах развития филологии (**ПК-1**);

- Владение базовыми навыками сбора и **анализа языковых и литературных фактов с использованием традиционных методов** и современных информационных технологий (**ПК-2**);

б) студентов **магистратуры:**

- Способность *демонстрировать* знания современной научной парадигмы в области филологии и динамики ее развития, **системы методологических принципов и методических приемов филологического исследования (ПК-1)** и т.д.

Таким образом, подготовка специалиста в области прикладной филологии должна ориентироваться на его обучение основным методам филологического анализа продуктов речевой коммуникации (текстов); знание методов анализа, а также теоретическое и практическое овладение ими даст будущим специалистам возможность свободно, профессионально оперировать текстами разных жанров в разных сферах деятельности.

На наш взгляд, очень точно задача, связанная с обучением студентов методам исследования, выражена Е.В. Падучевой: «Дело в том, что если человек не видит» текста, не владеет навыками анализа, не воспринимает информации, заложенной в тексте, и не умеет ее интерпретировать – он беспомощен. Ему совершенно спокойно можно навешать на уши любой лапши, подsunуть любую

дезинформацию – и он все примет за чистую монету. А это, согласитесь, опасно для жизни» [Смысловой анализ, URL].

Теоретическую задачу знакомства студентов с филологическими методами анализа речевой коммуникации можно решить за счет введения в программу обучения аналогичного спецкурса или курса по выбору. Представляется, что с методологической точки зрения, прежде чем знакомить студентов с филологическими методами анализа речевой коммуникации, необходимо прояснить с опорой на междисциплинарные позиции базовые концепты, важные для данного курса.

В качестве таких базовых концептов можно назвать три основных: **метод, текст и курс**.

I. Метод в предложенной интерпретации выступает как *путь исследования*, ср.: «Метод – путь исследования: с позиций исследователя или с точки А (теоретических посылок) другая точка В (наблюдение) доступна благодаря выбору пути, который дает возможность проводить наблюдение и накапливать опыт... **Методическая процедура, как нить Ариадны, гарантирует исследователю безопасный путь для возвращения.** По ходу она обогащает его опытом – тому, кто «оглядывается назад», она помогает иначе посмотреть на *стартовую позицию* и даже при решении «не возвращаться» указывает на другие стартовые позиции. Неважно, каков путь «исследовательского путешествия» – методическая процедура упростит фиксирование результатов и составление отчетов об экспериментах (выделено мною – Т.Ч.) [Тичер, Мейер, Водак, 2009, с. 14].

В ходе освоения теоретических основ курса студенты знакомятся с основополагающим понятием, формирующим весь научный аппарат и задающим стратегии исследования, методы, процедуры, правила и инструментарий. В качестве такой суперструктуры, позволяющей вводить определенные процедуры и применять инструменты для сбора данных, выступает **теоретический подход (теоретическая база исследования)**, которого придерживается исследователь и которая позволяет воедино связать все процедуры филологического анализа текста как продукта речевой коммуникации.

II. Текст с позиций коммуникативно-дискурсивного подхода предстает как **коммуникативное событие**, удовлетворяющее следующим условиям:

а) внутритекстовые критерии (подходы сориентированы на «лингвистику текста»):

- связность;
- целостность.

б) внешнетекстовые критерии (подходы сориентированы на дискурс-анализ):

- интенциональность;
- приемлемость;
- информативность;
- ситуационность;
- интертекстуальность (Роберт де Богранд и Вольфганг Дресслер, 1981, цит. по: [Тичер, Мейер, Водак, 2009, с. 39–42]).

Подходы к тексту как объекту анализа могут быть представлены следующим образом:

(1) Тексты сами по себе могут быть объектом исследования без установления их связи с объективной реальностью - интересны особенности текста как таковые.

(2) Тексты как высказывания, как компоненты коммуникации, на основе анализа которых формулируются утверждения о группе лиц – авторов этих текстов, то есть тексты – показатели феноменов, в которых люди выступают носителями определенных качеств.

(3) Тексты как явная рефлексия в коммуникации, элемент «помощи» и индикатор, который позволяет анализировать коммуникацию (или коммуникативную ситуацию), зафиксированную в данной форме [Тичер, Мейер, Водак, 2009, с. 56].

Данное деление восходит к двум основным подходам, принятым в современной отечественной лингвистике – системноцентрическому и антропоцентрическому. Возможность разного подхода к осмыслению понятия «текст» в зависимости от того, является ли предметом наблюдения исследователя **грамматическая** или **коммуникативная** составляющие текста (грамматический и речедейательностный подходы), представлена в исследовании И.П. Сусова [Сусов, 1979]. Согласно мнению исследователя, если в первом случае текст выступает **как частный объект грамматики**, предполагающей изучение его как сложного целого, которое строится из множества специально отбираемых и соответственно организованных языковых единиц, при явном предпочтении синтаксиса текста, то **коммуникативно-функциональный подход предполагает «изучение текстов со**

стороны их функционирования, точнее – использования в речевых и – шире – социальных ситуациях» [Сусов, 1979, с. 90–95].

Группы методов, объединенных по принципу отношения к анализу отдельных высказываний как текстов, можно поделить на три группы в зависимости от того, какой из аспектов текста находится в центре внимания исследователя:

1) **текстуальный подход** как сознательно ограничивающий свои исследовательские интересы рамками одного отдельно взятого текста как изолированного, автономного речевого образования; единицы анализа: слово, предложение, фраза, фрагмент текста или весь текст в целом;

2) **интер- или гипертекстуальный подход**, пытающийся выявить и проанализировать смысловые взаимосвязи (цитаты, ссылки, аллюзии, реминисценции) между самыми различными текстами;

3) **контекстуальный подход**, рассматривающий любое высказывание (текст) как продукт деятельности социальных агентов, всегда включенных в социальные взаимодействия и структуры, конкретную политическую и культурно-историческую ситуацию [Сарна, 2003].

III. Наконец, дискурс с позиций коммуникативно-дискурсивного подхода трактуется как **текст в контексте** и как **событие**, ср.: «Дискурс – язык, используемый в речи или письме – форма социальной практики. Дискурс как социальная практика предполагает диалектическую взаимосвязь между определенным дискурсивным событием и ситуациями..., институтами и социальными структурами, которые задают его структуру – они формируют дискурсивное событие, но также дискурсивное событие формирует их... Он конституирует (то есть помогает поддерживать и воспроизводить) ситуации, объекты знания, социальные идентичности людей, групп и их взаимоотношения» [Тичер, Мейер, Водак, 2009, с. 48].

Основной единицей, помогающей в интерпретации смысла текста в рамках дискурсивного подхода является **коммуникативный контекст** как контекст коммуникативной речевой коммуникации – «это организация средств, организация частных контекстов и опора на частные контексты, вербальные и невербальные для формирования и выражения (равно и восприятия) смысла речи» [Мыркин, 1994, с. 50–51]. В трактовке понятия

«коммуникативный контекст» мы идем вслед за Т. Слама-Казаку, выделяющей так называемый «глобальный контекст», объединяющий: а) единство ситуации с актом коммуникации; б) высказывание в совокупности вербальных и невербальных средств выражения как эксплицитно (с позиций говорящего) – имплицитный (с позиций слушающего) контекст, содержащий все, что коммуниканты знают друг о друге; в) текст как сугубо лингвистическое (вербальный, или дискурсивный, контекст) [Мыркин, 1994, с. 51]; а также вслед за В.Я. Мыркиным, добавляющим к уже названному такие виды контекстов, как **языковой** (основной смысл высказывания); **параязыковой** (невербальные средства, сопровождающие звуковую речь); **ситуативный** (предметное окружение высказывания); **контекст культуры** (совокупность предварительных знаний фактологического и ментального характера); **личный** («взаимное знание собеседником реалий друг друга») [Мыркин, 1994, с. 51–54].

Все три базовых концепта (метод, текст и дискурс) использованы в качестве основы разработки программы учебной дисциплины «Методы филологического исследования коммуникации», которую автор статьи читает в качестве курса по выбору студентам магистратуры Алтайского государственного университета по специальностям «Риторика и речеведение» и «Теория и практика речевой коммуникации» [Чувакин, Чернышова, Панченко и др., 2010, с. 26–27].

Цель дисциплины – дать обучаемым целостное представление о совокупности методов и приемов, используемых в современной науке о языке с целью анализа созданных посредством языка текстов, разработанных в отечественной и зарубежной филологии. В **задачи** дисциплины входит: 1) представление системы методологических принципов и методических приемов филологического исследования; 2) ознакомление студентов с основными методами и приемами анализа продуктов речевой коммуникации; 3) характеристика особенностей различных методов и приемов, применяемых в современной отечественной и зарубежной филологической науке. Предусмотрено, что в результате освоения дисциплины студент должен:

– **иметь представление** о системе методов и приемов филологического анализа, используемых в современной коммуникативистике;

– **знать** основные методы и приемы самостоятельного исследования продуктов речевой деятельности человека в синхроническом и диахроническом аспектах;

– **уметь** квалифицированно анализировать, комментировать, реферировать и обобщать результаты научных исследований, проведенных иными специалистами, с использованием современных методик и методологий, передового отечественного и зарубежного опыта; производить анализ языкового и литературного материала для обеспечения преподавания и популяризации филологических знаний;

– **демонстрировать** способность и готовность квалифицированной интерпретации различных типов текстов, в том числе раскрытие их смысла и связей с породившей их эпохой;

– **создавать и анализировать** тексты разной стилистической направленности с учетом современных методик и методологий.

Ниже представлены примерный перечень разделов дисциплины и виды занятий (см. таблицу 1).

В процессе обучения студенты обязательно выступают на практических и семинарских занятиях с анализом какой-либо методической концепции (список работ для реферирования предлагается им на выбор в начале семестра), а также представляют на аудиторном занятии собственную методику анализа на том материале, который они исследуют в русле своей научной работы. Таким образом создаются условия для освоения теоретических и практических сведений о коммуникации и для обучения коммуникативному взаимодействию субъектов в процессе общения и обучения (см. таблицу 1).

Другая немаловажная проблема, которая встает перед преподавателем, работающим в русле прикладной филологии, – это формирование у обучаемых умения использовать полученные теоретические и практические знания непосредственно в практике коммуникативной речевой деятельности.

Практическая коммуникативно-речевая деятельность может быть реализована через «умение использовать основные положения и методы социальных, гуманитарных и экономических наук в профессиональной деятельности; способность анализировать социально-значимые проблемы и процессы» (ОК-9, бакалавры). Покажем на примере реализацию данных умений через такой вид деятельности как лингвоэкспертная.

№№	Раздел дисциплины	Лекции (кол-во часов)	С	ПЗ, ЛР
1.	Введение в дисциплину. Метод как путь исследования: общая характеристика. Филологический анализ как инструмент русской словесности	2	-	2
2.	Текст в современной коммуникативно-дискурсивной парадигме и методологические основы его анализа	2	-	2
3.	Дискурс как текст в контексте и как событие	2	-	4
4.	Основные направления современной филологии, участвующие в разработке методов анализа речевой коммуникации и продуктов речемыслительной деятельности человека (ГРА, смысловой анализ текста, интерпретационизм, дискурс-анализ и др.)	2	12	-
5.	Экспериментальные методики исследования речевой коммуникации		-	6
	Итого:	8	14	14

Таблица 1. Примерный перечень разделов дисциплины и виды занятий

Лингвоэкспертная деятельность – новый вид профессиональной деятельности филолога, протекающий на стыке языка и права в судебно-правовой сфере. От специалиста, занимающегося данным видом профессиональной деятельности, требуются не только знания в области юриспруденции (например, знание того, что лингвистические экспертизы могут проводиться по разным категориям дел в зависимости от сферы, в которой возник речевой конфликт, и в связи с этим имеют ряд специфических отличий), но только знания основ лингвоконфликтологии, но и владение приемами и навыками филологического анализа текста с учетом того дискурсивного пространства, в котором рождается конфликтный текст, попавший в сферу судебного разбирательства. Это, прежде всего, стилистический анализ текста [Чернышова, 2000], комплексный смысловой анализ продуктов речевой

коммуникации с использованием приемов интерпретационного, лингвокогнитивного, прагматического анализа [Чернышова, 2009], наконец, анализ коммуникативной речевой ситуации через интерпретацию речевых актов оскорбления, угрозы, призывов и т.п. [Бринев, 2009] и другие.

Выработка профессиональных аналитико-экспертных навыков, способствующих плодотворному решению профессиональных задач, связанных с анализом конфликтного текста, попавшего в сферу судебного разбирательства, может в теоретическом плане также осуществляться, на наш взгляд, на основе представленного выше курса, а в практическом – на базе курса «Аналитико-экспертная деятельность», который читается студентам магистратуры Алтайского государственного университета, обучающимся по направлению «Теория и практика речевой коммуникации» в рамках модуля «юрислингвистика» [Чернышова, 2012, с. 315–318]. Цели освоения данной учебной дисциплины предполагают получение обучаемыми целостного представления о характере аналитико-экспертной деятельности в области взаимодействия языка и права, лингвистики и юриспруденции; знакомство с базовыми принципами и способами аналитико-экспертной деятельности в сфере взаимодействия языка и права; формирование представлений о теоретико-методической базе аналитико-экспертной деятельности на основе взаимодействия лингвистики и юриспруденции, об основных методах анализа продуктов речевой коммуникации человека; знакомство с особенностями аналитико-экспертной деятельности по исследованию текстов разных типов дискурса: публицистического, рекламного, делового, агитационного и др. Большое внимание в ходе освоения курса уделяется практическому анализу конфликтных текстов, попавших в сферу судебного разбирательства. Источником эмпирического материала служит десятилетняя лингвоэкспертная практика Региональной общественной организации Алтайского края Ассоциация лингвистов-экспертов и преподавателей «Лексис», на базе которой студенты магистратуры могут пройти и производственную практику.

Представляется, что задача преподавателя, участвующего в подготовке студента-бакалавра и выпускника магистратуры к практической коммуникативной деятельности, состоит в разработке

практических методик анализа текстов в различных сферах общения (редакторской, рекламной, деловой, лингвоэкспертной и др.).

Литература

- Бринев К.И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза. Барнаул, 2009.
- Мыркин В.Я. Язык–речь–контекст–смысл. Архангельск, 1994.
- Сарна А.Я. Анализ дискурса (дискурс-анализ) // Социология. Минск, 2003.
- Смысловой анализ. [Электронный ресурс]. URL: http://www.philologia.ru/theory/sm_an.htm.
- Сусов И.П. О двух путях исследования содержания текста // Значение и смысл речевых образований. Калинин, 1979.
- Тичер С., Мейер М., Водак Р. и др. Методы анализа текста и дискурса. Харьков, 2009.
- Чернышова Т.В. Стилистический анализ как основа лингвистической экспертизы конфликтного текста // Юрислингвистика–2 : русский язык в его естественном и юридической бытии. Барнаул, 2000.
- Чернышова Т.В. Тексты СМИ в ментально-языковом пространстве современной России. М., 2009.
- Чернышова Т.В. Аналитико-экспертная деятельность: аспекты подготовки филолога-практика // Коммуникативистика в современном мире: эффективность и оптимизация речевого взаимодействия в социуме. Барнаул, 2012.
- Чувакин А.А., Чернышова Т.В., Панченко Н.В. и др. Введение в теорию коммуникации как филологическая дисциплина: программа и ее возможная интерпретация // Филология и человек. 2009. № 1.
- Чувакин А.А., Чернышова Т.В., Панченко Н.В. и др. Магистерская программа по направлению 031000 – филология (специализация – Риторика и речеведение). Барнаул, 2010.

ИНФОТЕЙНМЕНТ И ЭДУТЕЙМЕНТ : ЦИФРОВЫЕ МЕДИА ПРОТИВ БУМАЖНЫХ?

А.Г. Пастухов

Ключевые слова: инфотейнмент, эдутейнмент, модели коммуникации, «медленные медиа», «новые» медиа, медийный формат.

Keywords: infotainment, edutainment, models of communication, slow media, new media, media format.

Академику Д.С. Лихачеву принадлежит такая фраза: «В музеях, архивах и библиотеках надо работать долго, а желательно – всю жизнь». Многим ученым хорошо знакома подобная атмосфера: в период

подготовки научной работы приходится погружаться в особенный мир библиотечных каталогов или архивных собраний документов. Но сохранять эту благородную привычку – работать с книгой, первоисточником, с историческими фактами, с черновиком, в наше время становится все труднее.

В данной статье мы хотим проанализировать современное образовательное пространство как часть информационного общества с позиций медиакультуры [Кириллова, 2005]. Общество и образование строятся на совершенно новых принципах, отчего медиасфера становится инновационной площадкой и одновременно сферой влияния, в которой на фоне глобализационных процессов происходят изменения их типологических характеристик: взаимодействие и взаимовлияние, развитие новых типов и жанров медиа, использование развлекательных форм в журналистике, ориентация на специфическую аудиторию или субкультуру и т.п.

Пытаться сегодня предсказать, к каким именно социальным, экономическим и культурным последствиям приведет в ближайшем будущем стремительное проникновение компьютерных технологий во все сферы жизнедеятельности и, прежде всего, в образование и науку, занятие весьма сложное. Вероятными на данный момент остаются весьма противоречивые сценарии и направления дальнейшего хода событий: развитие информационных и медийных технологий в образовании ведет к тому, что бурное развитие информационно-коммуникационной сферы вызывает основополагающие изменения в общем коммуникативном опыте современного человека.

Целостность информационного пространства находится в прямой зависимости от социопсихолингвистического аспекта изучения форм дискурсивного поведения, на которое влияет множество социальных факторов. Ни для кого не секрет, что медиа называют «четвертой властью». Их способность формировать общественное мнение и влиять на него не вызывает сомнений. Но в условиях, когда медиа сильно коммерциализируются, они вынуждены зарабатывать самостоятельно. Их *социальная функция* (информирование, просвещение, образование и т.д.), связана как раз с образовательной средой, которая почти парадоксальным образом испытывает на себе положительное или отрицательное влияние новых технологий в процессе информирования и образования человека.

В сфере взаимодействия медиа и общества, соотношение предлагаемых альтернативных видов информации строится на основе моделей, отражающих распространение информации от центра к периферии. Характерными чертами данных моделей как типичной

формы односторонней коммуникации в ряде случаев являются ограниченной возможностью личной обратной связи (в особенности в медиа) и определение адресантом времени и места коммуникации [Евдокимов, 2010, с. 214–215]. Всего существует три таких модели:

Диалоговая модель сопряжена с распространением информации в коммуникационной сети, когда индивиды, общаясь друг с другом, самостоятельно выбирают время, место и тему информационного обмена (переписка, Интернет и электронная почта). Особенность этой модели заключается в том, что она предполагает своеобразное «горизонтальное» равенство (двух или более) участников обмена в противоположность «вертикальному принципу» – «руководство – подчинение».

Консультационная модель учитывает, что индивид, находящийся на периферии коммуникации, ищет необходимые сведения в центральном информационном хранилище (сервер, банк данных, работа с книгами в библиотеке). В ней место и время консультации, а также тема сообщения определяются не центром, а периферийным пользователем, обладающим максимальной свободой.

Регистрационная модель движения информации является противоположной консультационной: центр запрашивает и получает сведения от периферийного источника, когда индивиду закрыт доступ к главному банку данных, а также при автоматической записи сообщений в системах сигнализации и наблюдения. Сосредоточение информации происходит помимо желания индивида или без согласования с ним. Возможности схемы значительно возрастают вследствие компьютеризации и расширения телекоммуникационных сетей, а также из-за того, что центр имеет больший контроль над определением направления информационного потока, чем находящийся на периферии коммуникационной сети индивид.

Таким образом, сутью взаимодействия модели «человек–медиа–общество» является, прежде всего: а) информирование о специальных темах, б) подача необходимой информации в сферах, предполагающих наличия у реципиента специальных или профессиональных знаний. Принципиальное различие состоит в том, что медиа обнаруживают различный уровень коммуникативных возможностей как посредника в передаче специальных знаний. Но при этом важно, как в рамках конкретного медиа изменяются их коммуникативные роли [Пастухов, 2008, с. 147]. Сами медиа по-разному учитывают и фокусируют различные темы научного и образовательного обихода. Так, массовая пресса стремится найти очевидный и быстрый резонанс и использует

соответствующие формы журналистики: краткие крупные заголовки, бросающиеся в глаза темы, «размытая» информация и т.п.

Такое смешение свидетельствует о тенденции к бульваризации знания в медиа. Имевшее ранее отрицательную коннотацию понятие 'бульваризация' ныне является неременной чертой массовой культуры и означает «занимательное, информационное и информативное обращение к читателю» [Biere, 2000, с. 26–27]. С выделением тенденции к бульваризации на передний план выходит эмфатическое понятие «*infotainment*». Возникает резонный вопрос, каким образом здесь обнаруживается т.н. *feed-back* (обратная связь) по отношению к научной или учебной информации, как она находит своих «потребителей», и насколько возможно реализовать наиболее убедительный «инфотэйнмент» в науке.

2. Инфотеймент и эдутеймент. Как мы уже отмечали, медийная сфера отражает множественный и избирательный характер каналов коммуникации, их взаимного влияния, взаимопроникновения содержательных моделей. Вследствие этого известные медиажанры приобретают новые качества. По мнению исследователей [Евдокимов, 2010], в средствах массовой информации получает широкое распространение инфотеймент (от англ. *information* + *entertainment*) – информация, облеченная в обертку развлечения. Познавая этот симбиоз сообщения и развлечения, аудитория в определенных коммуникативных ситуациях узнает о чем-то новом, интересном или приподнимает завесу над каким-либо острым взаимодействием, а с другой – получает суррогат медийного продукта.

Инфотеймент – не новое явление в массмедиа. Классические художественно-публицистические жанры (фельетон, памфлет и др.) содержат осмеяние некоторых отрицательных явлений внутренней и внешней политики, отдельных лидеров. В условиях развития информационных технологий сфера использования развлекательных жанров в медиа существенно расширяется и проникает даже в группу информационных жанров. Однако четкого разграничения не существует до сих пор: к инфотейменту причисляют не только информационные, но и некоторые аналитические, художественно-публицистические материалы. Симбиоз информации влечет изменение подхода к отбору новостей: уменьшается доля официальных известий, но увеличивается количество сообщений, рассказывающих о событиях социальной, культурной, частной жизни, например, «звезд». Изменились и способы информирования: внимание публики концентрируется на интересных деталях и ярких подробностях. Не

случайно, в группе новостей выделились информационно-развлекательные.

Возможное изменение интересов «потребителей» сообщений массмедиа теоретики современного информационного общества связывают с изменением всей информационной среды, когда меньше внимания, чем прежде, уделяется социальным явлениям, в том числе образованию, и в целом эта проблема воспринимается уже как несущественный элемент глобальной мозаики. Снижение интереса общества к деятельности социальных (научных, образовательных, культурных) институтов, организаций гражданского общества, приобретает черты, формулирующие публичный запрос в виде развлекательной информации. В этом случае информационное общество как бы само провоцирует недолговечность ценностей и идеалов, временный характер потребностей, резкое увеличение объема научно-технических сообщений, повышение степени разнообразия жизненных явлений, обилие субкультур [Евдокимов, 2010, с. 215]. Огромный объем получаемых сведений лишает человека возможности рационально мыслить и принимать оптимальные решения.

Многопользовательские медиа создают и другие ситуации, где стимулами к обучению становятся действие, экшн, драма. Пользователь зондирует и «телескопирует» искусственные миры для обнаружения латентных моделей и правил. При этом значительная часть такого обучения заключается в обнаружении правил игры. Человек выявляет эти правила и обучается им в самом процессе, получая взамен устойчивую способность принимать решения и действовать в условиях сложных систем. Чем больше индивид (обучаемый) осваивает новый медиум, тем больше у него т.н. «когнитивная готовность». Играющие, развлекаясь, учатся использовать визуальные языки и языки истории как среду переработки огромных потоков информации. Н. Больц пишет об этом, и, не без основания, вводит новый термин «*эдутеймент*»¹ – понятие, обозначающее новые формы развлечения, поощряющие стремление к сложности, побуждающие пользователя к зондированию искусственных миров [Больц, 2011, с. 83].

Таким образом, новые игровые обучающие миры – это не кризис образования, но, возможно, путь выхода из него. Однако не все так просто. Следует иметь в виду, что мы живем во времена ограниченной ценности знания. Это значит, что человек уже не может научиться для

¹ Эдутеймент – от англ. *education + entertainment*.

жизни – он должен учиться всю жизнь. Как и много лет назад, ныне верен главный тезис образования: «научиться учиться». Сейчас это стало возможным технически, ведь гипермедиа создают знание, приспособленное к обучаемому. Они впервые дают возможность интерактивного и мультимедийного овладения наукой. Поэтому если в XXI веке вообще еще сохранится образование, то оно будет представлять собой стабильное целое из нестабильных частей. Впечатляющую модель уже сейчас предлагает Интернет с системой поисковых запросов и Википедией – новым видом энциклопедии без просветителей и авторитетов. Это еще раз подтверждает мысль о том, что диалогическое, самоорганизующееся знание о мире становится все более понятным для большинства. Не случайно поэтому, что оно вступает в жесткую конкуренцию с экспертным знанием и экспертной оценкой.

Интернет, с этой точки зрения, представляет собой социально распределенную память человечества, не принимающую традиционного соединения власти с научными авторитетами. Ведь профессионал не переносит свое знание на клиентов. Напротив, всемирная Сеть нацелена на создание и поддержание бесчисленных нитей особых интересов и новых форм выражения – гипертекстов.

На сегодняшний день идет много споров о качестве медиа. Отсюда концепция качественных медиа, или как принято говорить, *slow media* («медленных медиа»). Она ставит одновременно весьма важный вопрос: станет ли движение настолько популярным среди журналистов и читающей публики, что потребуются в корне поменять свое отношение к медиа. Очевидно, что *slow media* никогда не смогут вытеснить с рынка «желтизну», глянец, и, тем более, новостные форматы в первую очередь потому, что от них сложно отказаться. У медийного фаст-фуда всегда будет своя аудитория, и *slow media* – это не просто враг привычных нам СМИ, это скорее новый жанр, новый взгляд на культуру создания медиа, новый подход к их восприятию, или даже целая философия.

Под определение *slow* попадают только те медиа, которые соответствуют определенным параметрам. Это – устойчивые медиа, и производство медийных форматов в них высокотехнологично и требует серьезных затрат труда. В своем стремлении к совершенству они ищут перфекционизма во всем: от дизайнера и интерфейса, до содержания и идей, поэтому их продукт завоевывает своих читателей именно эксклюзивным качеством и высоким стандартом. Не случайно, основная аудитория *slow media* – это не пассивные потребители

информации, а деятельная, думающая публика. Slow media в своей интенции подталкивают читателей к дискуссиям и действиям. Их читатель – это активное лицо, ведь медиа ведут с ним диалог, а не обрушивают на него информацию в односторонней форме. Качественные медиа способны воспринимать критику и внимательно выслушивают новые точки зрения, всегда готовы взглянуть на проблему под разными углами, отчего последние носят отчетливо выраженный социальный характер. Slow Media показывают также свое умение взаимодействовать с аудиторией: они никогда не говорят или пишут в категоричной манере, не навязывают свою позицию, соответственно срок жизни информации в них гораздо больше, чем в обычных СМИ¹.

«Новые медиа» не только меняют привычную схему работы или формы коммуникации (см.: [Вирен, 2011, с. 50]. Они дают рядовым получателям их услуг возможность говорить с максимально большим количеством таких же потребителей без какого-либо активного посредничества². При этом невероятно возрастает скорость распространения информации: «новые медиа» работают по принципу снежного кома, и идея одного пользователя может обернуться многотысячным виртуальным флэш-мобом и затем стать эпицентром медийного интереса. Важнейшими параметрами формата новых медиа можно считать:

- направленность на очень узкие или малочисленные аудитории;
- способность (благодаря социальным закладкам) оказываться в фокусе всеобщего внимания и общественного интереса;
- гибкость и способность «отвлекаться» на темы, пусть и не табуированные, но не принятые в «больших» медиа и т.п.

То, что новые медиа являются отражением специфических медийных форматов, на первый взгляд, понятное и тривиальное дело. Оно находит свое подтверждение в истории медиа, но все равно по этому поводу возникает целый ряд вопросов. Какие форматы возникают, пробиваются к жизни, а какие – нет? Каким образом возникают инновационные форматы – как модификации и амальгамы уже существующих? Какое отношение имеют новые форматы по

¹ Сравн. контент таких СМИ как: www.polit.ru, www.snob.ru и др.

² См. также: А.Г. Пастухов О границах медиа : новые медиа и новые жанры // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2012. № 2.

сравнению со старыми? Умирают ли старые и каким образом новые адаптируют функции старых? Существуют ли общие принципы, по которым происходит изменение формата? Из самих этих вопросов становится очевидно, что изменение (рождение) формата не является изолированным аспектом медийного существования; оно неразрывно связано с его изменениями и эволюцией.

Экскурс в историю показывает, что с момента появления первого наскального рисунка по 2005 год было создано столько же контента, сколько за пять лет (с 2005 по 2010 годы). А с 2010 года до начала нынешнего уже создано столько же, сколько со времен наскальной живописи до 2010 года. Очевидно, что подобные объемы информации не позволяют современному человеку даже вскользь обозреть эту Галактику. Посмотрим, как бумажный и цифровой форматы влияют на презентацию информации в образовательном пространстве и какова ее реальная эффективность.

Несмотря на обилие медийных предложений, академическая среда является весьма удобной референтной группой для изучения влияния типа материального носителя (медиума) на содержание текста. Так, по мнению Сэмюэла А. Гаудсмита, рукописные письма носят более откровенный характер и написаны без стеснений. А письма 20-х годов прошлого века, напечатанные на машинке, рассчитаны на более широкую публику и поэтому особенно тщательно обдуманы авторами. Однако для нынешнего состояния, напротив, характерна тенденция к деперсонализации, которая в полной мере находит свое отражение в письмах, набранных на компьютере, и, тем более, посланных по электронной почте.

У современных пользователей электронной почты манера отвечать на письма примерно такая же, разве что скорость коммуникации значительно выросла: мы отвечаем на письма не через несколько дней, а через несколько минут. Но экспоненциальная зависимость вероятности отправки ответа в тот или иной день после получения осталась такой же. Другое дело, можно ли вообще применить понятие «черновик» при электронной переписке. Судьба рукописных (и даже машинописных) черновиков с наступлением эры Интернета и цифровых носителей отнюдь не уникальна.

Черновики и записные книжки великих людей без преувеличения являются произведением искусства, причем в высочайшем его проявлении. Если бы Леонардо да Винчи писал не на пергаменте, а на компьютере, его записи не дошли бы до наших дней. Более того, если бы Пушкин писал на компьютере, мы бы сейчас не имели его

черновиков и не могли бы проследить ход мысли русского гения. Заметим, что в Британских национальных архивах, например, на 2007 год хранилось 580 терабайтов информации в старых цифровых форматах (эквивалент 58 тыс. энциклопедий), которые уже не используются. На деле это означает фактически их утрату, так как оказывается, что цифровая информация как медиум гораздо эфемернее бумаги. Умберто Эко не так давно сокрушался по поводу того, что не смог найти первую версию «Маятника Фуко», которую он записал на дискету в середине 80-х. Но если бы он печатал свой роман на машинке, рукопись вероятно бы сохранилась, – считает ученый. Данный частный случай свидетельствует, что рано или поздно с проблемой «сохранения» документа столкнутся все представители бизнеса, университетов, медиа.

Данное обстоятельство хоть как-то примиряет с термодинамической неизбежностью смерти рукописных черновиков: средняя продолжительность «жизни» веб-страницы – 40 дней и это ничто по сравнению с обожженной глиной, которая не боится никаких внешних воздействий: воды, огня, магнитных полей. А цифровые медиа (фотографии, книги, жесткие диски и т.д.) через несколько тысяч лет, скорее всего, исчезнут, тогда как собрания клинописных табличек останутся целыми и невредимыми...

Эти и другие многочисленные примеры показывают, что суровый приговор бумажным технологиям уже негласно подписан, и новые технологии будут и дальше эстаблироваться как специфические коммуникативные стратегии. Они находят свое выражение как в способе структурирования текста, часто не соответствующем общепринятым нормам построения, так и в особом типе используемого дискурса, который полностью отрывается от традиционно свойственной ему властной компоненты, от менторского диктата в пользу апелляции к креативному, творческому потенциалу или нравственному выбору возможного читателя. Но именно такой смысл, к сожалению, не вкладывают авторы в свои послания, отправляемые современной «бутылочной почтой» по волнам времени будущим поколениям с терпящего бедствие корабля цивилизации [Кузнецов, 2011, с. 5].

Как видим, результаты сравнения бумажных и цифровых технологий дают ключи к современному пониманию трансфера специальных знаний, возможностям проникновения специальных языков в стандартный язык. Эти два главных следствия и эффекта позволяют рассмотреть нашу тему с точки зрения взаимодействия

понятий «специальный язык» и «стандартный язык медиа». Для них, в большей степени, характерны потребность в информации, тематизация, устойчивый спрос на профессиональные материалы. Включение «личного интереса» в профессиональную тематику позволяет ожидать, что неспециалист будет в состоянии понять предметное содержание публикации.

Важны и личностные моменты актора академической среды как наиболее чистой формы теоретика, ненасытного читателя, обладающего познаниями энциклопедиста. «Книжный червь» обычно демонстрирует большую предрасположенность к философии, математике или статистике. Перед тем как решиться на эксперимент, он досконально изучит все в своей области, после чего возможно решит вовсе не проводить эксперимент, поскольку тот уже проведен или окажется бесперспективен. «Книжный червь» согласен заниматься преподавательской деятельностью, что служит пристойным оправданием его неудач в лаборатории. Но, как бы там ни было, сегодня эта не самая вредная разновидность исследователей – вымирающая популяция. Можно предположить, что «книжные черви» скоро просто будут обречены превратиться в субъектов Сети и носителей мега-, гига- и терабайтов информации.

Соответственно производство научных текстов и доступность специальной информации, их медийная «транспортировка» находятся на пересечении интересов науки, специальных языков, стандартного языка журналистики, то есть именно там, где конкретная отрасль выступает сферой компетенции автора в пределах определенной тематики. Обладая теоретической ценностью и практической направленностью, этот подход обещает дать более широкий простор изучению всего языка профессиональной коммуникации и его проекций в медиа. В условиях возрастающей роли электронных медиа и их динамичного развития, авторы оправданно ставят вопрос о месте и значимости аудиовизуальных технологий в культуре и жизни современного общества. Очевидно, что произошедшая переориентация от печатного текста к электронному привела к тому, что дигитальные медиа стали не просто одним из условий формирования личности, но и средой обитания человека, своеобразным субъектом культуры, в том числе научной.

Ключом к пониманию места и функции феномена информационно-коммуникативных технологий, специфики реализуемого в их среде нового коммуникативного опыта является процесс оценки социокультурной ситуации, который в начале XXI века характеризуется прежде всего богатейшим идейным потенциалом, особенностями

социальных функций и вероятных тенденций развития. Поставленные в данной работе вопросы возможно послужат лучшему установлению коррелятивной связи между реалиями информационной эпохи и творческим наследием научной мысли как дополнительного стимула, активизирующего интерес к медийным, научно-историческим изысканиям, и, не в последнюю очередь, уточнению жизненных приоритетов студенческой молодежи, которая уже с самого раннего возраста неплохо интегрирована в среду современных информационно-коммуникативных технологий.

Литература

- Больш Н. Алфавит медиа. М., 2011.
- Вирен Г. Интернет и традиционные печатные СМИ России : проблемы сосуществования и взаимовлияния // Меди@льманах. 2011. № 1.
- Евдокимов В.А. Инфотейнмент в масс-медиа: панacea от скуки и эрзац дискуссии // Наука о человеке. Гуманитарные исследования. 2010. № 5.
- Кириллова Н.Б. Медиакультура: от модерна к постмодерну. М., 2005.
- Кузнецов М.М. Опыт коммуникации в информационную эпоху. Исследовательские стратегии Т.В. Адорно и М. Маклюэна. М., 2011.
- Пастухов А.Г. Некоторые аспекты «бульваризации» специального знания в СМИ // Язык для специальных целей : система, функции, среда. Курск., 2008.
- Biere В.У. «Infotainment» – Boulevardisierungstendenzen im Wissenschaftsjournalismus? In: Abrakadabra der Fachsprache: Wissenschaft und Medienoffentlichkeit. Berlin, 2000.

ФИЛОЛОГИЯ : ЛЮДИ, ФАКТЫ, СОБЫТИЯ

ТРЕТЬЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «Коммуникативистика в современном мире : эффективность и оптимизация речевого взаимодействия в социуме» (Барнаул, Алтайский государственный университет, 24–29 апреля 2012 г.)

Третья международная научно-практическая конференция «Коммуникативистика в современном мире: эффективность и оптимизация речевого взаимодействия в социуме» состоялась в Алтайском государственном университете (далее: АлтГУ) 24–28 апреля 2012 года. Ее организаторами выступил Алтайский государственный университет: кафедра современного русского языка и речевой коммуникации филологического факультета, лаборатории коммуникативистики и риторики, юрислингвистики и развития речи, научно-образовательный центр филологических исследований коммуникации Алтайского государственного университета.

В конференции (в очной и заочной формах) приняли участие 116 человек, в том числе: ученые-филологи, специалисты-практики, докторанты, аспиранты и студенты, представляющие высшие учебные заведения, научно-исследовательские организации, органы государственной власти, СМИ, коммерческие структуры России (Абакан, Барнаул, Благовещенск, Бийск, Волгоград, Горно-Алтайск, Екатеринбург, Кемерово, Красноярск, Москва, Нижний Тагил, Новосибирск, Омск, Орел, Пермь, Рубцовск, Санкт-Петербург, Саратов, Тверь, Уфа, Челябинск, Якутск и др.), ближнего и дальнего зарубежья – Австрии, Бельгии, Монголии, Украины, преподаватели и учителя учреждений общего среднего и среднего специального образования.

В ходе конференции прошли два пленарных и шесть секционных заседаний, на которых заслушано и обсуждено около 60 докладов и сообщений.

Представленные на конференции материалы развивают проблематику, намеченную I международной научно-практической конференцией «Коммуникативистика в современном мире: человек в мире коммуникаций» (2005) и II международной научно-практической конференцией «Коммуникативистика в современном мире: регулятивная природа коммуникации» (2009). В центре внимания конференций – процессы взаимного тяготения филологии и коммуникативных наук, основой которых стал человек как субъект и объект современного гуманитарного знания, процессы, явления и факты коммуникативно-речевой практики в разных сферах, а также разработка мер по предупреждению кризиса и конфликта в речевой коммуникации.

Конференция 2012 года решала задачи, связанные с дальнейшим осмыслением проблем коммуникативно-речевой практики в межличностной, публичной, медийной, виртуальной, художественной, образовательной и других сферах деятельности сквозь призму эффективности речевого общения и его оптимизации. Осмысление современным человеком коммуникативных отношений с позиций эффективности и, в необходимых случаях, решение задачи оптимизации общения или его урегулирования в наши дни служит едва ли не главным направлением сохранения и развития социума, отдельного человека и человечества в целом.

Участники конференции отметили, что в АлтГУ сложился ведущий научно-педагогический коллектив в области филологических наук, разрабатывающий тему «Филологическое исследование коммуникации». На филологическом факультете АлтГУ успешно функционируют лаборатории коммуникативистики и риторики; юрислингвистики и развития речи, научно-образовательный центр филологических исследований коммуникации. Все это способствует разработке филологической проблематики теории коммуникации, лингвоэкспертологии, лингвоконфликтологии, развитию коммуникационных технологий в образовательной деятельности, тактик и стратегий эффективного общения в разных сферах коммуникации.

Конференция призвала всех специалистов-гуманитариев к осмыслению и исследованию ряда новых и актуальных проблем коммуникативно-речевой практики и филолого-коммуникативного

комплекса знаний, центром которых является человек как субъект коммуникативной деятельности.

Участники конференции отметили, что в представленных докладах и сообщениях намечены новые связи филологии и коммуникативных наук, акцентирована значимость проблемы эффективности речевой коммуникации и важнейших направлений ее оптимизации. В связи с этим повышается в филолого-коммуникативных исследованиях роль риторической и аналитико-экспертной составляющих.

Новой и актуальной является проблема коммуникативной истории человечества и ее рассмотрение в национальных и региональных аспектах. Здесь происходит усиление междисциплинарных связей филолого-коммуникативных исследований, что особенно важно в условиях глобализации мира и востребовано в пограничных и трансграничных регионах.

Значимой для теории и практики является проблема «коммуникация и образование». Конференция обратила внимание коллег-гуманитариев на актуальность всестороннего обсуждения и изучения данной проблемы: процессы и результаты развития современного человека, процессы и результаты развития общества и государства во многом определяются гуманитарной составляющей образования в силу его коммуникативной природы.

Конференция решила провести IV международную научно-практическую конференцию «Коммуникативистика в современном мире» в апреле 2015 года и вынести на ее обсуждение проблему *Homo Loquens & Homo Communicans*.

**Н.В. Панченко,
Т.В. Чернышова**

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

«Коммуникативистика в современном мире : эффективность и оптимизация речевого взаимодействия в социуме : Материалы Третьей международной научной конференции (Барнаул, 24–29 апреля 2012 г.) / под ред. Н.В. Панченко, Т.В. Чернышовой, А.А. Чувакина. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2012. 327 с.

В науке, изучающей русскую речь, вполне очевидным образом наметилась тенденция, когда исследователи от изучения речевых массивов разного объема переходят к изучению говорящего человека и, соответственно, даже традиционные речевые массивы и образования изучают под эти углом зрения. Весьма показательным в этом плане выглядит рецензируемый сборник, в котором представлены материалы международной научной конференции «Коммуникативистика в современном мире: эффективность и оптимизация речевого взаимодействия в социуме».

Авторы ставят целью рассмотреть речевую коммуникацию в аспектах, «связанных с эффективностью и оптимизацией речевого взаимодействия в социуме, филологическим осмыслением коммуникативных с позиций эффективности как важного фактора сохранения и развития социума, отдельного человека и человечества в целом» (с. 2). Если исключить аспект, связанный с судьбами человечества, то можно с уверенностью сказать, что организаторы конференции – составители сборника достигли поставленной цели и получили интересные результаты.

Сборник научных работ удачно структурирован в соответствии с названием конференции. Авторы проекта от общих вопросов взаимодействия коммуникативистики и филологии идут к анализу национальных и региональных особенностей речевой коммуникации, сосредоточивая затем свое внимание на проблемах эффективности речевого взаимодействия, выделяя особо проблему конфликтного и

кооперативного речевого поведения, проблематику текста как главной коммуникативной единицы. Завершает коллективное исследование раздел, посвященный тем проблемам в речевом образовании, которые связаны с коммуникативистикой.

Общий пафос работ, собранных в первой части сборника, состоит в том, что коммуникативистика получает в настоящее время статус зонтичного термина, который способен объединить и согласовать разнообразные исследования, связанные с изучением русской речи. Потребность в этом существует, поскольку терминологические системы отдельных филологических наук формировались самостоятельно и их согласование представляется весьма проблематичным, особенно в условиях интенсивного развития разноаспектных исследований русской речи. Показательна в этом отношении статья А.А. Бернацкой «О соотношении языкознания и риторики», в которой только никак нельзя согласиться с квалификацией глубокого и не до конца изученного высказывания М.М. Бахтина о соотношении категорий «текст» и «произведение» как эпатажного.

Позиция исследователя, находящаяся в рамках коммуникативистики, дает возможность появления работ обобщающего типа в любых сферах исследований речи, которые так или иначе связаны с речевыми проблемами социума. Так, интересную попытку осмыслить тип и характер дискурсивных исследований предпринимает в статье «Дискурс-анализ социально-экономической коммуникации в новых условиях инфокоммуникативного общества» А.Б. Бушев, исходящий из того, что «дискурс-анализ представляет собой такую технику интерпретации, которая бы выявляла социокультурные, идеологические, политические, религиозные и прочие предпосылки организации высказывания» (с. 22). С позиций коммуникативистики осмысливает ситуацию в сфере филологического образования Г.В. Быкова, обращая внимание на необходимость перестройки вузовского филологического образования в соответствии с современными коммуникативными потребностями общества, обосновывая свой вывод глубоким историко-филологическим анализом. Новый подход к категории тезауруса обозначен в статье С.А. Осокиной.

Исследования текстов СМИ, представленные Л.Р. Дускаевой, Н.И. Клушиной, В.И. Коньковым, Е.Г. Малышевой, свидетельствуют о том, что в речеведении сегодня уверенно прокладывают себе дорогу

направления, в центре изучения которых разновидности текстов, выделенные на разнообразных основаниях.

Работы А.В. Морозова «Употребление предлогов при топонимах» и Н.П. Перфильевой «Коммуникативно-прагматический аспект изучения предлогов» говорят о том, что даже традиционные грамматические темы получают в рамках коммуникативистики новое звучание.

Содержание раздела «Коммуникативная история человечества: национальное и региональное», как представляется, несколько уже заявленного в заглавии. В центре внимания авторов здесь находятся проблемы речевой коммуникации, обусловленные национальными и региональными реалиями. Большим количеством авторов представлена в разделе тема межкультурной коммуникации, в частности – работы, выполненные в рамках гранта «Национально-специфические реалии русской и монгольской культуры в языковом сознании жителей западной Монголии». Свежими и оригинальными выглядят работы А.И. Куляпина «Идеологические фильтры в речевой коммуникации на уроках математики (1920–30-е годы)» и М.Ю. Сидоровой «Российский офис международной компании как коммуникативное пространство».

Весьма показательным в плане концепции сборника является раздел, посвященный «конфликтному и кооперативному в речевой коммуникации», прямо и непосредственно связанный с юрлингвистикой. Гражданский и Уголовный кодексы квалифицируют конфликтные речевые ситуации как утверждение, оценку, мнение, оскорбление, клевету. Приходится признать, что, будучи составленными юристами без участия лингвистов, законодательные акты не учитывают многие, заслуживающие наказания формы речевого поведения, а потому не влекут за собой юридической ответственности. Авторы раздела анализируют те аспекты речевого поведения, которые в обществе, ответственно относящемся к своему будущему, должны жестко регулироваться.

Особое внимание обращает на себя концептуальная статья А.Д. Васильева, который говорит об «отсутствии внятной и четкой языковой и культурной политики государства» (с. 189). Автор берет на себя смелость дать оценку катастрофическим последствиям «всеобщего и поголовного реформирования», и в частности – введения ЕГЭ в его нынешнем виде, автор уместно использует номинацию «ЕГЭзация», утверждая, что «выступления против орфографоцентризма», «орфографического режима» и других

пережитков так называемого «тоталитаризма» вызваны во многом соображениями отнюдь не лингвистического свойства» (с. 190).

Работы Т.В. Чернышовой, Н.В. Вязигиной, Е.В. Голощаповой, С.В. Дорониной, Е.С. Кара-Мурзы, О.Б. Кирильчук, Г.Г. Хисамовой показывают, насколько важное место в юрислингвистике и в перспективе в юридических актах должны занять вопросы, регулирующие речевую деятельность личности именно и прежде всего в аспекте речевого поведения.

Заключительный раздел сборника посвящен проблемам коммуникативного образования. Достаточно широко представлены частные аспекты коммуникативного образования, среди которых выделяется проблема подготовки филолога-практика в аспекте его аналитико-экспертной деятельности, разработанная Т.В. Чернышовой. Принципиальное значение для понимания сути коммуникативного образования имеют работы Н.Д. Голева и А.А. Чувакина.

Н.Д. Голев излагает профессиональный взгляд специалиста по коммуникативистике на федеральный образовательный стандарт третьего поколения, где базовой целевой установкой является формирование компетенций. Автор представляет систему организации образовательного процесса, получившую название «ноотека» и являющуюся «частным случаем реализации деятельностного подхода в рамках одной из филологических дисциплин – морфологии современного русского языка» (с. 283). Ноотека для автора – «форма организации учебного процесса в рамках компетентностно-деятельностной методологии» (с. 284). Ноотека «согласована с системой компетенций, зафиксированных в федеральном образовательном стандарте третьего поколения» (с. 285). Филологи – организаторы учебного процесса всех уровней – найдут здесь для себя множество современных полезных методических рекомендаций, в основе которых «социальное обоснование интенсивных форм обучения» (с. 286).

А.Д. Чувакин разрабатывает категорию коммуникативной безопасности как одну из базовых категорий коммуникативистики в сфере образования. «Мы полагаем, – пишет автор, – что на современном этапе развития страны наиболее уместным контекстом коммуникативного образования служит филология и филологическое образование, а само коммуникативное образование (коммуникативная составляющая образования) может формироваться как отклик на потребности обеспечения коммуникативной безопасности человека,

общества, государства (в этом видится целевая установка коммуникативного образования)» (с. 319).

Весь сборник в целом говорит о том, что на современном этапе развития филологической науки система коммуникативных категорий является одной из наиболее эффективных терминологических систем, обеспечивающих достижения весомых результатов в самых различных сферах филологической науки. Об этом свидетельствуют также разделы сборника, посвященные эффективности речевого взаимодействия, изучению текстовой проблематики. Однако именно в разделе об образовании эффективность данной терминологической системы проявилась наиболее полно и впечатляюще.

Высоко оценивая качество сборника, проделанную организаторами конференции работу, сделаем одно исключительно технологическое замечание. Оно касается большого количества неточностей в оформлении цитатного материала и ссылок на электронные ресурсы.

Эти погрешности ничуть не умаляют достижения авторов-участников конференции, высокий практический потенциал представленных в сборнике материалов.

В.И. Коньков

**Рецензия
на монографию Т.И. Красновой
«Другой голос. Анализ газетного дискурса
русского зарубежья 1917–1920 (22) гг.».**

Книга Т.И. Красновой «Другой голос. Анализ газетного дискурса русского зарубежья 1917–1920 (22) гг.» посвящена исследованию дискурса оппозитивности в прессе русского зарубежья с акцентом на идеологической, социальной и культурной экспликации. В фокус внимания автора попадают элементы тематической структуры дискурса, эксплицирующие языковые феномены различных уровней русского сознания в состоянии идеологической поляризации.

Происходящие в России процессы разворачивания оппозиционного дискурса с неизбежностью ставят перед филологами и журналистами многочисленные вопросы, связанные с оптимизацией взаимопонимания в сфере средств массовой информации

[Проскуряков, 2004, с. 54]. Русский язык, претерпевший за минувшее столетие несколько идеологических вторжений, занимает особое место в процессах властной коммуникации, демонстрирует проникновение политических идей, которое особенно заметно на фоне социального кризиса и усиления манипулятивного дискурса.

В этом отношении возрастает роль исследования дискурса СМИ в кризисный и военный периоды, направленного на расширение знаний о предметной области в целом и на уточнение релевантных для исторического прошлого и настоящего времени концептов оппозиционного дискурса.

Интерес к теоретической проблеме оппозиционности газетного дискурса, которая является центральной в этой книге, обусловлен характерным для нашего времени обращением к вопросам экспликации идеологических компонентов политического дискурса в системе государственных и оппозиционных СМИ в контексте историографических сочинений нового типа. Кроме того, актуальность монографического исследования усугубляется еще и следующими моментами: во-первых, необходимостью теоретического осмысления трудов российских и зарубежных ученых по теории дискурса и социальной детерминации речевой деятельности, во-вторых, необходимостью выработки алгоритмов интерпретации речевого поведения идеологических субъектов, способных предотвратить коммуникативные сбои в политической коммуникации.

Объектом исследования Т.И. Красновой оказывается оппозитивный дискурс русской эмиграции, под которым автор понимает речевые действия идеологических субъектов, рассматриваемые в социальном и когнитивном контекстах. Монография предполагает несколько ракурсов рассмотрения объекта, тесно взаимосвязанных в процессе интерпретации, – политологический, филологический, социопсихолингвистический, индивидуально-герменевтический. Интерпретация дискурса о России в историко-социальном, культурном и идеологическом контекстах, обращение к ряду вопросов, возникающих при изучении различных видов дискурса оппозиции на материале текстов русской эмиграции определяет научный объект монографического исследования.

Монография Т.И. Красновой продолжает направление комплексных исследований, связанных с применением к изучению дискурса русского зарубежья традиционных методов и достижений архивоведения, историографии, культурологии, искусствоведения, журналистики и политологии.

Поиск, систематизация и описание элементов дискурса оппозиции в СМИ русского зарубежья, в аспекте идеологического наполнения убеждений, когнитивной семантики и концептуального содержания определяют основные цели.

Объективность и научная достоверность результатов работы – решение проблемы комплексного аналитического описания газетного дискурса русской эмиграции, систематизация дискурса о России в прессе различных стран русского зарубежья, определение идеологической и когнитивной специфики дискурса оппозиции – не вызывает сомнения. Этому способствует и умение автора критически подходить к отдельным историческим и филологическим фактам, и стремление проникнуть в семантику терминов, и владение приемами структурирования информации, что дает возможность сопоставить наблюдаемые феномены.

Рассматривая в когнитивном ключе жанровые и композиционные особенности печатных изданий, автор предлагает оригинальную методику выявления идеологических предпочтений, подвергает концептуальному анализу содержащиеся в газетном дискурсе оппозитивные идеи. Экстралингвистическая интерпретация фактов языка, дискурсивный анализ и серия приемов концептуального анализа определяют исследовательскую методику.

Идеологическая и политическая оппозиционность дискурса печатных изданий русского зарубежья до сих пор не привлекла к себе должного внимания исследователей, что во многом и определяет научную новизну. Т.И. Краснова неоднократно в ходе своих размышлений, критически оценивая работу современных исследователей дискурса, подчеркивает недостаточность, бессистемность и непоследовательность описания исторического и филологического материала. Некоторые издания, столетие хранящиеся в фондах российских библиотек, до сих пор не были исследованы.

Выявляя способы дискурсного анализа историко-культурного наследия русской эмиграции, Т.И. Краснова обращается к когнитивным, социальным, культурологическим и идеологическим особенностям экспликации ключевых концептов *Россия*, *большевик* и предпринимает сравнительное исследование ключевых геополитических направлений экспансии журналистского процесса Русское зарубежье получает в исследовании оценку как динамичный целостный феномен, существующий в системе убеждений идеологических субъектов, фиксируемых в противоречивой концептуальной картине мира.

Базовым для исследования текстом послужили зарубежные русскоязычные издания периода Гражданской войны, отражающие трагическую картину мира в наиболее сложный период русской истории. Всего автором проанализировано более полутора тысяч текстов, созданных в условиях продолжительной эмиграции.

В рамках сложившихся в дискурсе печатных СМИ русского зарубежья системы ценностей несомненный интерес для политической филологии представляют текстовые формы репрезентации оппозиции [Проскураков, 1999, с. 29]. Тем более что автор обращается к такой важной стороне проблемы, как методы понимания политического дискурса оппозиции в нарративах различной идеологической направленности. Монографическое исследование – существенный научный, научно-практический вклад в это нужное дело.

Остановимся на некоторых положениях монографического исследования.

Автор вполне аргументированно демонстрирует, что в рамках избранного направления анализа речевого поведения идеологических субъектов сформирован вспомогательный аппарат, дополняющий традиционную парадигму дискурсного анализа речи и текста. В работе предпринят подробный анализ точек зрения на понимание дискурса, в результате которого автор приходит к выводам в духе французской школы дискурсного анализа и определяет дискурс как феномен внутри идеологии, оппозитивный по своей природе всегда и везде, поскольку оппозитивны порождающие его социальные субъекты. Такой подход сориентировал исследователя на выявление и интерпретацию идеологических установок политической борьбы через призму стиливых, композиционных, концептуальных предпочтений различных изданий на текстовом формообразующем этапе существования дискурса.

Можно согласиться с автором, что экспрессивность, эмоциональность и образность политизированных текстов создаются, уже на дотекстовом этапе глубочайшими интенциональными переживаниями, формирующими в сознании читателя оппозиционные, по выражению автора – тотально оппозитивные, модели понимания и общения.

Автор справедливо отмечает, что такая тотально идеологическая модель дискурса оказывается продуктивной при интерпретации дискурса СМИ военного времени, не имеющего аналогов по концентрации фактов оппозиционных отношений. Надо сказать, что автора не только не пугает, а, напротив, как бы привлекает

усложненность целевой концептуальной картины мира, разорванной географическими рамками, идеологией, политическими противоречиями.

Обоснованной является основная направленность работы – герменевтическое и филологическое осмысление противоречий эпохи через призму журналистского произведения. Автор многократно вчитывается в текст в поисках оппозитивных тенденций, отдельных фрагментов смысла и множественности идеологических контекстов. Исследование представляет ценность и как фундаментальное описание значительного числа изданий русской эмиграции, некоторые из которых каталогизируются впервые. Филологическое чутье позволяет Т.И. Красновой усматривать все возможные оттенки и разновидности оппозитивности данных изданий, – оппозитивность имплицитную, открытую, тотальную, умеренную и радикальную.

Материал, с которым работает автор еще «не остыл», сохраняет колоссальный эмоциональный заряд смертной боли и ненависти миллионов русских людей. Попытка осмыслить забытый опыт их борьбы и гибели едва ли не самый важный результат рецензируемой книги. Очевидно, что такой опыт не мог не повлиять на способ восприятия и анализа научной литературы по теме исследования. В ходе ознакомления с материалами монографии возникает представление об оппозитивности как универсальном свойстве любого дискурса. Возможно, подобное представление стало причиной того, что и анализ научной литературы в отдельных частях докторского исследования напоминает анализ научного дискурса на предмет идеологии. Постулируя диалоговость и контекстуальность научных знаний в решении вопросов анализа дискурса, автор увлекается и ищет противоречия там, где следовало бы искать общие методологические основания.

Вполне оправданным оказывается сравнительный анализ европейской, североамериканской и китайской эмигрантской прессы. Особенный интерес представляет сравнение экспликации концептов *Россия* и *большевизм* в дискурсах различной политической направленности. Жанровая характеристика изданий, содержательный анализ журналистских произведений дополнены емким обзором средств выразительности.

Помимо обширной филологической базы, составляющей теоретический костяк, особый интерес вызывает разработка политологического и когнитивного аспектов концептуализации дискурса оппозиции. Как становится ясно в ходе ознакомления с

монографическим исследованием, многие представления о государстве и оппозиции, свойственные современности обладают длительной предысторией, которая актуальна для понимания современного оппозиционного дискурса. Поэтому обзор дискурса о России в прессе разных стран русского зарубежья, осуществленный на основе исторического, жанрового, семантико-когнитивного и композиционно-стилистического комментария журналистских произведений, не нарушает стройности работы.

Ряд частных замечаний к исходным позициям монографии имеется.

Сложно согласиться с автором, что оппозитивный дискурс является типичным способом существования картины мира в общественном сознании времен революций и войн. Концептуальная и языковая картины мира лежат глубже социальных инстинктов, идеологических убеждений и политических взглядов [Проскуряков, 2000, с. 36]. Общественное сознание эксплицируется помимо идеологии в других типах дискурса, обладающих иными приоритетными свойствами.

Автор идеологизирует оппозитивность как механизм противопоставления элементов дискурса. Под оппозитивностью Т.И. Краснова понимает идеологически оценочную модализацию, проявляющуюся как отношение неприятия (или притяния), которое сформировалось в ходе интерпретации действительности с позиций противодействия на базе идеологического прекоплекта. Между тем отношения противоположения и соположения связывают элементы дискурса вовсе не обязательно по идеологическим причинам. Для отношений притяния или неприятия, формирующегося в ходе интерпретации действительности, есть другие основания, некоторые из которых усматривают в особенностях организации концептуальной картины мира [Проскуряков, 2000, с. 36].

Литература

- Проскуряков М.Р. Дискурс власти: очерк культуры политической речи // Современная русская речь: состояние и функционирование. СПб., 2004.
Проскуряков М.Р. Дискурс борьбы: очерк языка предвыборных кампаний // Вестник МГУ. Сер. 9. 1999. № 1.
Проскуряков М.Р. Концептуальная структура текста. СПб., 2000.

М.Р. Проскуряков

РЕЗЮМЕ

SUMMARY

Ю.В. Данюшина. Управленческая коммуникология и организационная дискурсивная лингвистика (межкультурный критический анализ управленческого дискурса). В статье инициируются инновационные новые лингво-коммуникативные кросс-дисциплины на стыке лингвистики (лингвистической дискурсологии, дискурс-анализа), коммуникологии, организационной коммуникации, межкультурной коммуникации и теории управления – управленческая коммуникология и организационная дискурсивная лингвистика. Приводится авторский опыт предварительной разработки вводимых дисциплин – исследование речевых характеристик руководителей американской, европейской (французской) и китайской корпораций, с применением методов критического дискурс-анализа и с опорой на антропологические и культурологические теории.

Yu.V. Daniushina. Governance communicology and organizational discursive linguistics (an intercultural critical analysis of managerial discourse). The paper initiates innovative lingua-communicative cross-disciplines on the junction of Linguistics (linguistic discoursology, discourse analysis), Communicology, Organizational Communication, Intercultural Communication, Governance Theory) – Governance Communicology and Organizational Discursive Linguistics. The author's experience of the preliminary researching in these disciplines is depicted – the exploring speech characteristics of directors of the American, European (French) and Chinese corporations, with the application of the Critical Discourse Analysis methods and emphasis on anthropological and culturological theories.

С.Н. Глазкова. Этноспецифика директивной синтаксемы *надо+инфинитив* в диахроническом аспекте. В статье исследуется национально-культурная специфика синтаксемы *надо+инфинитив* с позиций диахронического подхода. Устанавливается ее особая, пассивная директивность-неакциональность. Доказывается исконность модели и неизменность ее иерархически организованной интегративной семантики. Прослеживается изменение частотности употребления конструкции на протяжении почти тысячелетия. На этом основании выдвигается гипотеза о том, что исследуемая модель

отражает трансформацию ключевых идей русской языковой картины мира в начале нынешнего века.

S.N. Glazkova. Ethnospecificity of directive syntakseme *nado* (*it needs to*) +*infinitive* in diachronic aspect. The article investigates national and cultural specificity of the syntakseme *nado+infinitive* from positions of the diachronic approach. Its special, passive directivity-non-activity is established. The Russian character of model and the invariance of its hierarchically organized generalized semantics is proved. Change of rate of the use of a design throughout almost millenium is traced. The hypothesis about reflection in investigated model of transformation of key ideas of the Russian worldview in the beginning of this century is put forward.

Н.А. Дьячкова. Поспешные умозаключения или карикатура?

В статье рассматривается относительно новый ментефакт постсоветской коммуникации — «православные». К исследованию привлекаются данные либерального медиадискурса. Высказывается предположение о том, что в обществе до сих пор не изжит социальный стереотип «православный/православные», сформированный атеистической пропагандой в советские годы.

N.A. Dyachkova. Hastily-made conclusions or caricature? The article examines a relative new mental fact of the post-Soviet communication, the «Orthodox Christian». The analysis involves data from the liberal media discourse. The author tries to explore the origin of the extremely negative image of the Orthodox Christian / Orthodox Christians among the supporters of the Liberal Democratic values, who pronounce tolerance. The assumption says that a social stereotype about the «Orthodox Christian / Orthodox Christians» formed by the atheistic Soviet promulgation still affects the society.

Л.М. Готовцева. Вариантность субстантивных фразеологических единиц якутского языка. В статье анализируется вариантность субстантивных фразеологизмов якутского языка. Выявляются типы вариантов субстантивных фразеологических единиц.

L.M. Gotovtseva. The variants of substantive phraseological units of the Sakha language. The article analyzes the variants of substantive phraseologisms of the Sakha language. The article reveals the types of variants of substantive phraseological units.

К.А. Мякшин. Системный аспект изучения терминосистемы английской фонетики. Данная статья посвящена актуальной лингвистической проблеме изучения отраслевых терминосистем. В

статье рассматривается системный аспект изучения английских фонетических терминов.

К.А. Myakshin. Systemic aspect in the study of the terminological system of English phonetics. The article in question draws attention to the actual linguistic problem of studying branch terminological systems. The systemic aspect of the study of English phonetic terms is considered in particular.

Т.С. Медведева. Концептуализация времени в немецкой и русской лингвокультурах. В статье изучается вопрос о концептуализации времени в немецкой и русской лингвокультурах. На основе комплексного анализа концептов «Zeit» и «время» выявлены как универсальные, так и этноспецифические признаки в структуре указанных концептов.

T.S. Medvedeva. The Conceptualization of Time in German and Russian Linguo-Cultures. The subject of investigation is the conceptualization of time in German and Russian linguo cultures. A complex analysis approach to concepts of Zeit and Vremya (Time) allows to differentiate universal and ethno specific features in their structure.

Л.И. Москалюк. Инфинитив в островных немецких диалектах. Анализ употребления инфинитива и инфинитивных конструкций в островных немецких диалектах показывает, что они обладают общими и специфическими чертами, отличающими их от литературного немецкого языка и базовых диалектов Германии.

L.I. Moskalyuk. Infinitive in the insular german dialects. The analysis of the use of the infinitive or infinitive constructions in the Insular German dialects shows that they have general and specific features that differentiate them from the literary German language and basic dialects of Germany.

Я.О. Дзыга. И.С. Шмелев и М. Горький как продолжатели традиций: принципы натуральной школы в рассказах «Гражданин Уклеikin» и «Супруги Орловы». Статья посвящена изучению следов влияния русской натуральной школы в рассказах «Гражданин Уклеikin» И.С. Шмелева и «Супруги Орловы» М. Горького. Исследование показывает, что обновление идей и принципов предшествующей литературной традиции в анализируемых произведениях происходит по-разному. Единомышленники в наследовании вершинных достижений школы, Шмелев и Горький расходятся тогда, когда начинается проявление самобытной

творческой индивидуальности. «Маленький человек» в рассказе Горького близок открытому писателем типу «босняка», тогда как в аналогичном образе Шмелева акценты смещены с социального на духовное.

Y.O. Dzyga. I.S. Shmelev and M. Gorky as successors of the traditions: Principles of the Natural school in the stories «Sir Ukleikin» and «Spouses Orlovs». The article deals with study of influence of the Russian Natural school in the stories «Sir Ukleikin» by I.S. Shmelev and «Spouses Orlovs» by M. Gorky. As it is shown in the research the ideas and principles of the previous literary traditions are being updated in the analyzed works in different ways. Shmelev and Gorky had the same ideas inheriting the best achievements of the school but they were different in an original creative individuality. The image of «a small man» in the story by Gorky is close to the type of «a tramp» discovered by the writer while in the similar image by Shmelev mental subjects are taken into account more than social ones.

Н.Г. Арефьева. Дионисийство и аполлонизм русских модернистов в рецепции Вячеслава Иванова. В статье исследуются художественные стихии поэтов русского модернизма и их соотношение в восприятии Вячеслава Иванова. Рассматриваются древнегреческие мифопоэтические образы в стихотворениях русского поэта на символично-философском уровне в соотношении с основными понятиями и категориями современной эстетики.

N.G. Arefieva. Dionysian and Apollonian by Russian modernists in Vyacheslav Ivanov's reception. The article analyses art elements of poets of Russian modernism and their correlation in the lyrics of Russian modernism's poets in Vyacheslav Ivanov's perception. In this paper the author studies the mythopoetic images of Ancient Greek in the Russian poet's poems on the symbolic and philosophical level involving the main notions and categories of modern aesthetics.

А.А. Сидоров. Современный французский язык под влиянием речи иммигрантов. В статье анализируются сосуществование и взаимовлияние французского языка и языков иммигрантов. Подчеркивается статус французского языка как языка официального общения, занимающего главенствующие позиции в органах государственной власти, образовательной сфере, внешней политике. Акцентируется внимание на широком употреблении иммигрантских языков на уровне бытового общения и на производстве.

Анализируются причины, вследствие которых иммигрантская речь получает широкое распространение и засоряет французский язык.

A.A. Sidorov. Modern French language under the immigrants' speech influence. Coexistence and two-way influence of French language and immigrants' speech are considered in the given paper. The status of French language is accentuated, namely the status of official communication language for authority, education, foreign affairs. Immigrants' speech wide spreading in everyday communication and at work is also underlined. The reasons of immigrants' speech wide spreading and French language obstruction are analysed.

С.М. Козлова. Интегральная поэтика рассказа А.П. Чехова «В вагоне». Рассматриваются особенности поэтики юмористических рассказов Чехова в форме массовых сцен: интеграция жанров периодики и литературы, новый тип нарратора и наррации, кумулятивная композиция, символика.

S.M. Kozlova. The Integral Poetics of Chekhov's Short Story «In the Wagon». The features of the poetics of humorous short stories by Chekhov in the form of crowd scenes: integration of genres of periodical and literature, a new type of narrator and narration, a cumulative composition, symbolism.

С.А. Губанов. Метонимический эпитет и его функционирование в цветаевском идиолекте. В статье рассматривается адъективная метонимия и основные ее разновидности – конверсивная, локативная, индикативная. Дается краткий обзор изучения метонимии признака в современной отечественной лингвистике. Особенностью дискурсивной, неузуальной метонимии признака признается ее ситуативность и повышенная образность и экспрессивность, что в полной мере проявляется в текстах М. Цветаевой. Подчеркивается образная функция переносных эпитетов метонимического типа в цветаевских текстах, описываются механизмы их конструирования. Получают конкретное описание отдельные атрибутивные единицы идиолекта М. Цветаевой.

S.A. Gubanov. Adjective methonymy in literary text in the idiolect by M. Tsvetayeva. The article deals with adjective methonymy and its basic types: conversive, locative, indicative ones etc. The peculiarity of discourse adjective methonymy is its situativity, high imagination and expression. These things can be found in the texts by M. Tsvetayeva.

Е.А. Мызникова. Частные проявления научно-философского эволюционизма в творчестве И. Ефремова. Статья посвящена одному из частных проявлений научно-философского эволюционизма в творчестве И. Ефремова, феномену нуля как символу совершенства и его функционированию как в раннем, так и в позднем творчестве писателя.

E.A. Myznikova. Particular cases of scientific and philosophical evolutionism in works by I. Efremov. The article is devoted to a particular case of scientific and philosophical evolutionism in I. Efremov's works. It is the zero phenomenon as the expression of idea of perfection. I. Efremov uses this phenomenon in his early and late works.

С.А. Кабакова, С.А. Комаров. Мотив бесстрашия в творчестве М.А. Булгакова и В.М. Шукшина. В статье через анализ мотива бесстрашия фиксируется «встреча» Шукшина с последним романом Булгакова и поворот в его стратегии творчества с конца 1960-х годов.

S.A. Kabakova, S.A. Komarov. Motive of fearlessness in M.A. Bulgakov and V.M. Shukshin works. In the article through the analysis of the motive of fearlessness is fixed the «meeting» of Shukshin with the last novel by Bulgakov and turn in its strategy of creativity from the end of 1960s.

А.А. Чувакин. К построению филологической теории коммуникации : статья вторая. В статье рассматриваются основания филологической теории коммуникации.

A.A. Chuvakin. About construction of philological theory of communication : the second article. The paper considers the bases of philological theory of communication.

И.В. Рогозина. Лингвистическая модель сетевого компонента языкового сознания. В статье предпринимается попытка моделирования фрагмента сетевого сознания на основе эксперимента с использованием метода завершения экспериментальной фразы.

I.V. Rogozina. Linguistic Model of Internet Cognitive Structures. The article is focused on modeling cognitive structures produced as a result of human interaction with virtual reality.

Д.А. Кожанов. Взаимодействие дискурсов как следствие распространения междисциплинарного знания. В статье сопоставляются традиционный и современный подходы к определению и описанию языка науки. Функционирование языка науки рассматривается в неразрывной связи со стоящими за языковыми

знаками структурами сознания, в связи с чем поднимается проблема соотношения в ментальном мире человека научного понятия и концепта, научной картины мира и практической (наивной) картины мира.

D.A. Kozhanov. Discourses interaction as a result of development of interdisciplinary knowledge. The paper presents the analysis of traditional and modern approaches to definition and description of language of science. Language functioning is viewed in its inseparable unity with mental structures connected with language signs. Consequently, there appears a problem of correlation of the concept and scientific notion, on the one hand, and scientific picture of the world and practical picture of the world, on the other hand.

Т.В. Чернышова. Методы исследовательской и практической деятельности в области коммуникации и текста как важнейшая составляющая подготовки бакалавра и магистра филологии. В статье с учетом требований образовательного стандарта нового поколения рассматриваются важнейшие аспекты подготовки филолога практика в системе бакалавриата и магистратуры. Основное внимание уделяется двум аспектам: постановке проблемы овладения студентами бакалавриата и магистратуры системой методов и приемов филологического анализа текстов как продуктов речевой коммуникации и умению обучаемых использовать полученные теоретические и практические знания в практике коммуникативной речевой деятельности.

T.V. Chernyshova. Methods of scientific and practical activities in the field of communication and text as one of the most important element during the training of Bachelor and Master of Philology. The article deals with the most important aspects of training a philologist practitioner in Bachelor's and Master's programmes. The emphasis is upon two aspects of Bachelor's and Master's students training: the problem of achievement of set of methods of philological analysis of texts as products of speech communication and training the skill to use theoretical and practical knowledge in speech communication practice.

А.Г. Пастухов Инфотеймент и эдудеймент: цифровые медиа против бумажных? Статья посвящена анализу современного образовательного и научного пространства в информационном обществе. С позиций медиакультуры показаны изменения в обществе, касающиеся образовательных процессов как инновационной платформы и медийной сферы влияния. Изменение типологических

характеристик медиа происходит на фоне развития новых жанров, использования развлекательных форм, ориентации на новые аудитории или субкультуры. Цифровые медиа выступают важнейшим регулятором общественных отношений и показательно свидетельствуют о том, что они становятся инструментом формирования личности, средой обитания человека, субъектом культуры, в т.ч. научной.

A.G. Pastukhov. Infotainment and Edutainment: Digital Media vs. Print Media? The article is devoted to the analysis of modern educational and scientific space as element of information society. From the standpoint of media culture the changes in society, educational processes as innovative platform and media determination sphere are investigated. The changes in the media typology are reconstructed on the basis of new genres, entertainment forms, orientation to new audiences and subcultures. The attention is also paid to the role of new digital media as important regulator of public relations that create conditions for the personality formation, man's environment and subject of culture etc.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА ЗА 2012 ГОД

Статьи

Н.Ю. Абузова. Апокалиптический комплекс в поэзии С. Боброва.....	3
Т.И. Акимова. Становление образа императрицы в письмах великой княгини Екатерины Алексеевны к английскому послу сэру Чарльзу Г. Уильямсу.....	3
П.В. Алексеев. Источники восточной повести «Антар» О.И. Сенковского.....	3
Н.Г. Арефьева. Дионисийство и аполлонизм русских модернистов в рецепции Вячеслава Иванова.....	4
А.Н. Байкулова. Категория официальность / неофициальность и ее коммуникативно-прагматические функции в речи.....	2
Е.Н. Батурина. Особенности повествовательной структуры и контекстные репрезентации концепта ЧЕЛОВЕК в повести «Белые ночи» Ф.М. Достоевского	1
С.Н. Глазкова. Этноспецифика директивной синтаксемы <i>надо+инфинитив</i> в диахроническом аспекте	4
Л.М. Готовцева. Вариантность субстантивных фразеологических единиц якутского языка	4
Ю.В. Данюшина. Управленческая коммуникология и организационная дискурсивная лингвистика (межкультурный критический анализ управленческого дискурса)	4
М.А. Демчинова. Собираение и изучение алтайских народных песен	1
Я.О. Дзыга. И.С. Шмелев и М. Горький как продолжатели традиций : принципы натуральной школы в рассказах «Гражданин Уклеikin» и «Супруги Орловы».....	4
А.И. Дьяков. Участие англоязычных морфем в русском словообразовании	2
Н.А. Дьячкова. Поспешные умозаключения или карикатура?.....	4
Е.Ю. Иванова. Славянские языки в аспекте типологии предикатов (класс «устойчивых признаков»).....	3
Т.Ф. Извекова. Место ключевых концептов языка в формировании национального сознания и особенности их функционирования в художественном дискурсе	1

В.Н. Карлухина. Аксиологический аспект исследования перевода как творческого процесса.....	1
Л.В. Куликова. Метафоризация констант «милосердие» / «жестокость» в английском языковом пространстве.....	3
С.К. Кучигина. Специфика российской комедиографии первой трети XIX века : некоторые аспекты.....	2
Г.В. Кучумова. Немецкоязычный роман 1980-2000 годов : новые формулы неспешности	1
В.А. Лазарева. Дейктическая актуализация имени собственного : контексты, смыслы, толкования	2
П.В. Маркина. Парадигма «Петербург – Петроград – Ленинград» М.М. Зощенко.....	1
П.В. Маркина. «Растратчики» В.П. Катаева в контексте творческого диалога с Ю.К. Олешей.....	2
Д.В. Марьин. Православные мотивы в эпистолярном творчестве В.М. Шукшина.....	3
Т.С. Медведева. Концептуализация времени в немецкой и русской лингвокультурах	4
Л.И. Москалюк. Инфинитив в островных немецких диалектах.....	4
К.А. Мяскин. Системный аспект изучения терминосистемы английской фонетики	4
Е.Ф. Нечаева. Оппозиция «Я – Другой» как лингвофилософская проблема	1
Е.Г. Постникова. Феноменология власти в творчестве Ф.М. Достоевского («Бесы»).....	3
Е.И. Роголева. Контекстуальная семантизация фразеологизмов в учебном словаре	1
Л.Н. Романова. Проблемы стадийного изучения истоков зарождения якутской литературы.....	2
Л.Ц. Санжеева. Роль фонэстетических средств в создании эпической образности (на материале бурятской Гэсэриады)	2
Л.В. Селезнева. Целостность дискурса как лингвистическая проблема.....	2
О.А. Селеменова. Вербализация типовой пропозиции «состояние природы» неспециализированными структурными схемами простых предложений в русском языке.....	3
В.И. Тармаева. Дивинация событий как установка когнитивной гармонии в повествовательном дискурсе	3
Н.М. Татарникова. Анализ коммуникативных стратегий как способ изучения стилевой черты	1
М.К. Тимофеева. Однозначные тексты с двойственной семантикой.....	1

В.В. Трубицына. Песни литературного происхождения в фольклорном репертуаре Кемеровской области (песни тюрьмы, каторги и ссылки).....	3
Т.В. Федосова. Репрезентация времени в постмодернистском дискурсе.....	1
И.К. Феоктистова. «Легенда о Лиханове» в сборниках А.А. Мисюрева : мифологические мотивы образа народного заступника	1
А.В. Хрусталева. Русская философская критика : к вопросу о первоочередных терминологических проблемах	2
М.С. Черепенникова. Итальянская поэзия и Гете. Литературный диалог (к году Италии в России).....	2
И.П. Шинников. Мениппейная поэтика в романе В.П. Аксенова «Ожог»	2

Научные сообщения

И.В. Ахмадуллина. Полевые связи китайских недоговорок-иносказаний, содержащих лексический компонент 吃	1
Т.С. Бережная. Экспериментальное исследование восприятия поликодовых рекламных текстов прошлого современными носителями языка	1
М.Р. Бобохов. Психологические доминанты повести Тагая Мурада «Сумерки, когда заржал конь»	1
Ван Ланцзюй. Учение Лао-Цзы о «недеянии» («у-вэй») в романе Л.Н. Толстого «Война и мир».....	3
Н.С. Васин. Рецепция трагедии «Фауст» И.В. Гете в русской литературе первой трети XIX века	2
Н.А. Володько. Прецедентные имена собственные в произведениях Владимира Сорокина	2
А.С. Ващеулова. Специфика актуализации концепта HAPPINESS в американском политическом, религиозном и бытийном типах дискурса	2
К.Е. Гайер. К вопросу о межтекстовом взаимодействии : явление взаимопроникновения текстов (на материале произведений Умберто Эко)	2
А.Ф. Гайнутдинова. К вопросу о вариативности в использовании возвратного местоимения в современном русском языке (на материале художественной прозы XIX–XX веков).....	1
М.В. Гальцова. Сколько лет Макару Девушкину? (антиномия старость – молодость в структуре характера героя).....	3

А.А. Гриневич. Представления о времени в картине мира обрядовых песен медвежьего праздника казымских хантов	2
С.А. Губанов. Метонимический эпитет и его функционирование в цветаевском диалекте	4
Н.В. Джаманова. Лабиринт внутри : языковые аномалии как средство реализации концепта «лабиринт» в прозе Дж. Фаулза (на примере романа «Волхв»).....	2
С.А. Кабакова, С.А. Комаров. Мотив бесстрашия в творчестве М.А. Булгакова и В.М. Шукшина	4
М.В. Карапетян. Смысловая функция звуков речи в поэтическом тексте.....	3
С.М. Козлова. Интегральная поэтика рассказа А.П. Чехова «В вагоне».....	4
О.В. Коцеева. Онтогенез коммуникативной компетенции : речежанровый аспект	1
Т.А. Кравцова. О некоторых типах метаязыкового комментария (на материале художественных текстов).....	2
Э.А. Лазарева. Интеграция / сегментация информации как сущностное свойство интернет-дискурса	3
Э.В. Мальгина. Принципы взаимодействия приемов воспроизведения кризисной межперсонажной коммуникации в рассказе В.М. Шукшина «Жена мужа в Париж провожала».....	2
Д.А. Мухачев. Петербург в ранней поэзии В. Набокова	2
Е.А. Мызникова. Частные проявления научно-философского эволюционизма в творчестве И. Ефремова	4
С.А. Свиридов. Художественная гипнология в романах И.С. Тургенева : предсонье и сон.....	1
А.А. Сидоров. Современный французский язык под влиянием речи иммигрантов	4
И.В. Шестакова. Поэтика межвидового синтеза в литературном сценарии В.М. Шукшина «Живет такой парень»	3

Коммуникативная парадигма в современной филологии : человек – язык – текст

Д.А. Кожанов. Взаимодействие дискурсов как следствие распространения междисциплинарного знания	4
А.Г. Пастухов. Инфотеймент и эдудеймент : цифровые медиа против бумажных?.....	4
И.В. Рогозина. Лингвистическая модель сетевого компонента языкового сознания.....	4
Т.В. Чернышова. Методы исследовательской и практической деятельности в области коммуникации и текста как важнейшая составляющая подготовки бакалавра и магистра филологии	4

А.А. Чувакин. К построению филологической теории коммуникации : статья вторая.....	4
---	---

Коммуникативная парадигма в современной филологии : человек – литература – культура

В.В. Десятов. Логос и музыка в диалоге	
Н. Гумилева и О. Мандельштама	3
М.П. Гребнева. Флоренция в воспоминаниях Н.П. Анциферова	3
Г.В. Кукуева. Ассимилирующиеся рассказы-очерки В.М. Шукшина как результат межтекстовой деривации	3
Н.В. Панченко. Композиционный узел как фактор организации композиционного пространства текста.....	3

Филология : люди, факты, события

В.И. Габдуллина. Международная научно-практическая конференция «Русская словесность в России и Казахстане : аспекты интеграции».....	2
Н.М. Киндикова. Проблемы глобализации и локализации в регионе : по следам Десятого Международного координационного Совета «Наш общий дом – Алтай».....	3
Н.В. Панченко, Т.В. Чернышова. Третья международная научно-практическая конференция «Коммуникативистика в современном мире : эффективность и оптимизация речевого взаимодействия в социуме» (Барнаул, Алтайский государственный университет, 24–28 апреля 2012 г.).....	4

Критика и библиография

Л.О. Бутакова. Рецензия на учебное пособие Ю.Н. Земская, И.Ю. Качесова, Л.М. Комисарова, Н.В. Панченко, А.А. Чувакин «Теория текста». Под ред. А.А. Чувакина. 2-е изд. перераб. и доп. М.: «Флинта : Наука», 2010. 224 с.....	1
О.А. Ковалев. Казаков А.А. Русская литература последней трети XIX века. (курс лекций) : учеб. пособие. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. 202 с.....	3
В.И. Коньков. «Коммуникативистика в современном мире : эффективность и оптимизация речевого взаимодействия в социуме : Материалы Третьей международной научной конференции (Барнаул, 24-29 апреля 2012 г.) / под ред. Н.В. Панченко, Т.В. Чернышовой, А.А. Чувакина. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2012. 327 с.....	4

- Э.А. Лазарева.** А.А. Чувакин. Основы филологии :
учеб. пособие; под ред. А.И. Куляпина.
М.: «ФЛИНТА» : Наука, 2011. 240 с. 2
- М.Р. Проскуряков.** Рецензия на монографию Т.И. Красновой
«Другой голос. Анализ газетного дискурса русского зарубежья
1917–1920 (22) гг.»..... 4
- А.А. Чувакин.** М.А. Кормилицына, О.Б. Сиротинина.
Язык СМИ : учебное пособие по курсу
«Язык СМИ» для студентов 1 и 2 курсов подготовки
бакалавров по направлению 031300 «Журналистика».
Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2011. 92 с. 2

Филология и образование

- А.А. Чувакин.** Прикладная филология. Примерная программа
учебной дисциплины (Для профиля «Прикладная филология») 1

НАШИ АВТОРЫ

**АРЕФЬЕВА,
Наталья Генриевна**

– доцент кафедры литературы Астраханского государственного университета.
E-mail: yaroslavarefiev@yandex.ru

**ГЛАЗКОВА,
Светлана Николаевна**

– кандидат филологических наук, доцент
Миасского филиала Челябинского государственного университета».
E-mail: snglaz@rambler.ru

**ГОТОВЦЕВА,
Лина Митрофановна**

– кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Якутск).
E-mail: Lingot@rambler.ru

**ГУБАНОВ,
Сергей Анатольевич**

– докторант Международного института рынка (Самара).
E-mail: yuol@irmail.ru

**ДАНИУШИНА,
Юлия Владимировна**

– кандидат филологических наук, доцент Государственного университета управления (Москва).
E-mail: juliadaniushina@mail.ru

**ДЗЫГА,
Ярослава Олеговна**

– докторант Московского государственного областного университета.
E-mail: disava@yandex.ru

ДЬЯЧКОВА,
Наталья
Александровна

– доктор филологических наук, профессор,
ректор Миссионерского института при Ново-
Тихвинском женском монастыре (Екатеринбург).
E-mail: natalya@olympus.ru

КАБАКОВА,
Светлана
Александровна

– аспирант Ишимского государственного
педагогического института им. П.П. Ершова.
E-mail: svetlana-igpi@mail.ru

КОЖАНОВ,
Дмитрий Алексеевич

– кандидат филологических наук, доцент
Алтайской государственной педагогической
академии (Барнаул).
E-mail: dsf4k@mail.ru.

КОЗЛОВА,
Светлана Михайловна

– доктор филологических наук, профессор
Алтайского государственного университета
(Барнаул).
E-mail: kozlova41@mail.ru

КОМАРОВ,
Сергей Анатольевич

– доктор филологических наук, профессор
Ишимского государственного педагогического
института им. П.П. Ершова
E-mail: svetlana-igpi@mail.ru

КОНЬКОВ,
Владимир Иванович

- доктор филологических наук, профессор Санкт-
Петербургского государственного университета
E-mail: pr.dept@jf.pu.ru

МЕДВЕДЕВА,
Татьяна Сергеевна

– кандидат филологических наук, доцент
Удмуртского государственного университета
(Ижевск).
E-mail: ts_medved@mail.ru

МОСКАЛЮК,
Лариса Ивановна

– доктор филологических наук, профессор
Алтайской государственной педагогической
академии (Барнаул).
E-mail: l.moskalyuk@yandex.ru

- МЫЗНИКОВА,**
Екатерина Андреевна – аспирант Алтайской государственной педагогической академии (Барнаул).
E-mail: zrachok@inbox.ru
- МЯКШИН,**
Кирилл
Александрович – кандидат филологических наук, старший преподаватель Северного (Арктического) федерального университета (Архангельск).
E-mail: kirillmyakshin@ya.ru
- ПАНЧЕНКО,**
Наталья
Владимировна – кандидат филологических наук, доцент Алтайского государственного университета (Барнаул).
E-mail: panchenko@list.ru
- ПАСТУХОВ,**
Александр
Гаврилович – кандидат филологических наук, доцент Орловского государственного института искусств и культуры.
E-mail: pastalex@orel.ru
- ПРОСКУРЯКОВ,**
Максим Русланович – доктор филологических наук, профессор Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов.
E-mail: maxpros@yandex.ru
- РОГОЗИНА,**
Ирина Владимировна – доктор филологических наук, профессор Алтайского государственного университета (Барнаул).
E-mail: irogozi@mail.ru
- СИДОРОВ,**
Антон Андреевич – кандидат филологических наук, доцент Волгоградского государственного университета.
E-mail: couteau1@yandex.ru
- ЧЕРНЫШОВА,**
Татьяна Владимировна – доктор филологических наук, профессор Алтайского государственного университета (Барнаул).
E-mail: labrlexis@mail.ru.

**ЧУВАКИН,
Алексей Андреевич**

– доктор филологических наук, профессор
Алтайского государственного университета
(Барнаул).
E-mail: chuvakin@inbox.ru

Журнал распространяется по подписке
Подписной индекс 36795
в каталоге «Газеты. Журналы» Агентства «Роспечать»

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
Свидетельство ПИ № ФС77-30179 от 02.11.2007 г.

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук (редакция февраль 2010)». Согласно решению Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 10 октября 2008 года № 38/54, с 10 октября 2008 года к изданиям, рекомендованным для публикации основных научных результатов докторских и кандидатских диссертаций, относятся все издания, включенные в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Сдано в набор 12.10.2012. Подписано в печать 15.10.2012. Формат 60?84/16. Гарнитура Times New Roman. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 12. Тираж 500 экз. Заказ № 238.

Типография Алтайского государственного университета:
656049, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66

© Издательство Алтайского государственного университета, 2012

Требования к оформлению присылаемых в редакцию материалов

1. Редакция журнала принимает статьи объемом до 30 тыс. знаков с пробелами, научные сообщения – до 16 тыс. знаков с пробелами, другие материалы – до 6 тыс. знаков с пробелами. Для аспирантов – объем не более 16 тыс. знаков с пробелами!
2. Электронные материалы должны быть представлены в формате Word for Windows. Для знаков, отсутствующих в шрифте Times New Roman (для транскрипции, иноязычных примеров и т.д.), используются стандартные распространенные шрифты (Symbol, Lucida Sans Unicode). При использовании оригинальных шрифтов их файлы (формат *.ttf – True Type Font) необходимо выслать вместе со статьей приложением к электронному письму. Для создания схем, графиков, иллюстраций используются программы стандартного пакета Microsoft Office; графика должна быть внутри файла.
3. Примеры в тексте статьи оформляются *курсивом*.
4. Примечания к тексту оформляются в виде постраничных сносок и имеют постраничную нумерацию.
5. Библиографическое описание изданий оформляется в сокращенном варианте (без указания издательства, страниц и вида издания – учебное пособие, монография, сборник и т.п.) и приводится в конце работы по алфавиту. Источники на иностранных языках располагаются после источников на русском языке.
6. Ссылки на литературу в тексте даются в квадратных скобках, где указываются фамилия автора, год издания, цитируемые страницы. Например: [Виноградов, 1963, с. 46]. Если в библиографии упоминается несколько работ одного и того же автора и года, то используется уточнение: [Горелов, 1987a]. В списке литературы делается такая же пометка.
7. Статьи следует направлять по адресу: 656049 г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, Алтайский государственный университет, филологический факультет, ауд. 405-а, отв. секретарю журнала Василиенко Татьяне Николаевне. Электронная версия отправляется вложенным файлом по адресу: sovet01@filo.asu.ru (В разделе «Тема» просим указать: «В редакцию журнала»). К статье прилагается справка об авторе: фамилия, имя, отчество, место работы (полное название организации с указанием адреса и почтового индекса), должность, ученая степень, ученое звание, служебный и домашний адрес, номера телефонов / факса, электронная почта. **Наличие адреса электронной почты обязательно!**
8. Статьи, оформленные с нарушением приведенных правил или плохо отредактированные, редакцией не рассматриваются.
9. Требования к оформлению основного текста статьи: 12 кегль, шрифт: Times New Roman, междустрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 0,8 см. **Неосновной текст**, предвещающий статью (научное сообщение), состоит из следующих компонентов: и.о. фамилия автора (на русском и английском языках, выделяется полужирным), название (на русском и английском языках, выделяется полужирным), аннотации на русском и английском языках (не более 250 слов каждая). Далее следует **основной текст** статьи: название (на русском языке, прописными буквами, выравнивание по центру), и.о. фамилия автора (полужирным, курсивом, выравнивание по центру), ключевые слова на русском и английском языках (не более 6-ти на каждом языке, отступы слева и справа по 0,8 см., выравнивание по ширине), собственно текст, список литературы.

Примечания:

1. Научные тексты, присылаемые аспирантами и соискателями ученой степени кандидата наук, должны отражать основные результаты исследования, соответствовать жанру научного сообщения и сопровождаться рекомендацией кафедры, при которой выполняется диссертационная работа (оформляется в виде выписки из протокола заседания кафедры), и отзывом научного руководителя (с оценкой актуальности темы исследования, новизны полученных результатов, их теоретической и практической значимости) и рекомендацией к печати в журнале «Филология и человек». Сопроводительные документы (скрепленные печатью организации) сканируются и высылаются в редакцию по электронной почте или передаются по тел. / факсу (3852)366384. **2. Обращаем внимание, что указанный в п. 1 объем научного текста учитывает все его компоненты (от названия до примечаний и источников материала включительно).** 3. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.